ОГОНЁК

№ 44 ОКТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА И КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА — ПРОЧНАЯ И НЕЗЫБЛЕМАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОГО СТРОЯ!

(Из Призывов ЦК КПСС к 43-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1741)

30 ОКТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Баку

Два сменных задания выполняет каждый день комсомолец Авяз Эйбатов, электросварщик котельно-механического завода треста «Кавказэнергострой».

Фото Г. Мочейкиса.

Дальний Восток

Страна идет со навстречу

ТРУДОВЫМИ ПОДАРКАМИ РОДИНЕ ВСТРЕЧАЮТ

Москва

Многие годы работает на автозаводе имени Лихачева шлифовщик Леонид Иванович Куркин, депутат Верховного Совета РСФСР.

Полторы нормы в смену выполняет мастер, встав на трудовую вахту в честь Октября. Витя Смирнов — один из многих его учеников.

Фото А. Морозова.

Южный Урал

Еще один город молодости — Амурск! Здесь, на стройке крупнейшего на Дальнем Востоке целлюлозно-бумажного комбината, трудовыми успехами встречают праздник недавние солдаты Владимир Казаков, Владимир Попов и Михаил Вострокнутов.

Фото Н. Суровцева.

славою новому дню!

43-й ОКТЯБРЬ СТРОИТЕЛИ СЕМИЛЕТКИ

Миллион двести тысяч кубометров вскрышных работ — такое обязательство принял к 43-й годовщине Октября коллектив рабочих Гайского месторождения меди. Будущий горняк, студентка-комсомолка Рая Шумихина пройдет здесь хорошую производственную практику.

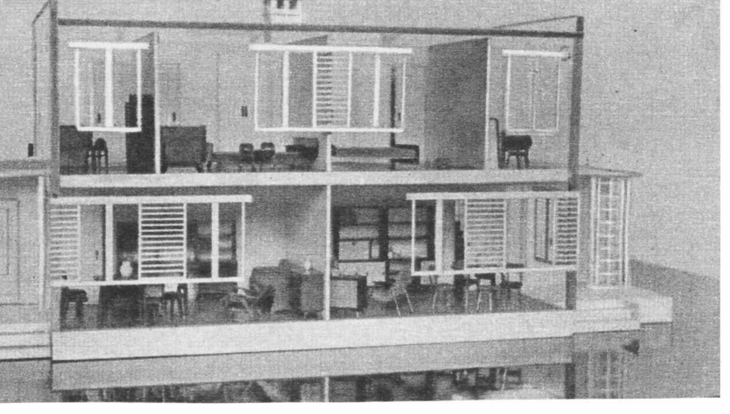
Фото В. Кругликова.

25 ОКТЯБРЯ ОТКРЫЛАСЬ III СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР ПЯТОГО СОЗЫВА.

В повестке дня сессии: о состоянии и мерах по улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР; об охране природы; проект Закона о порядке отзыва депутата краевого, областного, окружного, районного, городского, сельского и поселкового Советов депутатов трудящихся; проект Закона о судоустройстве РСФСР и проекты уголовного и уголовно-процессуального кодексов РСФСР; утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

На снимках: Открытие сессии. В зале во время работы сессии.

Фото А. Гостева.



Д. К. БРЕСЛАВЦЕВ,
директор института Гипростандартдом

Колхозное село в семилетии подводит под крыши около семи миллионов жилых домов. А еще надо прибавить то, что построят рабочие и служащие совхозов,

Макет жилого двухквартирного дома в селе Ксаверовке.

Интервью «Огонька».

И УГЛАМИ И ПИРОГАМИ...

Макет застройки села Калиновки.

прибавить школы на 3 миллиона 800 тысяч мест, детские сады на 460 тысяч детей, ясли на 400 тысяч мест, больницы, клубы, интернаты. В общем на сельское строительство будет потрачено почти вдвое больше, чем за предыдущие семь лет.

На самом краю Москвы, на Можайском шоссе, стоят два многоэтажных жилых дома со всеми современными удобствами. Кажется, к сельскому строительству они отношения не имеют, но это далеко не так, именно на них указал Н. С. Хрущев на декабрьском Пленуме ЦК КПСС, когда речь зашла о строительстве на селе. В одном таком доме, сказал он, можно разместить жителей большого колхоза, и они бы смогли там жить, как москвичи. Но тут же заметил, что нельзя не отдавать дани времени и привычкам людей. Надо учитывать запросы колхозников, считаться с их желаниями.

ЧТО НОВОГО В ТИПАХ ДОМОВ?

Современные проблемы советской архитектуры тесно переплетаются с проблемами воспитания, организации труда, отдыха трудящихся. Закономерный процесс укрупнения колхозов требует создания новых больших, благоустроенных поселков с культурно-бытовым и коммунальным обслуживанием городского уровня.

В современных условиях одноквартирные дома с личным приусадебным хозяйством становятся невыгодными и в строительстве и в эксплуатации. Лучше строить дома большие, в несколько этажей.

Очень понравились колхозникам, например, дома, в которых каждая квартира удобно размещается на двух этажах с внутренней лестницей. В первом этаже — кухня, санитарный узел, общая комната, на втором этаже — спальня, детская комната. Каждая квартира имеет изолированный вход, отдельный выход на небольшой участок, остекленную веранду и кладовую.

Кроме двухэтажных домов, для сел разрабатываются экономичные проекты трех - четырех - пятиэтажных жилых домов.

При проектировании культурно-бытовых зданий осуществляется принцип объединения нескольких учреждений. Так, например, административное здание включает сельсовет, правление колхоза, агролабораторию, отделение связи, сберкассу; в торговом центре — магазин, столовая, предприятия бытового обслуживания и гостиница. Общеобразовательная школа объединяется с интернатом, детский сад — с яслями, столовая — с клубом.

Новая комплексная застройка идет в селе Калиновке, Курской области. Колхозники этого села на своем собрании отказались от строительства одноквартирных домов и решили строить двухэтажные, а также четырехэтажные многоквартирные дома.

Надо сказать, что этот проект, разработанный Академией строительства и архитектуры СССР, требует 77 гектаров площади, а отвергнутый «одноэтажный» вариант требовал 119 гектаров.

Какими методами будут возводиться здания? Дело идет к тому, что и на селе дома будут создаваться, как в городах: их будут собирать, впрочем, они уже и сейчас собираются из крупных деталей.

В сельских районах быстро развивается сеть межколхозных строительных организаций и предприятий.

АРХИТЕКТОР НА СЕЛЕ

Размах строительства на селе огромен. Вот, например, артель имени Кирова, Кореновского района, Краснодарского края. Здесь начиная с 1954 года на строительство израсходовали без малого пятнадцать миллионов рублей. Кроме производственных помещений, поставили два клуба, школу, родильный дом, баню, детский сад, летний кинотеатр, музыкальную школу. На очереди школы-интернаты, дома для престарелых.

Во многих колхозах строительство стало существенной и важной отраслью хозяйства. И тут без специалиста, без архитектора не обойтись. Он становится в ряд с агрономом, зоотехником. Колхозники ждут от него хорошо продуманного проекта планировки.

Думается, что поговорке: не красна изба углами, а красна пирогами — пришел конец. В социалистическом селе дом должен быть красен и углами и пирогами. Рискуют попасть в неловкое положение и те, кто все еще намерен поэтизировать белые мазанки, кондовые избы, соломенные крыши. Достаточно взглянуть на фотографии макетов двух советских сел — Калиновки и Ксаверовки, — чтобы в этом убедиться. Да, меняется в стране сельский пейзаж, сильно меняется. Фотографии дают представление не только об облике, но и о внутреннем устройстве жилища советского колхозника. Эти макеты видели жители Кубы, они демонстрировались в Праге. Думается, что впереди у них новые дальние дороги. И мы с гордостью можем сказать: приезжайте к нам посмотреть натуру! Обновляют свой лик советские села.

СЛАВНЫЙ ПОДВИГ

Шон О'Кейси,
ирландский писатель

Мертвые просыпаются!

Именно так представляется мне то, что произошло на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и человеком, сотворившим это чудо, был г-н Хрущев. У этого чуда есть юмористическая сторона: сначала советского лидера собирались игнорировать, никто не должен был говорить с ним, каждый должен был ходить по другой стороне улицы. Были отданы приказы, чтобы ни один журналист не сообщал о его присутствии, чтобы ни одна телевизионная камера не была установлена где-нибудь поблизости от него. Пусть он едет или пусть подождет — на него не будут обращать внимания, его будут игнорировать, избегать, и Ассамблея Объединенных Наций будет идти монотонно, как всегда, словно г-н Хрущев и не приехал.

Так было решено, так было все устроено, но не случайно пословица говорит, что самые хорошо задуманные планы очень часто идут прахом. И так случилось в Нью-Йорке.

«Балтика» шла своим курсом туда, где советского премьера должно было ждать полное безразличие. Хрущев должен выступать? Ну, что ж, пусть его говорит — все будет так, как будто бы он не говорил вовсе, потому что его не будут слушать, потому что все уши будут заткнуты, и он может обращаться в пространство, которое окружает его.

«Балтика» продолжала плыть, а главы некоторых государств играли в гольф, сидели в садиках, если было жарко, или горбились у камелька, когда наступало похолодание, и старались не замечать ни «Балтики», ни Хрущева.

Корабль подошел ближе к берегам Соединенных Штатов, и вдруг молчание неожиданно нарушилось, раздался тревожный набат, и не только в Америке. Дин-дон! Никита Хрущев собирается выступать! И вот те, кто собирался игнорировать Хрущева, сбросили свои пижамы, натянули фраки дипломатов и заспешили на самолетах и пароходах в Нью-Йорк, галопом понеслись в здание ООН, где делегации Запада в молчании застыли на своих местах, не решаясь повернуть голову к дверям, дабы не увидеть входящего в зал Хрущева.

Советский лидер высадился на американскую землю — и все переменилось: молчание превратилось в бурю восклицаний, крышки с объективов сотен телевизионных камер были сняты. Телевидение следило за советским лидером, куда бы он ни шел, репортеры газет толпами ходили за ним, сообщая о каждом слове, которое он сказал: те, кто был мертв, ожили снова.

И вот Генеральная Ассамблея, которая долго спала, словно замороженная, неожиданно вышла из этого своего состояния. Столбик политического термометра быстро пополз вверх. Глава советского правительства сотворил чудо! Человек, которого собирались прятать от каждого американца, оказался на виду у всех, стал знаком каждому, не только американцам, но и всем остальным. Я сам видел его по телевидению, слышал, как он говорил, пристально следил за его кипучей деятельностью, и так делали многие из нас, ирландцев.

Он свершил нечто удивительное: он вдохнул живую струю в монотонную атмосферу работы ООН; его влияние на ООН таково, что эта организация едва ли останется такой же, какой была до сих пор. Он дал много пищи для серьезных размышлений и поставил перед человечеством вопросы огромной важности. Он произвел переворот в умах делегатов сессии, и можно считать, что давление Запада в ООН наверняка потеряет свою былую силу.

Нет сомнения, что Никита Хрущев расчистил путь для того, чтобы сделать решительный шаг вперед в прогрессе человечества. Это был поистине славный подвиг!

Я благодарю вашего лидера и с уважением приношу ему свои поздравления за ту замечательную работу, которую он проделал.

История обвиняет США

Соединенные Штаты начали новую серию агрессивных действий против свободолюбивого кубинского народа. Недавно американские империалисты объявили об усилении экономической блокады Кубы. Их «эксперты» заявляют, что теперь «работа промышленности и торговля на Кубе будут сокращаться и, в конце концов, замрут». История знает, что США однажды уже проводили блокаду против Кубы. Это было в годы испано-американской войны 1898 года. Но теперь настали иные времена: происки американских империалистов встречают осуждение всех миролюбивых народов. В борьбе против этих происков у Кубы есть верные и могучие друзья. Планы американских агрессоров потерпят провал!

Ниже мы печатаем статью и фотодокументы из Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, подготовленные для нашего журнала старшим научным сотрудником этого архива В. ПЕТРАШОМ.

В 1897—1898 годы лейтенант русского флота Д. Б. Похвиснев находился в качестве наблюдателя на Кубе. Русский офицер тщательно записывал свои впечатления и сделал ряд фотоснимков.

Это было во время восстания кубинцев против испанских угнетателей, начавшегося в 1895 году.

Мужественно и самоотверженно боролись против 200-тысячной армии колонизаторов кубинские повстанцы под водительством Массимо Гомеса, негра Монкадо, мулата Антонио Масео. Ядром повстанческих отрядов, насчитывавших к 1897 году до 30 тысяч бойцов, были сельская беднота и рабочие сахарных заводов. Отважных борцов за независимость не страшили ни казни, ни зверства «кровавой гиены» Кубы — немецкого генерала Вейлера, командовавшего испанскими войсками. По свидетельству лейтенанта Д. Похвиснева, путь, где проходили войска Вейлера, превращался в пепелище и пустыню. «Колонна шла форсированным маршем,— писал он,— сжигая на своем пути и вырезывая почти все, что ни попадалось».

Сосед Кубы — США — решил использовать восстание на острове в своих целях. Жадные руки американских империалистов уже давно тянулись к Кубе. Еще в 1851 году правительство США пыталось попросту купить у Испании Кубу за 1 миллиард долларов. В апреле 1898 года империалисты США начали вооруженное вмешательство в дела Кубы.

[BLOCKADE—SOUTHERN CUBA AND SAN JUAN, PUERTO RICO.]

By the President of the United States of America:

A Proclamation.

WHEREAS, for the reasons set forth in my Proclamation of April 22, 1898, a blockade of the ports on the northern coast of Cuba, from Cardenas to Bahia Honda, inclusive, and of the port of Cienfuegos, on the south coast of Cuba, was declared to have been instituted; and

Whereas, it has become desirable to extend the blockade to other Spanish ports:

Now therefore, I, WILLIAM McKINLEY, President of the United States, do hereby declare and proclaim that, in addition to the blockade of the ports specified in my Proclamation of April 22, 1898, the United States of America has instituted and will maintain an effective blockade of all the ports on the south coast of Cuba, from Cape Frances to Cape Cruz, inclusive, and also of the port of San Juan, in the Island of Porto Rico.

Neutral vessels lying in any of the ports to which the blockade is by the present Proclamation extended, will be allowed thirty days to issue therefrom, with cargo.

In witness whereof, I have hereunto set my hand, and caused the Seal of the United States to be affixed.

[SEAL.] Done at the City of Washington, this twenty-seventh day of June, A. D., 1898, and of the Independence of the United States the one hundred and twenty-second.

WILLIAM McKINLEY

By the President:
J. B. MOORE,
Acting Secretary of State.

«Прокламация» Мак-Кинли.

Корабли американского флота обстреливали и разрушали прибрежные города, расстреливали из орудий мирных жителей, сжигали и уничтожали плантации сахарного тростника и табака, захватывали суда, доставлявшие на Кубу продовольствие и товары.

В июне 1898 года президент США Мак-Кинли выпустил «прокламацию» об усилении блокады острова. В «прокламации» говорилось: «...Я, Вильям Мак-Кинли, президент Соединенных Штатов Америки, сим объявляю, что в дополнение к блокаде портов, перечисленных в моей прокламации от 22 апреля 1898 года, Соединенные Штаты Америки установили и будут поддерживать эффективную блокаду всех портов южного побережья Кубы... В удостоверение чего приложил к сему свою руку и печать Соединенных Штатов». Жестокие последствия блокады легли на плечи мирного населения кубинских городов и в первую очередь на массы бедноты. В столице Кубы Гаване хлеб стал доступен только богатым, началась резкая нехватка другого продовольствия. Вот как описывал очевидец-лейтенант бедствия жителей Гаваны в 1898 году: «Во всем городе была только одна булочная, и к 9 часам, когда она открывалась, перед дверями ее собиралась чуть ли не половина города... Все, что было слабого,— вымерло к этому времени, но все-таки приходилось видеть людей, которые не в силах были даже просить милостыню». Истощенные от голода дети массами вымирали.

США, по словам Похвиснева, «блестяще продолжают применять систему генерала Вейлера, оставляя умирать с голода бедных детей и женщин, на которых блокада ложится всей своей тяжестью. Результат достигнут — страна сожжена, разорена и почва окончательно подготовлена для американского доллара...»

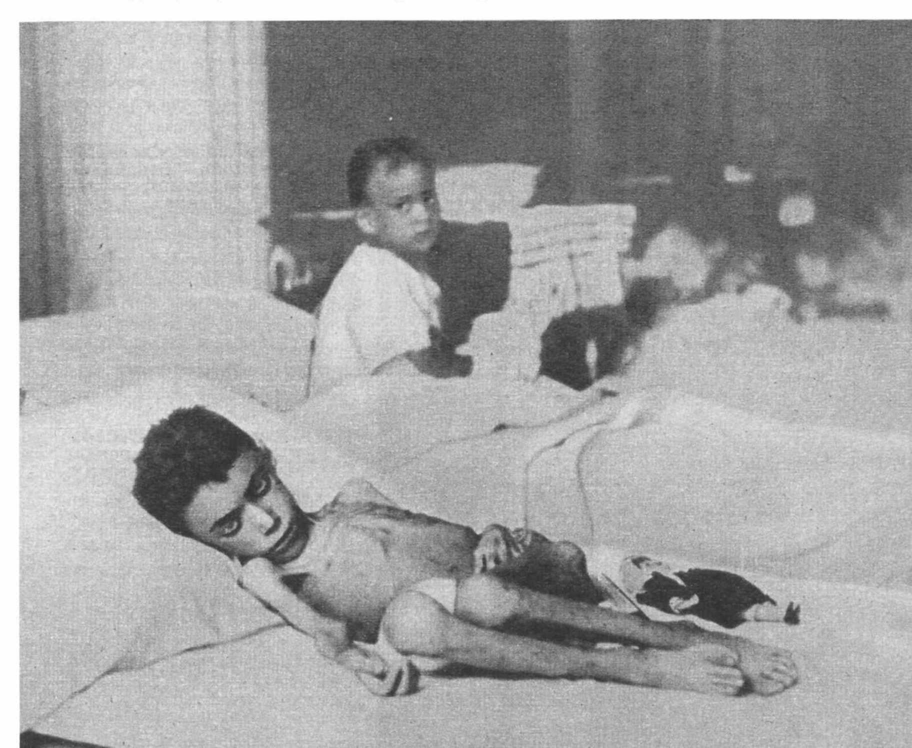
Д. Похвиснев замечает, что «вообще эта война не должна называться испано-американской» и что Соединенные Штаты выступают внешним врагом «открыто в последнюю минуту, чтобы воспользоваться истощением обоих противников и пожать дешевые лавры».

Как известно, война кончилась тогда поражением Испании, но она не принесла Кубе ни свободы, ни независимости. Сменились лишь хозяева. Вместо испанцев с конца XIX века на Кубе начали хозяйничать американские колонизаторы.

Группа руководителей кубинских повстанцев в 1898 году.

За хлебом в Гаване выстраивалась в очередь чуть ли не половина города...

Дети, обреченные на смерть американской блокадой.



МЕЖДУ КАСБОЙ И ДЖЕБЕЛЕМ

Мадлен РИФФО,
французская журналистка

Цепь бойцов алжирской Национально-освободительной армии.

Когда друзья просят меня рассказать о городе Алжире, я спрашиваю себя: о каком Алжире рассказывать мне?

Прилетаешь туда на быстрокрылой «Каравелле». Автобус доставляет тебя в центр европейской части города. Роскошный, белопесчаный пляж, на котором нежатся коричневые от загара девушки. Казино, бесчисленные кафе, в которых танцуют, ночные бары. Тебя охватывает чувство, что отсюда бесконечно далеко до театра военных действий.

Ты смотришь на море и пальмы, гуляешь в садах, напоминающих о сказках «Тысячи и одной ночи». Ты подымаешься вверх, на холмы, и спазма волнения сжимает тебе горло от чарующих красот этой прибрежной полосы Алжира, ее земли, ее вод, синего небесного свода, запахов моря и южных цветов.

«Это — прекрасная страна, обладающая пышной растительностью», — писал еще в 1841 году путешествовавший по Алжиру Токвиль [1]. И он добавил, сам того не зная, насколько он близок к истине: «Если только не придется приобщать эту землю к культуре при помощи оружия».

Да, за пестрой ширмой «сладкой жизни» буржуазных кварталов Алжира лежит близкая и неотступная реальность войны, зловещая тень мрачного и кровавого средневековья, ворвавшегося в наш двадцатый век.

С моей последней поездки сюда прошло четыре года. Что же осталось прежним в городе за это время? Прежней осталась нужда: бедные кварталы, жалкие домишки, где человеку не хватает места, чтобы во время сна распрямить ноги; базар в верхней части Касбы, где бедняки, окруженные роями мух, продают людям, еще более нищим, чем они, всякие отбросы, доставленные из европейской части города. Неподалеку от толкучки — мусульманское кладбище Эль Каттар — тихий сад, в котором половина могил очень маленькие, не больше детской колыбели. Это единственная колыбель, которую знают дети из кварталов бедноты.

С кладбища видны горы Джебель. Там идет война.

— Все мои дети, если они еще живы,— сказала мне одна женщина,— там, наверху.

Ее глаза из-под белого покрывала пылали от лихорадки, но в то же время и от гордости.

В столице Алжира теперь намного больше женщин, чем мужчин. На женщин ложится вся тяжесть забот о том, что еще осталось от их домов и очагов. В немилосердной школе страданий они научились полагаться только на свои собственные силы.

Как-то утром на улице меня окружили женщины-мусульманки.

— Посетите мой дом, — сказала одна из них. — Я хочу вам кое-что рассказать. Жандармы взяли моего сына, и я не знаю, где он, мой муж пропал без вести в 1957 году...

Другая женщина, по виду очень старая, что, возможно, скорее объяснялось перенесенным ею горем, прошептала:

— Но как вы думаете: что они могут еще мне сделать? Они отняли у меня все: и мужа и детей.

Однажды я встретила в отеле «Алетти» мать Джамилы Бупаша [2]. Она пришла туда в надежде найти адвоката своей дочери. Кстати сказать, на следующее утро адвоката выслали из города. В холле роскошной гостиницы она рассказывала мне свою историю, а из игорного зала доносились, не умолкая, пьяные голоса преуспевающих дельцов и переодетых в штатское офицеров.

День спустя я увидела Джамилу Бупаша в зале суда: юное, как золотистый плод, лицо, обрамленное копной черных волос. «Бомбометчица» — этим названием травили ее местные газеты. Но у нее был облик скромной студентки.

Какой-то журналист, рядом со мной за столом готовивший отчет о процессе, воскликнул:

— Ей давно надо было бы лежать в земле! К чему эта судебная процедура?!

В глазах этого человека сверкал огонь линчевателя.

Этой жажды убивать, этой ненависти я никогда не видела в глазах у мусульман-алжирцев, несмотря на то, что позади остались шесть лет навязанной им жестокой войны. Я бродила без всяких опасений по узким и извилистым улицам Касбы. Достаточно было мне произнести: «Я приехала из Парижа», — и мальчик, продававший сигареты у мавританского кафе, бегло оглядев меня, начинал улыбаться. Ремесленники, женщины в покрывалах — все дарили мне дружелюбные взгляды. Так оно повелось с тех пор, как в феврале 1960 года трудовая Франция ответила на фашистский мятеж в Алжире всеобщей забастовкой. Зато здешние «ультра» [3] никогда не простят французским рабочим их борьбы за национальную свободу алжирского народа.

Мне пришлось побывать в Оране. Оран — это город запертых дверей. Там окна в автобусах забраны решетками, как в полицейских машинах. Там постоянно обыскивают сумки и карманы прохожих. В тот день буржуазная европейская часть города бурлила. Сообщение о переговорах между Францией и временным правительством Алжира вызвало настоящую истерию у местных европейцев, которых долгие годы обрабатывала ультраправая пропаганда.

По обычаю прошлых лет, в Оране должны были состояться церемонии поминовения павших.

— Если дело дойдет до контрдемонстрации этих молодчиков-«ультра», — сказал мне один профессор, — то не оставайтесь на улице. Они вас запросто линчуют, и никто не сможет вам помочь.

Несмотря на это предупреждение, мой коллега, репортер па-

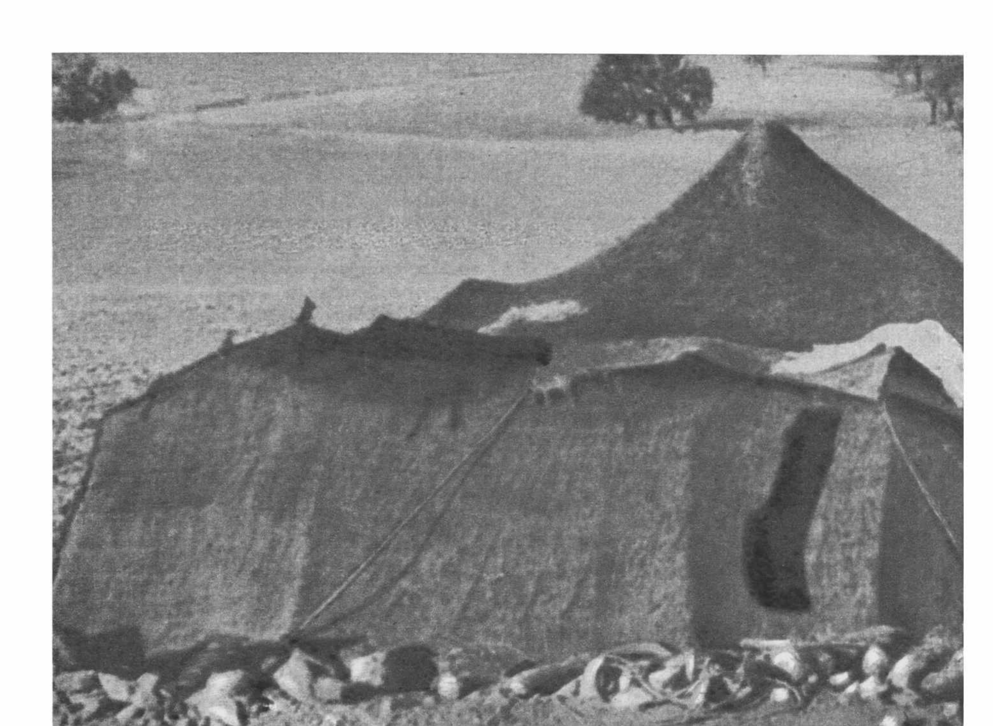
---

[1] Французский историк и государственный деятель (1805—1859).

[2] Алжирская патриотка, ложно обвиненная в «террористической деятельности» и подвергшаяся во французских военных застенках жестоким пыткам.

[3] Крайне реакционные, фашиствующие элементы колониалистов в Алжире, требующие беспощадного подавления освободительного движения алжирского народа.

Бойцы алжирской Национально - освободительной армии в лагере.



Бесконечно тяжела участь алжирских крестьян, сгоняемых с насиженных мест.

рижского радио, и я все же пошли в центр города, туда, где уже раздавались яростные крики: «Алжир — французский!».

Всего-то этих «ультра» собралось едва ли больше пятисот человек, но находились они в исступленном состоянии. Если бы алжирцы не оставались у себя по домам, дело дошло бы до кровавой схватки. Фашисты жаждали крови. Их жертвой оказался мой спутник — радиорепортер, которого они избили, узнав, что он из Парижа.

Целую неделю мы пробыли в Алжире и в Оране. Мы встречали многих французов, постоянных жителей Алжира, которые стали понимать, что их интересы, так же как интересы алжирцев, требуют самоопределения страны. Их позиция такова: вместе с братьями-мусульманами создадим новый Алжир, который будет связан братскими узами с Францией. Таких людей много, но они лишены возможности поднять свой голос.

И встречали мы «ультра». В Алжире их ударный отряд состоит из трех тысяч европейцев, которые в январе этого года засели за баррикады. Провал январского путча сильно подорвал их самоуверенность. Оружия они не сложили, но они боятся: боятся французских рабочих, боятся ветра истории, дующего с вершин Джебеля, боятся будущего, в котором не будет колониализма, а значит, и легкого, паразитического существования для них.

Здесь и особо твердокаменные, густопсовые фашисты, в большинстве приверженцы Петэна. Они ни при каких обстоятельствах не желают прекращения грязной войны в Алжире. Они знают, что освобожденный, независимый Алжир предъявит им счет за многие их преступления.

Возьмем типичного колониального «зубра» из Орана. Это либо чиновник, либо торговец, который раньше, возможно, был мирным человеком, теперь насквозь отравлен пропагандой «ультра». Теперь он не в состоянии представить себе отношения между алжирцами и французами иначе, как отношения между рабами и рабовладельцами.

Одному из таких «зубров» я напомнила то, что сказал в свое время Ферхат Аббас о европейском меньшинстве в стране. Ферхат Аббас говорил о возможности для этого меньшинства выбирать между французским и алжирским подданством; ему будут гарантированы те же права, которыми будет пользоваться все население Алжира, кроме, разумеется, привилегий, которыми европейцы пользуются сейчас.

В ответ мой собеседник с ужасом воскликнул:

— Да поймите же вы, что это значит! Представьте себе, например, такую картину: мы стоим у окошка на почте в общей очереди!

Надо здесь объяснить, что европейцы в почтовых отделениях и в других коммунальных учреждениях Алжира обслуживаются вне очереди, мусульмане обязаны уступать им место...

Возвращаясь из Орана в Алжир по единственной трассе, открытой в течение нескольких часов в день для нормального движения (и притом она никогда не бывает безопасной, хотя этот район якобы контролируется французскими войсками), я выслушала доверительный рассказ одного жандарма, решившего поделиться со мной своими заботами.

Уроженец Алжира, он являлся типичным представителем колониалистов.

— Уходить отсюда? Никогда! Продовольствия, — с чарующей откровенностью говорил мне жандарм, — я не покупаю. Когда я объезжаю свой район, я приказываю туземцам приносить мне мясо, овощи и фрукты...

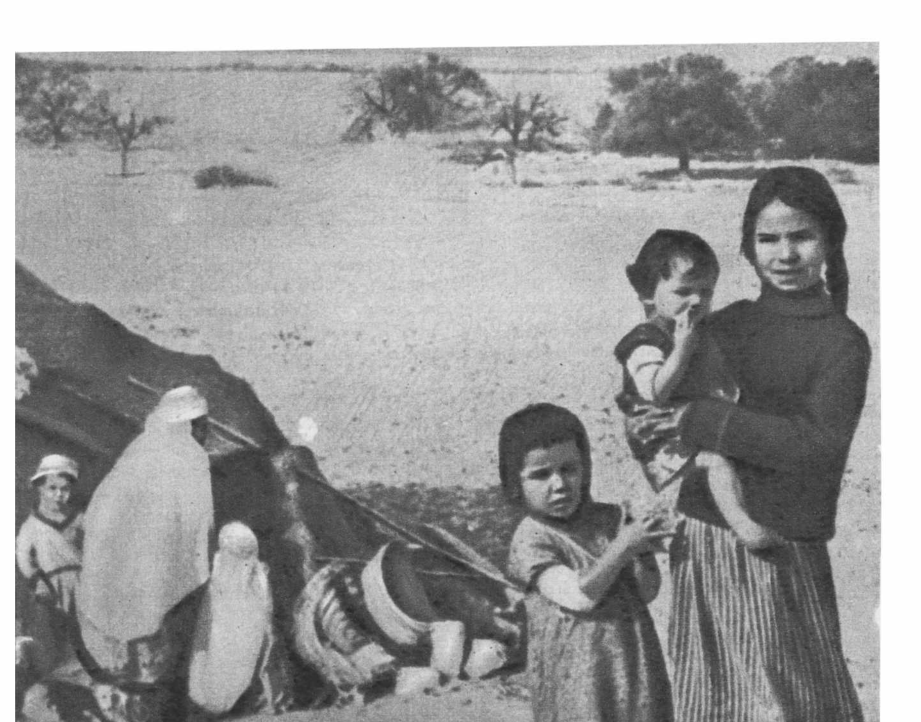
— И они делают это, не протестуя?

— Пусть бы они попробовали! Они знают, во что бы им обошлось это, если бы они стали жаловаться...

Алжир. В городе роскоши вдоль морского пляжа горят огни баров. А в лагерях, куда согнаны алжирские крестьяне, дети, за неимением иной пищи, едят траву. В горах льется кровь. И с каждым днем все больше, пока длится война...

По всему Алжиру из освобожденных районов доносится клич: «Алжир — алжирский!» Это — свидетельство мужества и стойкости алжирского народа, его преданности идее свободы.

Господа, плетущие интриги в Париже, Алжире и Оране, делают ставку на войну, на вчерашний день. Пусть продолжает литься кровь. Пусть продолжают умирать люди. Пусть продолжает Франция терять свои силы и свою честь. Но они проиграют. Франция не позволит до бесконечности мешать ее стремлению к миру.



Эта фотография сделана в одном из магазинов Нью-Йорка. Здесь можно купить шляпу не только нужного размера, но и нужного политического направления — с портретом Кеннеди или Никсона.

Фото Г. Боровика.

Вокруг президентского кресла

Агенты секретной службы, сообщает американский журнал «Ньюсуик», предложили советникам Ричарда Никсона отказаться от использования конфетти на встречах вице-президента США с избирателями. Дело в том, что физиономия Никсона во время таких встреч неоднократно «страдала от конфетти, бросаемого с близкого расстояния». Агенты опасаются, что, если это не прекратится, США рискуют получить президента без глаз.

* * *

Советники Джона Кеннеди считают, что кандидат в президенты США от демократической партии должен энергичнее бороться против своего соперника. Один из советников Кеннеди предложил использовать в предвыборной кампании такой тезис: «Голосовать за Никсона по той причине, что у него много опыта, — это все равно, что выдавать человеку права на вождение автомобиля на основе числа автомобильных катастроф, которые с ним случились».

* * *

Ричард Никсон, как сообщает печать США, попросил полицию не сдерживать избирателей на его предвыборных митингах. «Пусть вокруг него толпится народ», — убеждал представитель Никсона полицейских.

В чем причина этого распоряжения? Оказывается, на предвыборных митингах его противника сторонники демократической партии вели себя с бо́льшим энтузиазмом и несколько раз прорывали полицейские кордоны. Никсон почувствовал себя уязвленным.

* * *

Журнал «Лук» напечатал недавно такое обращение к американским избирателям: «Как бы ни запугивали вас те, кто ведет предвыборную кампанию, предупреждая, что спасение мира зависит именно от их победы, помните, что 9 ноября (то есть на следующий день после выборов президента США. — Ред.) одна половина из них будет поздравлять другую с величайшей победой и обещать свое полное сотрудничество».

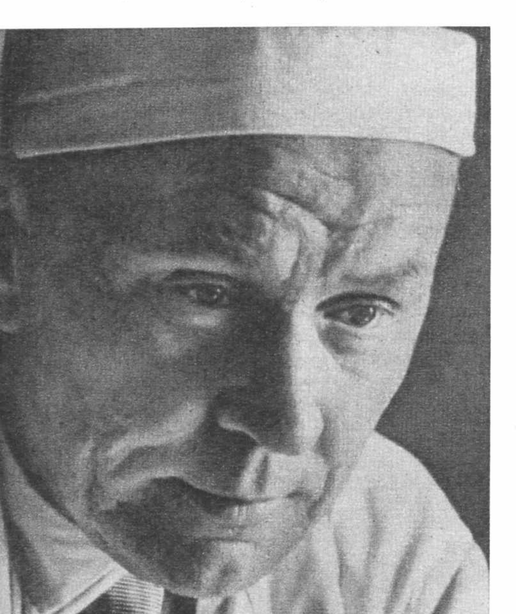
Опера «Натель». Маргарита Галасеева в роли Оки и Геннадий Корепанов-Камский в роли Сандыра.

УДМУРТСКИЕ ВСТРЕЧИ

А. ГРИГОРЬЕВ, Б. КУЗЬМИН

В междуречье Камы и Вятки раскинулись земли Удмуртии.

Нашим спутником в путешествии по республике был томик В. Г. Короленко. Писатель хорошо знал этот край, где долгое время провел в ссылке. С болью и гневом писал он о глухих углах, где «даже не село, не деревня, а какие-то бесформенные зачатки человеческих поселений среди болот и лесов»...



— А вы знаете, что в Удмуртии сейчас на каждые десять тысяч населения в два раза больше студентов, чем во Франции, почти в три раза больше, чем в Англии? — спросил нас в беседе председатель Верховного Совета Удмуртской АССР Семен Иванович Ворончихин.

Мы встретились с ним в клинике медицинского института, одного из пяти вузов республики. С. И. Ворончихин — известный в республике хирург, профессор, доктор медицинских наук. Родился он в отдаленной удмуртской деревушке Ягошур, в той самой лесной глуши, которую описал В. Г. Короленко.

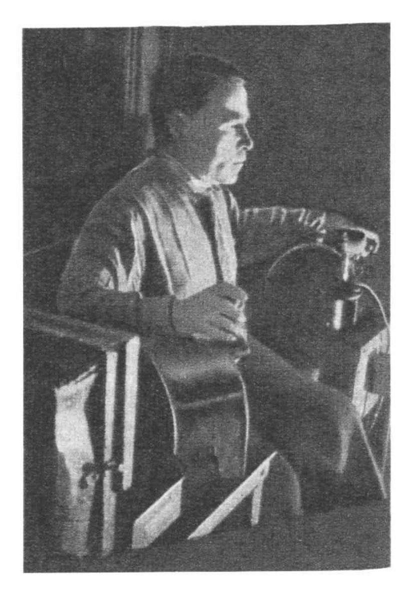
— Изба была курная,— вспоминает Семен Иванович,— жили в ней ни больше, ни меньше, как двадцать душ: дед и три его сына с семьями. Грамотный человек в нашей деревне был большой редкостью...

...«ИЖи»! На огромных скоростях мчатся эти знаменитые спортивные машины. Стремительно подымаются по крутым, почти отвесным стенам оврагов, пролетают по воздуху, петляют по узким лесным тропинкам. Пожалуй, нигде так не увлекаются мотогонками, как в Ижевске, на родине советских мотоциклов!

Ижевские машины известны далеко за пределами нашей страны. Недавно был торжественный юбилей—создан миллионный «ИЖ-56». А с будущего года ему на смену появится новый «ИЖ-Юпитер», более удобный и экономичный. Ижевскую марку увидишь, конечно, не только на мотоцикле. Она и на уникальных станках, и на ружьях, и на пианино, и на легированной стали...

Герой Социалистического Труда Степан Александрович Гондырев — один из творцов знаменитой ижевской стали.

Гондыр — по-русски медведь.



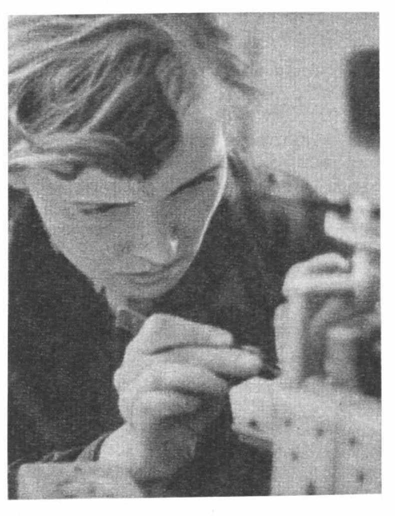
Так шутливо и называли товарищи этого крепкого деревенского парня, когда 28 лет назад он впервые приехал в город на стройку новых цехов Ижевского металлургического завода. А через два года Степан Гондырев стал оператором блюминга, стана, который он сам монтировал, на котором трудится и сейчас в бригаде коммунистического труда.

«Ненастоящий город» — назвал Короленко свой очерк о Глазове. «Как, в самом деле, он возник и почему существует?» — недоумевал писатель. Современный Глазов — это не только крупный промышленный центр, но и город высокой культуры. Оживленно по вечерам здесь в Доме техники и в замечательном Дворце спорта, всегда многолюдно в кинотеатрах (где, кстати сказать, уже давно ликвидированы контролеры), и в прекрасном Дворце культуры, который славится лучшей в республике национальной художественной самодеятельностью...

Здесь в кружке начала свой путь актрисы удмуртская девушка Маргарита Галасеева. После окончания Московской консерватории став солисткой в Удмуртском музыкально-драматическом театре, она исполняет первую большую роль в новой опере «Натель». Создал ее к 40-летию родной республики заслуженный деятель искусств РСФСР композитор Герман Корепанов.

А этот снимок сделан в городе Воткинске, в доме, где 120 лет тому назад родился Петр Ильич Чайковский. Теперь здесь музей и музыкальная школа имени композитора. В одной из комнат — старинный рояль, на котором в детстве учился музыке маленький Петя Чайковский.

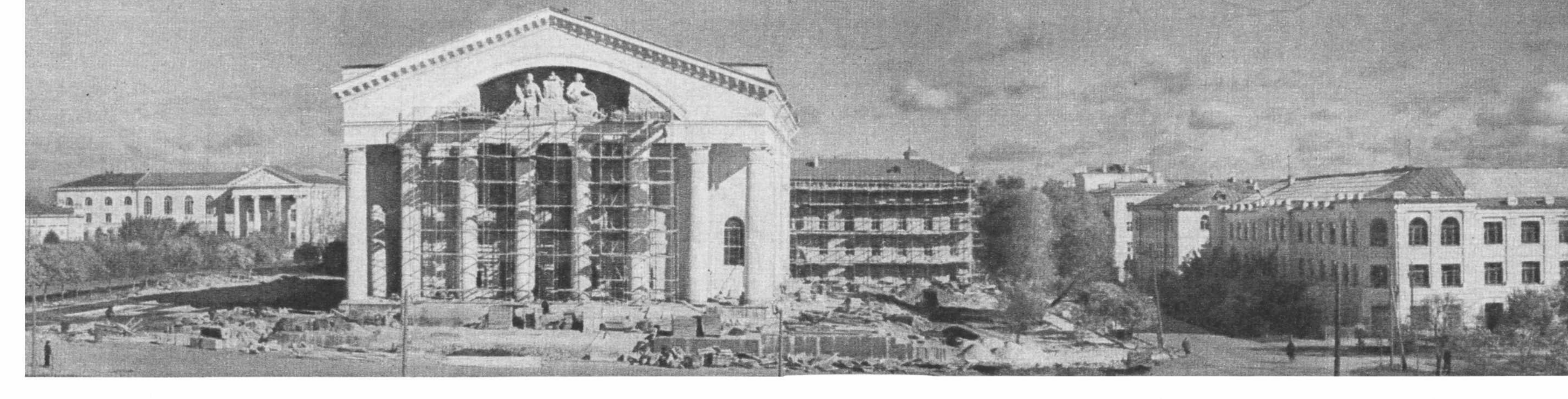
Раз в год, в день рождения композитора, поднимается крышка рояля и лучшие ученики школы исполняют произведения великого композитора. Валя Жукова тоже была удостоена этой чести.



Удмуртские приемники! Они рождаются на конвейере Сарапульского радиозавода имени Серго Орджоникидзе. А в конструкторском бюро создаются новые образцы.

С будущего года завод запускает в массовое производство оригинальный приемник — радиолу на печатном монтаже и с объемным звучанием — «Урал-61».

Техник-лаборант Тамара Носова настраивает новый приемник перед выпуском.



Центральная площадь Йошкар-Олы. Скоро освободится от лесов первое в республике театральное здание.

РЕСПУБЛИКА НАРОДА МАРИ

Йошкар-Ола—столица Марийской республики... Город современный, социалистический сменил старый Царево-Кокшайск. И на дальних окраинах за отжившими свой век, почерневшими хибарками высятся этажи новых зданий. Пролегли по городу широкие магистрали. Там, где недавно был пустырь, возводится «детский городок»: начинается он с родильного дома, за которым, как грибы, поднялись разноцветные крыши двухэтажных домиков — ясли, детские сады, — подальше школа.

«Дорога жизни» — так прозвали детский городок жители Йошкар-Олы.

С каждым днем растет и хорошеет город! Его архитектура продумана и самобытна, планировка четкая, ясная. Подходит к концу реконструкция центральной площади. Вот-вот сбросит леса первое в Марийской республике театральное здание. Днем и ночью кипит здесь работа. Строители спешат—ведь это их подарок к 40-летию республики.

— Я уже могу пойти на пенсию, да вот жду: очень хочется поработать в новом театре,— сказала мне народная артистка Марийской АССР, депутат Верховного Совета республики Анастасия Гавриловна Страусова.

...Если бы ей, дочери марийца-бедняка, лет этак сорок назад сказали, что она станет актрисой, Анастасия Гавриловна не только не поверила бы, но даже и не поняла, о чем это люди говорят. В восемь лет осталась она сиротой, а в пятнадцать девушку продали за семь пудов зерна в жены кулаку. И хотя считалась она женой, все равно оставалась батрачкой в богатой семье.

Есть одна общая черта в биографиях старшего поколения марийской интеллигенции — вывела ее на широкую дорогу творческой жизни Октябрьская революция.

Свои успехи в промышленности, в сельском хозяйстве Марийская республика демонстрирует на открытой недавно Выставке достижений народного хозяйства. Но скажу откровенно, больше всего поразили меня и обрадовали не макет огромного, бумажно-целлюлозного комбината в Волжске, не диаграммы роста урожаев в колхозах — ко всему этому мы привыкли, это подлинное чудо кажется нам теперь уже будничным,— очень обрадовали меня ребятишки. В рабочие дни на выставке основные посетители — марийские школьники, они приезжают сюда на автобусах из далеких деревень. Умные, любознательные, веселые, здоровые дети. И, глядя на них, я вспоминаю рассказ замечательного марийского доктора Архипа Дмитриевича Смирнова. Более полувека назад приехал он, молодой фельдшер, только окончивший школу в Яранске, в марийскую деревню Кадам. На другой день пошел Архип Дмитриевич по селу. Избы кривые, крытые соломой, без труб, без окон. Внутри грязь невообразимая. Грудные дети голышом лежат в невыделанных овчинах. И отовсюду, из всех углов смотрят на него глаза с красными, загноившимися веками без ресниц. Трахома! Ею болеют и дети, и старики, и молодые женщины, и мужчины — работники, кормильцы. А вон по улице идут пятеро, идут гуськом, держа друг друга за полу рубахи. Первый еще кое-что различает сквозь туман, застилающий зрачки, а остальные слепые. Страшный, необратимый результат долголетней трахомы. А что сделать? Как помочь этим людям? Лекарств нет, да к тому же отвратительные традиции, невежество, бескультурье...

Одними из первых изменения в жизни мари, которые принес Октябрь, почувствовали медицинские работники. Повсюду стали открываться фельдшерские пункты, больницы. Но трахома по-прежнему оставалась грозным бичом местного населения. Вот почему, когда Архип Дмитриевич поехал учиться в Саратовский медицинский институт, он избрал себе специальность глазника.

Вот уже тридцать лет работает он в местечке Тумью-Мучаш в противотрахоматозном диспансере. О многих замечательных делах Архипа Дмитриевича можно было бы рассказать. Но, пожалуй, самыми красноречивыми будут цифры. Когда начал А. Д. Смирнов свое решительное наступление на трахому, на его участке было более трех тысяч больных, а теперь здесь нет трахомы. Архип Дмитриевич любит точность и потому поправляет меня:

— Осталось шесть человек — старики, болеющие уже несколько десятков лет. Нам удалось убить инфекцию, но разрушения, произведенные болезнью, так велики, что полностью вылечить их, к сожалению, мы не сумели.

Опускается над Йошкар-Олой вечер. Загораются голубым огнем люминесцентные лампы, вспыхивают вдали неоновые рекламы кинотеатров.

Я сижу в кабинете у председателя горисполкома Павла Алексеевича Самсонова. Перед нами белый лист, пересеченный прямыми линиями, между которыми вычерчены разноцветные прямоугольники: синие, фиолетовые, желтые, коричневые. Это генеральный план застройки и реконструкции Йошкар-Олы. О многом может он поведать, особенно если рассказывает о нем Павел Алексеевич Самсонов, архитектор.

П. А. Самсонов родился в марийской деревушке Удельный Шумец. В 1927 году он впервые пришел в Йошкар-Олу. На дне его сундучка под единственной ситцевой рубашкой лежал заветный клочок бумаги — путевка, выданная на учебу комсомольцу Павлу Самсонову.

После окончания в Ленинграде архитектурно-строительного факультета он вернулся в Йошкар-Олу и с тех пор целиком посвятил себя созиданию на месте старого Царево-Кокшайска нового города, в котором все взаимосвязано, предусмотрено, красиво.

Павел Алексеевич склонился над планом.

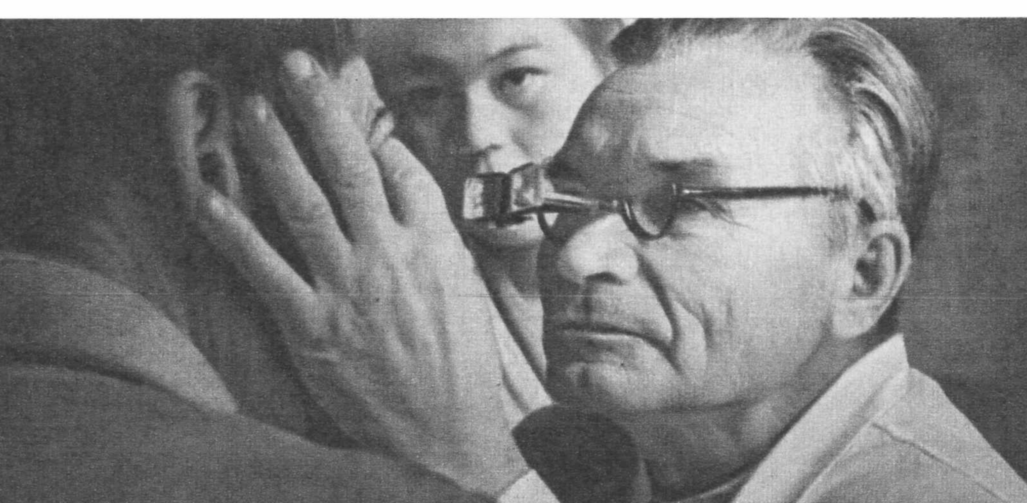
— То ли еще будет! — мечтательно говорит он.— Изменит свой вид привокзальная площадь. Вместо беспорядочно стоящих домишек вырастут здесь два больших здания, как бы ворота города. За ними протянется ровная, прямая улица. Ее «развяжет» центральная площадь-сквер с памятником Ильичу. Строим мы сейчас новый мост через Кокшагу, а когда будет он готов, вынесем все грузовое движение за городскую черту, а на берегу реки разобьем «Марийские Лужники». Да что говорить! Вы лучше приезжайте к нам через несколько лет, сами увидите, какой город будет.

А город уже есть! Уютный, удобный, красивый. Красный город — Йошкар-Ола.

Л. КАФАНОВА

Фото Галины Санько.

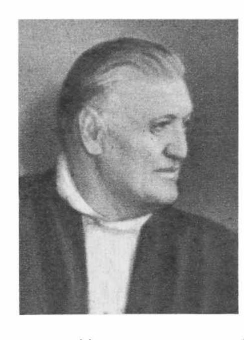
А. Г. Страусова в роли Ефросиньи в пьесе «Доброе утро».



Архип Дмитриевич Смирнов осматривает больного.

Павел Алексеевич Самсонов.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР



Г. НИССКИЙ,
художник

В Москве осень. На улицах продаются последние белые и светло-малиновые астры. Дети собирают на бульварах букеты осенней листвы. Желтые и алые листья ставят в вазы, закладывают в книги. Проходя по Александровскому саду, встречаешь москвичей с голубыми книжечками в руках; в этих книжечках тоже заложены желтые листья...

Голубая книжечка — каталог. На ней три красных флага с зеленой и голубыми полосами, похожими на прибрежную полоску моря, три белых чайки. Надпись: художественная выставка. Литва. Латвия. Эстония.

Прибалтийские республики, отпраздновав этим летом свое двадцатилетие, привезли в Москву картины, статуи, рисунки, вазы и браслеты, стулья и ковры. Три талантливых и трудолюбивых народа выставили в Манеже богатства своей культуры. Выставка талантливая — свежий ветер Прибалтики ворвался в залы Манежа. А ведь Балтийское море выбрасывало на берега этих стран не только водоросли и янтарь, но и обломки буржуазного абстракционизма. Это очень обедняло искусство. А потом художники огляделись вокруг, увидели, что в их крае живет трудолюбивый и героический народ, и обратились к его изображению.

В Прибалтике старые революционные традиции. И хорошо, что художники этих республик, подобно своим русским собратьям, снова и снова обращаются в своем творчестве к революционной теме.

Здесь мне в первую очередь хочется назвать картину Элиаса «1905 год», написанную с большим темпераментом и волнением.

Я знаю Прибалтику. Этим летом объехал Эстонию и Литву. Никогда не забуду одну встречу. Еду, любуюсь морем, небом, соснами и вдруг вижу: женщина копает картошку. У нее грубые, загорелые, обветренные руки. По этим рукам я понял, сколько она дел в жизни переделала, сколько картошки собрала, скольких детей воспитала. И мне показалось: вот оно, самое красивое!

Я очень обрадовался, когда увидел на выставке, что тема большой красоты обыкновенных людей — их будни, их труд, простой и суровый,— занимает основное место в искусстве художников Прибалтики.

Вот, например, Илтнер, картина «Мужья возвращаются» — рыбачки стоят на берегу и ждут. Вещь задумана в плане романтического драматизма. На небе клубятся облака, на море шторм. А женщины! Это не курортницы в ярких костюмах, любующиеся прибоем. Это женщины, сроднившиеся с морем, люди моря, знающие его опасность и силу. О каждой из них можно много рассказать, придумать, дофантазировать. Илтнер тем и хорош, что он оставляет для зрителя возможность додумать, дополнить образы. Великолепное море! Великолепные люди!..

Мне приятно смотреть на картину Лойка «Парусный цех». Наши яхтсмены Пинегин, Шутков и Чучелов завоевали на Олимпийских играх золотую и серебряную медали под парусами, сшитыми руками этих замечательных девушек.

Или вот картина Берзиня «В баню». В лунный вечер после трудового дня усталые муж и жена идут в баню. Момент обыкновенной жизненной правды. И холст ведь какой грубый, прямо дерюга! Даже загрунтован не везде. А отойди — и начинается претворение материала в форму человека. Ничего тут нового нет, но изображено это очень интересно.

Другая его картина — «В корчме». Одни спины сидящих. Но по этим спинам о каждом можно рассказать. Вон какие смешные у девчонки косички, а жакетка модная, сшитая в талию. С другой стороны стола сидят мужчины. Люди зашли в корчму и едят. Под скамейку задвинуты корзинки, засунуты мешки. А вон усталый человек прислонил к скамейке палку, на нее повесил шляпу и тоже ест. Как все это скупо, лаконично написано! От этого в небольшом холсте — такая простая и полнокровная жизнь.

Когда художник любит жизнь, он в своем искусстве даже в самых обыкновенных сюжетах раскрывает прекрасное.

Мне придется сказать и несколько критических слов в адрес моих друзей.

Я профессионал. Я понимаю, как все это профессионально трудно сделать... Я стараюсь вникнуть в каждую работу, с этой меркой подхожу к вещам и многое прощаю своим товарищам. Но ведь выставки не только для профессионалов, а поэтому, я думаю, следует обратить внимание моих коллег на некоторые недостатки. В ряде работ есть живописная нарочитость, ковровость, декоративность. Конечно, это красиво. Но часто эта декоративность перешибает, так сказать, сюжет и работает уже не на него, а против, а это плохо.

Вот в картине Зариня «Родной берег» интересная фактурная выдумка придает больше свежести ощущению моря, морского ветра, больше взволнованности людям, сходящим на родной берег. Но, к сожалению, часто фактурная, живописная выдумка не подкрепляет сюжет, а подавляет его.

Мне очень нравятся многие картины, посвященные морю. Вот Калнынь — «Латвийские рыбаки в Атлантике», «Штормовое утро». Как жаль, что нельзя попутешествовать с ним на его яхте «Варавиксна» («Радуга»), с ним и Звиедрисом, и почувствовать на лице этот ветер, написанный на картинах, подержать в руках эту бьющуюся живую рыбу!.. Прибалтийцам вообще удается море. Изображает ли Корстник в картине «На море» характерных рыбаков-прибалтов, суровый и романтический труд которых вызывает в нас всегда смешанное чувство уважения и зависти, или Осис — «Состязание по гребле на празднике латышских рыбаков»,— эти вещи замечательны точным ощущением и знанием материала. Видно, что художники знают и море и рыбаков, живут в мире этих людей. Как Осису удалась романтика поднятых и опущенных парусов, летающих чаек!.. И эти рыбаки, яростно выгребающие изо всех сил!.. Удивительно жизненно и реально! Конечно, может быть, кто-нибудь и пройдет мимо этих картин равнодушно, но для тружеников моря они — событие.

На выставке интересны пейзажи, очень яркие, очень сочные. Но я считал и считаю, что природа Прибалтики более сдержанна. Налет музейности, живописности вредит суровому, скромному пейзажу Латвии, Эстонии и Литвы. Мне хотелось бы, чтобы я не путал виды Прибалтики с видами, например, Франции или Швейцарии. Надо больше искать поэзии и избегать живописного блеска и внешней темпераментности. Иногда вещи, скромно написанные, лучше передают душу пейзажа и душу народа. Неистовая живописная гамма, конечно, очень красива, но когда изображаешь кусок земли, его надо осмыслить. Ведь это — место, где живет, работает и творит народ.

Мне нравится пейзаж Жмуйдзинавичюса «Песок и небо»: он написан с чувством современности, художнику удалось передать в нем черты нового.

Мне нравится пейзаж Мелбарздиса «Рига»: здесь хорошо передан архитектурный ансамбль Риги, неповторимый, как ансамбль московского Кремля, и передан в красивом, теплом колорите.

Мне нравится пейзаж Протасова «Утро» — пласты тяжелой, влажной земли и восходящее солнце. Это уже не только констатация виденного. «Утро» вызывает размышления, как некоторые пейзажи Левитана.

А вот совсем скромная вещь—«Мотивы с заснеженными крышами». Автор — Савицкас. Прозаический и обыденный пейзаж написан очень поэтично. Представьте себе: вы сидите у окна, вид за окном не заслуживает никакого внимания. И вдруг соседка приносит и кладет на стол зеленое антоновское яблоко. Вы понюхали яблоко, и у вас возникла целая цепь ассоциаций — вспомнили детство, яблони, сад... В это время где-то начинают играть Гайдна. И теперь уже вы смотрите в окно, и тысячи раз виденный пейзаж кажется вам совсем иным. Это и есть поэзия и искусство — увидеть простую вещь через призму большого душевного волнения.

О графике. Основное впечатление: каждый лист очень хорош, но только начнешь присматриваться к одному, тебя зовет такой же хороший другой, третий... В этом разделе выставки можно было провести три дня, потом думать о виденном неделю и тогда уже обсуждать. Так же и скульптура.

О прикладном искусстве я скажу коротко: оно прекрасно. Я себя чувствовал в этих залах так, как пловец с аквалангом в прозрачной морской воде. Рассматриваешь ракушки, кораллы, рыб. Все очень красивое и разное.

А ведь прикладное искусство очень важно. Мы не всегда имеем возможность смотреть картины Рембрандта и Сурикова, а простые домашние вещи окружают нас всегда.

В вещи, современные по стилю, прибалтийцы вносят традиционные мотивы своего национального искусства, и это получается очень органично и убедительно.

И все это очень талантливо экспонировалось. Вот разложены кольца и браслеты, а рядом с ними насыпаны простые ракушки и галька. Кажется, будто эта галька сама превращается в драгоценности.

Я рад, что к нам в гости пришла Прибалтика — с ее галькой, землей, морем, с ее трудолюбивыми людьми и прекрасными вещами, сделанными их руками, с ее свежим морским молодым ветром.

...И люди выходили на московские улицы, неся с собою сувениры — кожаные закладки, янтарные браслеты, керамические вазочки и яркие коврики. Они уносили с собою домой маленькие частицы большого искусства.

К. Мелбарздис. РИГА. Латвийская ССР.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «20 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ»

Г. Элиас. 1905 ГОД. Латвийская ССР.

Э. Калнынь. ЛАТВИЙСКИЕ РЫБАКИ В АТЛАНТИКЕ. Латвийская ССР.

Иван НАУМЕНКО

Рисунки С. ГОДЫНЫ.

Шагай, человек!..

Рассказ

1

Люблю фантастическое и таинственное. Это с самых малых лет. Всякому сорванцу, когда он прожил пять весен, хочется, чтобы мир ходил вверх ногами. Необычайное начинает привлекать его с колыбели. В истинности сказанного могут легко убедиться сегодняшние родители. Лежит, например, в люльке синеокий человек, проживший весну, лето, осень и еще совсем не знающий, что такое зима. Подойди к нему спокойно, поздоровайся, назови по имени — никакого впечатления. А надуй щеки, выпучи глаза да еще причмокни вдобавок языком — о, в награду получишь восторг синеглазого существа!

Стремление к исключительному, удивительному заключено, вероятно, в самой природе человеческой.

Тот же человек, когда ему стукнет три года, считает величайшим счастьем, если отец переменит скучное вертикальное положение и уподобится в способе передвижения своим далеким предкам. Сын тогда поползет за ним хоть на край света. Он забудет про конфетку, которую до этого выклянчивал целый час, забудет даже про зеленую лошадку на деревянных колесиках. Можно и оседлать папаню, тогда он сразу станет конем и будет носиться из угла в угол,— знай только пришпоривай!

А когда сыну исполнится семь лет, то чем заменишь ему сказку? Не обязательно помнить, как записана она у Афанасьева или у неразлучных братьев Гримм. Просто плети бесконечную волшебную сеть с волками, бабой Ягой, Иванушкой-дурачком, которому счастье само лезет в руки. Главное, чтоб не скоро наступила развязка. Округлившиеся глазки сына неподвижно смотрят на тебя, и чем увлекательнее твоя выдумка, тем чаще и глубже вздыхает маленькое зачарованное существо.

Таинственное притягивает. Неудержимо хочется заглянуть за горизонт неизвестности, добраться до самого корня вещей. Наверно, по этой причине у сына долго не держатся игрушки. Купишь новейшей марки автомобильчик, он заводится ключом и может кружить по полу целых шестьдесят секунд, а через день он уже валяется в разобранном виде, и у сына нет к нему никакого интереса: любознательность удовлетворена. Сын хотел посмотреть, что внутри машины, он подозревал, что там притаился маленький человечек, который крутит винтики и колесики, а там оказалась обыкновенная пружинка. Глиняная собачка, умеющая свистеть, если подуть в круглую дырочку на месте хвоста, живет еще меньше автомобиля. Насвистевшись, сын к вечеру разбивает собачку молотком и чуть не плачет от обиды: он надеялся увидеть что-то чудесное, а внутри оказалась пустота.

2

В детстве я был болезненным и боялся холода. Это обстоятельство давало моему соседу, краснощекому крепышу Кириллу, преимущество. Зимой он летал на самодельных коньках в распахнутом кожушке, а вспотев, утолял жажду кусочком льда. Он грыз лед, как сахар, а меня пробирала дрожь. Мне казалось, что Кирилл немедленно заболеет. Но никакая хворь его не брала. Он носился по замерзшей речке на своих деревяшках с утра до вечера и, кажется, мог бы там и ночевать.

Но некоторые обстоятельства все же заставляли Кирилла возвращаться к вечеру домой. Во-первых, необходимо было подкрепиться. Каким бы вкусным ни был синеватый лед с серебристыми глазками застывших в нем снежинок, но без горячей картошки в животе у Кирилла ныло и урчало, а ноги начинали деревенеть. Кроме того, Кирилл побаивался матери. Особенно она распекала его за башмаки. Одной пары башмаков на зиму, конечно, не хватало, и по этой причине у хлопца каждый вечер возникали недоразумения с домашними.

Однажды мать спрятала башмаки, и Кирилл выскочил на лед босиком. Он скользил на своих красных, как у гусака, пятках чуть ли не целый час, а вся улица, разинув рты, восхищалась необычайным зрелищем. Заметим, кстати, что Кирилл и после этого скольжения по льду не заболел.

На учение Кирилл налегал не слишком, уроки готовил кое-как. Поэтому у него всегда было много свободного времени; он им распоряжался, как хотел.

Я от души завидовал Кириллу и особенно его здоровью. В глазах же Кирилла я был человеком неполноценным, и он без излишней деликатности напоминал мне об этом. Его насмешки задевали меня, но что возразишь против силы?

— Таких, как ты, мне нужно пять!— похвалялся сосед.— Я могу тебя одной рукой о землю грохнуть.

Иногда, когда мы катались на речке, Кирилл вызывал меня на состязание. Он давал мне фору. Я мог отбежать от него метров на пятьсот и оттуда стартовать, но он обязательно догонял. Кирилл летел на своих деревяшках, как вихрь, и, поравнявшись со мной, заливался торжествующим смехом. Я же старался в такие минуты куда-нибудь скрыться, чтоб никто не видел моего позора...

3

Стычки с Кириллом были одной из тех причин, которые заставили меня искать новых друзей. И я нашел их — книги.

Первая попавшаяся в руки называлась «Сказки и правда о небе».

Сказки про небо не удивили. Их уйму рассказывал дед, седой, сухонький, вечно что-нибудь мастеривший. Он любил рассуждать про бога на небе, про райские кущи, куда после смерти попадают люди безгрешной жизни, и про ад, уготованный для грешников. Сказки деда почти ничем не отличались от тех, которые я прочитал в книге.

— Рождается на свет человек,— говорил дед,— в небе зажигается звездочка; умирает — она падает. Звездочка, как свечка. Сколько на небе звездочек, столько на свете людей. Кто под какой планидой родился, тот свой век так и проживет. Все в воле божьей. Без бога ни один волос с головы не упадет.

— А ты, деду, свою звездочку знаешь?

— Никто, кроме бога, этого знать не может, внучек.

— Так ты, деду, когда помирать будешь, скажи мне, я выбегу на улицу и посмотрю, как будет падать твоя звездочка.

— Смерть, внучек, не объявляет, когда придет.

К тому времени, когда в мои руки попала книжка о небе, деда уже не было в живых. Умер он в лесу, осенью, поехав по дрова. Испуганный конь, вырвавшись из оглобель, прискакал во двор без хозяина. Ночь была темная, облака затянули все небо, на нем не блестело ни одной звезды...

Первое чувство, возникшее после книжки о небе,— боль за деда. Он умер, и нет до него никаких дел ни небу, ни звездам. Деда закопали на кладбище — и все. Никуда не полетит его душа. Мертвые не летают...

И еще был восторг, смешанный со страхом. Какая это громадина — небо! Кто и когда пересчитает звезды, рассыпанные во вселенной? Кто, какой человек первым ступит на берег далекой планеты? Небо, бездонное небо... Как в это поверить и как с этим согласиться?..

4

Ночь. Зима. В хате все спят. Я отвоевал себе печь. Теперь уже не только потому, что вечно мерзну. На печи можно без опаски отдаваться чтению. От лампы с прикрученным фитилем на середину хаты падает узкая полоска света. Мерно тикают на стене ходики, но с печи не увидишь, который час. Это и хорошо, что не увидишь. Пускай остановится время, пускай забудут про свои обязанности петухи, пускай долго-долго не просачивается в замерзшие стекла сизый зимний рассвет. Я читаю...

Залистанный, с засаленными страницами томик Жюля Верна выдан мне только на одну ночь. Завтра книгу будет читать другой. Не прочитаешь за ночь — вини самого себя. Желающих много, а книга редкая, в библиотеке ее не достанешь.

В трубе воет и стонет ветер, и это для меня наилучший аккомпанемент. В книге тоже неистовствует океан, разъяренные волны вот-вот опрокинут плот, связанный на живую нитку из обломков мачт, а на плоту—бесстрашные путешественники. Люди плывут. К безвестным далям влечет их безудержная жажда к новому, неизведанному, неописанному. Вот уже в мерцающем тумане едва прорисовываются зыбкие контуры берега. Что это? Остров, материк или, быть может, просто мираж обессилевших от голода и жажды людей?

Страшно перевернуть страницу. А что, если снова разочарование, если новые сотни миль на безжалостных волнах... без воды, без пищи?

— Ты еще не спишь? Сейчас же туши лампу!

Вторые петухи пропели, а он все еще не начитается. Ах, боже мой, боже мой! Высох, весь почернел из-за этих книг...

Это мать. Она книг не читает. Ей неведомы радости, которые только они могут принести человеку. Ее главная забота, чтоб мы, дети, были сыты, одеты, чтобы мы были здоровы. Не нужно расстраивать мать.

— Я сейчас, мама. Осталось две странички. Ты спи, я сейчас...

Тикают на стене ходики, воет в трубе ветер, на сером облезлом валенке разлегся старый полосатый, как тигр, кот и чуть слышно мурлычет. Время от времени он вздрагивает, шевелит ушами и дерет когтями шерсть своего ложа. Коту, наверно, снятся мыши. Когда он не спит, он к ним безразличен, он уже плохо слышит и плохо видит, и они, зная старческую немощь кота, давно уже перестали его бояться. На жердине висят связки лука. В скупом свете, падающем от лампы, кажется, что это венки, сплетенные из каких-то чудесных заморских растений.

За одну ночь можно пережить несколько жизней, и они западут в сердце отзвуком своих радостей и горестей, взлетов и падений.

Сизый зимний рассвет просится в окно, и я прощаюсь с героями Жюля Верна. Я люблю их, беспокойных бессребреников, их пытливый ум и доброе сердце. Они открыли новый остров, и я счастлив вместе с ними, и этой радости достаточно для того, чтобы после короткого легкого сна подняться бодрым и веселым.

5

Благодаря Жюлю Верну я рано начал путешествовать по миру. Для этого не понадобились ни корабли, ни поезда, ни верблюды, ни мулы. Хватало одной фантазии. После каждой книги Жюля Верна я шагал по дорогам его героев. Это было легко и удавалось в любое время и в любом месте. Обыкновенная, тысячу раз виденная, такая знакомая деревенская улица могла стать новой, вызывающей удивление, стоило только выключиться из течения повседневности. Родные белорусские боры и березовые рощи в одну минуту могли превратиться в тропические заросли, в сибирскую тайгу. Полузаросшая осокой речушка Змейка, петлявшая по лугу за огородами, становилась то голубым Нилом, то бурливым горным потоком.

Это было ни с чем не сравнимо — свободно перемещаться по планете. Исчезало все мелкое, будничное, душа переполнялась восторгом открытий, самопожертвования, подвига. В часы таких путешествий забывались все обиды и сомнения, и я чувствовал себя неким могучим властителем, щедро раздающим людям радость и счастье.

Позже появились живые волшебники, они повели меня по земле с компасом и картой и заставили зорко присматриваться ко всему, что лежит под ногами.

Географию в пятом и шестом классах преподавал Антон Антонович Струк, низенький черный человек с ястребиным, как у турка, носом. С первого урока мы признали в нем человека необыкновенного.

Географ быстро вошел в класс, швырнул на стол туго набитый желтый портфель и, уперев руки в бока, орлиным взглядом окинул притихшие ряды пятиклассников.

— Кагты! — приказал он, сильно картавя.— Геоггафия тгебует точности.

Дежурные бросились за картами...

И сразу началось нечто подобное магии. Антон Антонович ни разу не взглянул на карту. Он стоял к ней спиной. Но его указка, словно живое умное существо, то послушно поднималась на горные хребты, то с необыкновенной точностью прослеживала все течение реки от истока до устья, не пропуская ни одного изгиба, порога, переката.

Позднее мы узнали, что Антон Антонович всюду побывал и все видел. Он никогда об этом не говорил сам. Но это подразумевалось само собой.

Мы идем с учителем по Сахаре. Воды взяли не менее чем на пять суток, чтоб добраться до ближайшего оазиса. На головах у нас пробковые шлемы, иначе мы не одолеем и половины пути: погибнем от солнечного удара. Температура — пятьдесят шесть по Цельсию. Под ногами горячий, как пепел, песок. Положите в песок яйцо — и оно сразу испечется, не нужно кипятка. На сотни километров вокруг нас мертвая серая пустыня. Песок, песок и песок... Заметьте, в нем много серы, но ее тут не добывают. Растительности почти нет, только изредка у подножия бархана мы видим колючие кустики той же породы, что и наш каракумский саксаул. Пробежит ящерица. Можно наткнуться на маленькую змейку, похожую на медянку. Ее укус смертелен.

Мы ищем в Сахаре нефть. Антон Антонович продолжает вести нас дальше. Нефть тут должна быть. Об этом свидетельствуют встретившиеся в пути выветрившиеся остатки девона. Когда-то был здесь цветущий край, многолюдные города и селения. А еще раньше, миллионы лет назад, Сахара была дном океана.

Мы идем по Сахаре за Антоном Антоновичем месяц, два, три... Кожа у нас стала черной, как у негров. Мы закалились и легче переносим чудовищный зной. Слабые и больные, конечно, отстали. Они вернулись назад...

Я вижу себя среди тех, кто закалился. Назад я не вернулся бы даже под угрозой смерти. Те, кто вышел в дорогу, кто посвятил свою жизнь открытию безвестного, не должны думать о смерти.

Но были среди нас и слабые...

— Кигилл Бомзель,— вызывает моего соседа по дому Антон Антонович.— Покажи Сахагу и гасскажи, что ты пго нее знаешь.

С самой задней парты лениво встает Кирилл и вразвалку, как медвежонок, идет через весь класс к географической карте. Карта немая, и указка в руке Кирилла блуждает где-то в просторах Ледовитого океана. По классу ползет приглушенный смех. Наконец Кирилл прекращает поиски, опускает лохматую голову и начинает тыкать указкой в носок башмака.

— Не можешь найти Сахагу,— мягко говорит географ,— ну, тогда гасскажи, что ты пго нее знаешь.

— В Сахаре жарко,— начинает Кирилл и, насупившись, тут же умолкает.

Он стоит безразличный, притихший и смотрит куда-то в окно. Но учитель не торопится послать его обратно на заднюю скамейку. Антону Антоновичу хочется пробудить в Кирилле интерес к планете.

— Может, тебе известно, Бомзель, что есть полезного в Сахаге?

— Там есть змеи. Они очень кусачие,— сообщает Кирилл и теперь уже умолкает окончательно.

Кирилл в Сахару не собирался. По миру вместе с нами он не шагал. Это было ясно.

— Садись, плохо,— хмуро говорил географ.— Это твоя пятая единица в четвегти. Посмотгеть на тебя — как будто ногмальный человек: голова, гуки, ноги, как у людей, а знаний никаких. За что тебя отец хлебом когмит?

Кириллова нелюбовь к науке была ничтожной мелочью в сравнении с тем окрыляющим, захватывающим, что приносил нам каждый урок. Мир был велик и бесконечно разнообразен. Он был создан для нас. Из земных глубин били горячие ключи, они могли отнять у человека болезнь и вернуть ему силы, если он над-

ламывался в пути. Земля приберегла для нас нефть, железо, уголь, золото; нужно было только найти эти богатства. Земля уважала тех, кто искал, кто служил ей. Высохшая Сахара прокормит все человечество — дай ей только воды! Беспокойный ветер готов вращать крылья мельниц и ветродвигателей — только построй их! Упрямые реки могут нести свои воды куда хочешь — перегороди их течение плотиной! Все в твоей власти, человек!..

6

Уроки географии были праздником. Но тот, кто дает величайшую радость, может принести и самую острую боль. Я любил Антона Антоновича, в моих глазах он был необыкновенным человеком. Я ставил его выше всех других преподавателей и к урокам географии готовился, как к торжеству. Не было случая, чтобы я запнулся, отвечая ему урок. И если бы меня разбудили среди ночи, я без ошибки перечислил бы все реки, горы, озера, равнины любого континента. И все же не я был первым по географии. Не меня выделил среди других Антон Антонович и не меня хвалил он перед всем классом.

Таким счастливцем оказался Каминский Андрей, или Рей, как мы все звали его. Ничего особенного не находил я ни во внешности Рея, ни в его ответах, ни в знаниях. Рей казался беззаботным весельчаком, которому просто везло. Случалось, что он путался, когда отвечал, неправильно называл реку или город. Он мог даже не выучить урока. Но Антон Антонович им гордился. Почему?

Теперь, по прошествии многих лет, отделяющих меня от тех школьных дней, трудно вспомнить все подробности. Скорее всего географ выделил нашего одноклассника за какую-то его неудержимую и ненасытную пытливость. Рей дня не мог прожить без того, чтобы чем-нибудь страстно не заинтересоваться. Он мог увлечься какой-нибудь мелочью и надоедать нам и учителям целую неделю.

Отец Рея был плотником и строил новые дома то в нашем поселке, то в соседнем совхозе, то на торфозаводе. По этой причине у Рея не было постоянного местожительства. Одну зиму он приходил на занятия из совхоза за шесть километров. Куда бы ни посылали отца, Рей школы не менял.

Может, потому, что Рей ближе всех нас узнал окрестные поля и леса, у него накопилось так много жадного интереса ко всему. Однажды он спросил географа, сколько времени требуется, чтобы на болоте вырос слой торфа в метр толщиной. На этот вопрос Антон Антонович не смог ответить. Такое с нашим учителем случилось впервые. Он смутился и пообещал рассказать про торф в другой раз.

Антон Антонович исполнил обещание назавтра. Тогда Рей встал из-за парты и громко сказал, что болоту, которое называется «Багинский мох», триста тысяч лет. Торфом «Багинского моха» пользовались все, но никто не знал, что он такой древний.

Вскоре после этого Рей принес в класс почерневший, твердый, как камень, стебель никому не известного растения. Раздобыл он его на болоте, на глубине четырех метров, и утверждал, что его находке двести тысяч лет.

Почему-то в классе ребята недолюбливали Рея. Может быть, сказывалась зависть, а может, была и другая причина. Сам Рей никого не обижал. Он любил посмеяться, мог слегка подковырнуть собеседника в разговоре, но за кем из нас не водились такие грехи?

Я тоже недолюбливал Рея. Во мне говорило задетое самолюбие. Ведь меня ставили в пример многие учителя. А вот тот, перед которым я так преклонялся, к чьим словам так прислушивался, Антон Антонович, всю теплоту сердца отдавал другому. Минутами меня охватывала настоящая ненависть к географу. Почему он не видит, что у этого Рея семь пятниц на неделе, что он ветрогон и баламут, который завтра же забросит географию, если встретит что-либо более интересное?

Рей не входил в наш ребячий «союз», который обменивался редкими книгами. Он не проглотил столько томиков Жюля Верна, сколько мы. Но однажды мы узнали, что именно Рей является хозяином романа «Из пушки на Луну». Мы слышали, что такая книга существует, но еще никто из нас не держал ее в руках. Из пушки на луну! Как это должно быть захватывающе интересно!

Рей наотрез отказался дать нам книгу. Он не шел ни на какие уступки, отказывался от обмена, не верил самым горячим клятвам. Рей знал, с кем имеет дело. И он не ошибся. В том, что касалось книг, «союз» не признавал никаких норм морали.

Заправляли в «союзе» семиклассники. Те же, кто учился в шестом классе, были на правах бедных родственников. Им книга давалась на одну ночь, а случалось, что их и совсем обходили. Мы, шестиклассники, лезли из кожи вон, чтобы выслужиться перед заправилами.

Выкрасть у Рея книгу поручили мне.

Первая попытка кончилась неудачей. Перехватить «Из пушки на Луну» у кого-нибудь из тех, кому Рей давал читать роман, не удалось. Рей прослышал, что за его Жюлем Верном охотятся, и держал книгу дома.

Тогда пришлось обратиться к услугам Кирилла, моего давнего приятеля. Ему, собственно, плевать было на Жюля Верна, но он согласился подружиться с Реем, чтобы раздобыть книгу. Однако и эта попытка ни к чему не привела. Кирилл шатался возле торфозавода, где жил Рей, пытался к нему подъехать, даже взялся помогать ему в каких-то раскопках, но так и не завоевал доверия Рея.

Все же Кирилл сослужил нам службу. Он узнал, что младший брат Рея, Иван, интересуется огнестрельным оружием. Иван нашел где-то динамитный патрон. Такими патронами подрывали пни. И вот хлопец решил попытаться вывернуть с корнями дуб. Дуба он не осилил, а правый глаз повредил. По этой причине Иван временно не ходил в школу.

Было ясно, что с таким хлопцем, как Иван, можно сварить кашу. Несмотря на неудачу с динамитом, Иван не утратил воинственного пыла и мечтал о стрельбе. За порох он мог сделать все, что хочешь.

Воскресным майским утром мы с Кириллом подошли ко двору Рея. Самого Рея дома не было. Одноглазый Иван сидел на воротах и болтал ногами в воздухе.

Мы принесли Ивану осьмушку пороха. Хлопец даже задрожал от возбуждения. Без особых уговоров он вынес из дому книгу.

7

Назавтра я пришел в класс торжествующий. Мне очень хотелось посмотреть, как Рей станет унижаться перед нами, просить вернуть книгу и плакать. А может, он будет мстить?

Но Рей не дал нам повода для злорадства. Он никому не сказал про свою пропажу и только по его нахмуренному лицу можно было догадаться, что он переживает. Мы нарочно его поддразнивали, но он молчал. Как будто не было ни книги, ни охоты за ней.

Так прошла неделя, другая. Со всеми, кто участвовал в краже, Рей разговаривал, как и раньше, и в его голосе не слышалось ни угрозы, ни озлобления. Это обезоруживало. Такого оборота событий никто из нас не ожидал.

Тогда мы перешли в наступление. Сдав последний экзамен за шестой класс — географию, мы окружили Рея и на его глазах начали листать книгу. Рей держался мужественно. Он попрежнему молчал. Только чуть-чуть задрожала его верхняя губа, и он отвернулся, чтобы не показать слез.

Вот этого наша компания выдержать уже не смогла. Мы молча отдали Рею томик Жюля Верна и, подавленные, разошлись в стороны.

А потом я все лето ходил на торфозавод купаться. Там было множество глубоких рвов, заполненных бурой, похожей на ячменное кофе, водой. После такого купания приходилось заново обмываться в речке Змейке. Ходил я на торфозавод, конечно, не ради купания. Там жил Рей. После истории с книгой мы с ним вдруг подружились.

Я начал с того, что, встретив Рея, дал ему свою книжку, написанную тем же Жюлем Верном, в ней рассказывалось про путешествие вокруг земли за восемьдесят дней.

И пролетело то лето золотым хороводом незабываемых впечатлений. Рей был чудесным парнем с открытой и смелой душой. Своими мыслями он делился с каждым, кто шел к нему без камня за пазухой.

Далекий французский писатель зажег в нас жажду странствий. И мы пока переживали свою одиссею на родных околицах. Природа не обидела родные места. В лесу валялись огромные валуны, обросшие седым мхом. Ледник принес их сюда, срезав с гор Скандинавии. В восьми километрах от местечка, возле небольшого железнодорожного разъезда, добывали известняк. А рядом, в лощине, окаймленной ракитами, бил из земли источник. Вода источника обладала резким и неприятным запахом, от нее вокруг выгорала трава. Но за этой водой приезжали из окружающих сел, брали ее бочками. Говорили, что она вылечивает от ревматизма и других болезней.

На болоте ржавая вода в иных местах отливала цветами радуги. Откуда-то сюда просачивалась нефть. Родная земля таила в своих недрах великое множество сокровищ.

Тем памятным летом нас с Реем больше всего занимали птицы. Знакомый длинноносый аист, скворцы, ласточки... Боясь холода, они на зиму улетали к берегам Нила. Рей высказал

предположение, что все эти птицы — уроженцы нашей земли. Потому что если иначе, то зачем бы они прилетали весной? В Африке же целый год лето, и птицам нет никакого резона зря тратить силы на перелет. Просто их влечет родная земля, где некогда так же круглый год было жарко, как в Африке.

Мыслей, которыми делился со мной четырнадцатилетний Андрей Каминский, я потом ни разу не встретил в книгах. Но они и сегодня кажутся мне любопытными...

Незабываемое воспоминание тех далеких дней — ночлег в лесу. Идти по грибы в чужой, незнакомый бор мы отважились втроем: Рей, я и Кирилл. День был пасмурный и дождливый, солнце с раннего утра пряталось за тяжелыми серыми облаками. Мы, конечно, могли вернуться. Но заблудиться нам с Реем было совсем не страшно. Зачем же мы тогда взяли с собой спички, хлеб и сало на добрых два дня? Мы промокли до нитки и потеряли дорогу. И вот ночь в лесу, чадящий костер из еловых лапок и сучьев. Над нами косматый хвойный полог, а в прогалинах между вершинами деревьев знакомые звезды: ковш Большой Медведицы, Полярная, созвездие Ориона, бесконечный роящийся Млечный Путь... Ночью распогодилось. Ориентируясь по звездам, мы могли бы найти нужное направление и выйти на дорогу. Но не хотелось. Наверное, впервые в жизни мы вдосталь пили перемешанную со страхом сладость великого чувства самостоятельности. Вокруг шумел чужой, таинственный лес, кигикала какая-то птичка, что-то трещало в кустах, а мы сидели вокруг костра и жарили сало...

В полночь Кирилл не выдержал и заплакал. Физически он был сильнее каждого из нас, но всхлипывал, совсем как ребенок. Мы с Реем его утешали.

Тот год нашего совместного обучения в седьмом классе был последним. Десятилетки в местечке еще не было, и следующим летом все разлетелись кто куда...

8

Рассказанное — кусочек детства далеких тридцатых годов.

Сегодня мне столько, сколько было моему отцу, когда я восторгался Жюлем Верном. И у меня есть дети. Старшему сыну — двенадцать, младшему — семь. Старший вступил уже в ту полосу жизни, когда душе нужны необычайные приключения, странствия и, конечно, Жюль Верн. Младший глотает сказки. И они, дети, самоуверенно думают, что им первым открываются великие загадки мира.

Я окончил тот самый географический факультет, на котором раньше учился Антон Антонович. Знаю теперь точно, что нашему учителю много путешествовать не пришлось. Как и все студенты, съездил он на Урал, на Кавказ — и все. Но Жюль Верн тоже много не ездил. И был великим путешественником.

Кирилл, мой сосед, работает сейчас учителем, как и я. Пути наши разошлись давно, и я мало о нем знаю.

В нашем местечке теперь десятилетка. Поблизости добывают известняк. Есть предположение, что в скором времени возле источника построят лечебницу. Но не известняком и не лечебницей знаменито сегодня местечко. Славу ему принес Андрей Каминский. Он один из тех, кто строил и запускал спутники Земли.

И что-то новое происходит у нас, чего, наверно, не было за всю историю. Совхоз, торфозавод и местечко спорят из-за Андрея. Представители каждого из этих населенных пунктов доказывают, что Андрей Каминский родился именно у них. Споры часто разгораются и в школе, куда ходят дети изо всех этих мест.

Когда дети обращаются ко мне, как к судье, я всегда говорю, что Андрей — уроженец местечка. В совхозе и на торфозаводе он жил временно. В глазах ребят из местечка вспыхивает радость. А ребята из совхоза и торфозавода печалятся. А мне всем им хочется сказать:

— Шагай, человече!

Перевел с белорусского
Мих. ЗЛАТОГОРОВ.

«Самый честный в городе Козлове...»

Летом 1934 года я, редактор Сельхозгиза, приехал к Ивану Владимировичу Мичурину в связи с изданием его книги «Итоги шестидесятилетних работ».

В Мичуринске (к тому времени город Козлов уже был переименован) на Селекционно-генетической станции стояли два деревянных домика. В одном были лаборатории и комнаты сотрудников, в другом жил Иван Владимирович со своей семьей.

С Иваном Владимировичем я встретился в его рабочем кабинете. У стены стоял большой книжный шкаф, сделанный лично М. И. Калининым и подаренный им ученому. На письменном столе — садовые инструменты, рукописи, под стеклом в коробке лежали полуразобранные карманные часы — предмет незабытого увлечения Мичурина с молодости.

Беседуя с Иваном Владимировичем, я как-то сказал, что поражаюсь обилию и разнообразию созданных им новых растительных форм и собранной в питомнике коллекции:

— Ведь почти до последнего времени вы работали один. Как же удалось вам «получить» такое ботаническое богатство?

Мичурин улыбнулся.

— Да, действительно, мне и самому иногда кажется это странным. Но ведь многие помогали мне. Вот помню я один случай. Давно это было. Я тогда занимался в Козлове не только садоводством, но и починкой часов. Только что кончилась русско-турецкая война, и освобождаемые из плена турки проходили через наш город. Однажды в полдень сижу я за столом, занимаюсь часами. Вдруг отворяется дверь.

«Селям алейкум!» — кланяется пожилой турок.

«Алейкум селям!»

«Знаешь, зачем я к тебе пришел? — говорит он.— На базаре я слышал, что самый честный человек в городе — это ты...»

Оказывается, у турка было шесть золотых монет, и он боялся, что их украдут. Вот и просил взять монеты на хранение.

— Я, конечно, согласился,— с улыбкой сказал Иван Владимирович.

На следующий день турок явился снова, очень взволнованный, встревоженный.

«Знаешь что, мне деньги понадобились сегодня... Нас скоро должны отправлять...»

Я-то знал, что об отправке пленных еще слуха не было, и понял, что турок просто не доверяет мне, видимо, поддавшись чьим-то наветам...

Однако, когда деньги были возвращены, гость, держа их в руке, все еще продолжал стоять около двери, очень смущенный.

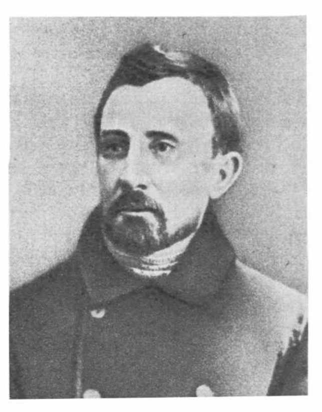
«Возьми эти деньги обратно,— вымолвил он наконец.— Я сказал тебе неправду. Это меня на постоялом дворе трактирщик и жена его напугали: мол, твои денежки теперь плакали».

— Ну, я обижаться не стал,— продолжал Мичурин,— вижу, турок — человек простой, темный, снова взял деньги его на хранение...

В следующий раз турок пришел за деньгами только через три месяца, когда пленных стали отправлять на родину. Прощаясь, он оставил Мичурину свой адрес.

После этого прошло года два. Ивану Владимировичу понадобились для гибридизации дикорастущие косточковые сеянцы с юга. Достать их он нигде не мог. Тут он вспомнил о турке, написал ему. Скоро из Турции в Козлов пришла аккуратно запакованная почтовая посылка. В ней были сеянцы и трогательное письмо.

А. СЕЛИВАНОВ



И. В. Мичурин. 1885 год.

ПЕСНИ-СПУТНИКИ

К 60-летию композитора К. Я. Листова

Шла репетиция Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски. Будто шепотом, как ветерок по колосьям, на басах зашелестело:

— Ты лети с дороги,
птица,
Зверь, с дороги уходи...

И вдруг во всю красоту и мощь своего голоса хор грянул:

— Эх, тачанка-ростовчанка...

Дирижер Александр Васильевич Александров энергичным, резким движением оборвал песню и обернулся ко мне:

— Тебе нравится? Здорово, великолепно!.. А вот и композитор!

В полумраке зрительного зала, в проходе, стоял высокий, худощавый человек. Я вгляделся внимательнее и сразу узнал его — Костя Листов! И вспомнилась мне Москва середины двадцатых годов...

Группа молодых энтузиастов — артистов, художников, музыкантов,— именовавших себя «Синей блузой», разъезжала по заводам и рабочим клубам, устраивала концерты, эстрадные представления на злобу дня. В одной из бригад «Синей блузы» аккомпаниатором был Константин Листов. Он вечно возил с собою целый набор шумовых инструментов: барабан, бубен, трамвайный звонок, автомобильную сирену. Сидя у рояля, он каким-то чудом успевал подыгрывать себе еще и на этих «инструментах». Получался настоящий оркестр!

...Константин Яковлевич Листов родился в Одессе. Отец его был клоун, мать — наездница. С ранних лет познал он нищету и неприглядность жизни бродячих циркачей; с четырех лет начал зарабатывать на хлеб: его наряжали девочкой, завязывали ему бантик в черные курчавые волосы и выпускали на арену. Когда старший его брат — гимнаст-акробат разбился, упав с трапеции, отец оставил цирк. Семья обосновалась в Царицыне, где Костя поступил в музыкальное училище.

В 1918 году 18-летний Константин Листов добровольно вступил в Красную Армию. Он был одновременно и рядовым бойцом и политруком. Здесь, в Красной Армии, он сочинил свою первую песню на собственные слова — «Да здравствуют Советы». После ранения в боях под Царицыном его направили на учебу в Саратовскую консерваторию.

В 1924 году Константин Яковлевич переехал в Москву и здесь сразу окунулся в самую гущу артистической жизни. Он писал для эстрады песни, проникнутые свежими, демократическими интонациями, новые по музыке и по содержанию. Перед войной композитор в содружестве с поэтом М. Рудерманом создал свою знаменитую «Тачанку». Эта песня завоевала сердца. Ее пели все, ее пели повсюду. После того, как Красноармейский ансамбль исполнил ее на концерте в Париже, «Тачанку» запела вся Франция.

Особенно близко с Константином Яковлевичем мы сошлись в годы войны. Один вечер очень ярко врезался в мою память. По затемненной пустынной Москве шли мы с Константином Яковлевичем в газету Западного фронта, которая помещалась в редакции «Гудка»; встретили там А. Суркова, В. Кожевникова... Они затопили «буржуйку», накормили нас пшенной кашей. Тут Алексей Сурков прочитал нам свои новые стихи:

Бьется в тесной печурке
огонь,
На поленьях смола, как
слеза...

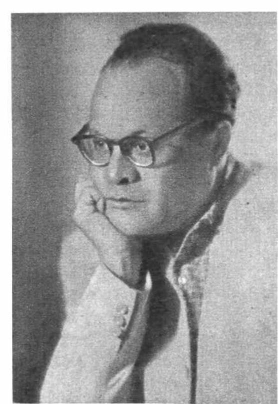
И как-то сама собой возникла у Листова мелодия — точная, единственная. Другой и быть не могло. Мелодия «Землянки», обошедшей все фронты...

Более 600 песен создал Листов. Это песни о Ленине, о партии, о партизанах и о моряках, о солдатах и рабочих парнях...

Листов — автор девяти оперетт. Недавно в Саратовском театре состоялась премьера его новой оперы «Олеся».

Вот таков он, работящий и жизнерадостный человек, советский композитор, автор чудесных песен — спутников родного народа.

Юрий МИЛЮТИН



Мих. МАТУСОВСКИЙ

ТРУБАЧ КОТОВСКОГО

Из них уж многих нет в помине —
С тех пор прошел не день,
не год, —
Но, говорят, еще и ныне
Трубач Котовского живет.
Давно знамена полковые
Сданы в музей до одного,
И по ночам стенокардия
Удушьем мучает его.
С «авоськой», в курточке
короткой —
Кто воина узнает в нем,
Когда он старческой походкой
Идет за рыбой в «Гастроном»!
Но раз в году, когда кварталы
Утихнут, в сон погружены,
Горнист военный, как бывало,
Трубу снимает со стены.
И, вскинув медный раструб кверху
И от волненья чуть привстав,
Опять играет он «поверку»,
Как требует того устав.
И все слышней дыханье схватки
И грома дальнего раскат,
И в бурках с ветром на подкладке
Из мрака всадники летят.
И сам комдив с его друзьями
Идет в махорочном чаду,
Перекрещенный весь ремнями,
Гремя оружьем на ходу.
Волнуя каждого солдата,
Поет разбуженная медь
О том, что и сегодня свято,
За что не жалко умереть.
В ночной квартире звуки льются,
И им широкий мир открыт.
Эпоху гроз и революций
Трубач Котовского трубит.
Но бьет на башне полшестого,
И время горну онеметь,
И, успокаиваясь снова,
На стенке замирает медь.
И новый день в права вступает,
Исполнен планов и забот.
Трубач пиджак свой надевает
И в руки палочку берет.
Так он выходит за ворота
Дождю и ветру вопреки.
И все ворчит, ворчит на что-то,
Как все на свете старики.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Все мои вещи в мешке,
Снова подтянут и юн я, —
На календарном листке
Двадцать второе июня.
В памяти снова встают
Лица, события, даты.
Снова солдатский наряд
Мне выдают интенданты.
Черной завесой беды
Не заволочены дали.
Что суждено испытать,
Мы еще не испытали.
Нам еще песен Джалиль
Не посылал из застенка.
Цел еще весь Сталинград,
Жив еще Сема Гудзенко.
Зою еще не обжег
Холод можайского снега,
И не написан роман
Про Кошевого Олега.
Пуля, которой Гайдар
Будет настигнут на тропке,
Где-то в Берлине еще
Спит в магазинной коробке.
Не полыхают еще
В селах украинских клуни.
Юности нашей рубеж —
Двадцать второе июня.

Власть не утратив свою
И не тускнея с годами,
Все это снова встает
Каждое лето пред нами:
Первый наш эшелон,
Мчащийся к Приднепровью,
Первый клочок бинта,
Залитый первой кровью.
Первая на пути
Бомбовая воронка.
Вложенная в конверт
Первая «похоронка».
Первая под сосной
Вырытая могила, —
Кажется, лишь вчера
Все это с нами было.
Это как трудный путь,
Что бесконечно долог.
Это как под ребром
Спрятавшийся осколок.
Душных теплушек бред,
Женщин бездомных лица, —
Пусть это никогда
С вами не повторится...

Травы и листья в росе:
Дождь прошумел накануне.
Отзвуки дальней грозы,
Двадцать второе июня.

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ТЕТРАДИ

Баллада

Сильней, чем топка, день пылает.
От зноя воздух сер.
Не первый год живет в Бхилаи
Советский инженер.
На солнцепеке домик душный —
Мужской, нескладный быт.
В углу простая раскладушка,
Где он не часто спит.
В мешке дорожном все пожитки
Теснятся у дверей.
Так жил еще он на Магнитке
В дни юности своей.
Как был он в труд свой
вдохновенный
Без памяти влюблен!
Везде, где строились мартены,
Там появлялся он.
Когда по улицам Берлина
К рейхстагу рвался взвод,
Он потерял жену и сына
В один и тот же год.
У человека нет на свете
Из близких никого, —
И только печи, словно дети,
Теснятся вкруг него.
Он от рассвета до рассвета
Средь этих жарких стен.
И ничего от вас за это
не требует взамен.
В поселок этот небогатый
Пришел он как фантаст.
И новую «Махабхарату»
Народ о нем создаст.
Все в мареве горячем тонет,
Сводя людей с ума.
Лишь облачко на небосклоне
Белеет, как чалма.
Машины без конца и края
Идут с утра, пыля.
И перед ним лежит Бхилаи —
Горячая земля...

Манекены

Вздыблены копыта с пьедесталов,
Ноздри лошадиные раздуты.
Статуи английских генералов
Высятся на улицах Калькутты.
Мимо них в неугомонном громе
Мчатся рикши и автомобили.
Убираясь восвояси, томми
Захватить с собой их позабыли.
Вот следит за вами взглядом
строгим
Мумия в мундире генерала.
Да, мой сэр, коль подвести итоги,
Было здесь награблено немало.
Морщась от дымка своей сигары
Или от хронической подагры,
Приказал он даже мрамор старый
Вырубать из светлых храмов
Агры.
Он, селенья обратив в пустыни,
Шел по скалам и песчаным
дюнам...
Но какие мысли и поныне
Теплятся под лбом его
чугунным?
Может, вспомнив все былые
битвы,
Он о новых подвигах мечтает,
Иль, как строки утренней молитвы,
Редиарда Киплинга читает.
Оживи сейчас холодный камень,
Дай ему права хоть на минуту,
Он, не дрогнув, этими руками
Стер с лица земли бы всю
Калькутту.
Он молчит, покрытый мелкой
пылью,
Своего коня подняв над нами,
Скрежеща от злобы и бессилья
Черными чугунными зубами.

Мертвый город

Ничего руками здесь не троньте,
Всюду зной — снаружи и внутри.
Так он и встает на горизонте,
Мертвый город Фатихпур-Сикри.
Тамариск, растущий средь
развалин.
Плитами мощенные дворы.
Он сейчас почти что нереален,
Созданный из камня и жары.

Небо в ослепительной полуде.
А под этим небом все мертво.
Город пуст, но кажется, что люди
Только что оставили его.

Где ж они, хозяева былые,
Чей пример как будто бы не нов,
Где их паланкины расписные,
Где упряжки белых их слонов,

Где ряды солдат вооруженных,
Где их терпеливые рабы,
Где их многочисленные жены,
Где их предсказатели судьбы,

Где их все законы и порядки,
Где слова речей их грозовых,
Слуги где, чесавшие им пятки,
Где поэты, славившие их?

Смешивая истину со сказкой,
Быль и небыль, доблесть и порок,
Водит здесь История указкой,
Снова нам давая свой урок.

Пыль столетий заметает плиты.
Под травою кладка чуть видна.
И уже давно полузабыты
Грозные когда-то имена.

Стоило ли им владеть и править,
Убивать, задабривать, лукавить,
Рваться к власти множество годов,
Чтоб потом после себя оставить
Только глыбы мертвых городов?

Наследник

Штанишки до колен,
Бинокль наперевес, —
Английский джентльмен
Приехал в Бенарес.

Фамильной славой горд,
Идет надменный бритт, —
В боях за Красный Форт
Был дед его убит.

Над ним со всех сторон
Индийская земля, —
Так жил и умер он
Во имя короля.

Хранящий с ним родство,
Наследник хил и слаб, —
Уже никто его
Не называет: «Саб».

Когда в чужой толпе
Бредет он наугад,
Он ловит на себе
Недобрый чей-то взгляд.

И часто по ночам,
С трудом осилив страх,
Он проверяет сам
Замки на всех дверях.

Он дожил до того,
Последний из господ,
Что нищий от него
Подачек не берет.

И, навсегда к нему
Утратив интерес,
Лежит пред ним в дыму
Угрюмый Бенарес.

Дорога в темноте
Безлюдна и пуста, —
И времена не те,
И Индия не та.

Капля в море

Валерий АГРАНОВСКИЙ

Рисунки А. ЧЕРНОМОРДИКА.

В моем рабочем блокноте есть одна строчка, которая удерживает в памяти, словно якорек, целую историю. Произошла она несколько месяцев назад в маленьком городе Ставрополе, Куйбышевской области. Километрах в трех от города шло строительство завода синтетического каучука. Стройка была большая: цехи считали десятками, механизмы — сотнями, рабочих — тысячами, а фонд заработной платы — миллионами. Короче говоря, масштабы были велики, и не только человек, но целая бригада казались там каплей в море.

Вот почему я и записал в своем блокноте: «Енгашевцы — капля в море». Для них не нашлось места даже на фанерном щите, который висел в комитете комсомола за спиной секретаря Виталия Якименко и который с грохотом срывался со стены всякий раз, когда кто-нибудь хлопал дверью. Правда, невозмутимый комсорг, даже не вздрогнув, регулярно вешал его на место, потому что щит был его гордостью. Красными буквами по розовому фону он сообщал каждому, сколько на строительстве бригад коммунистического труда и сколько бригад борются за это почетное звание,— в общей сложности, если память мне не изменяет, было около тридцати.

Итак, для самой обыкновенной и рядовой бригады Енгашева места на щите не нашлось. В парадных отчетах она не упоминалась, на собраниях в пример ее не ставили, а сам Енгашев, когда мы с ним познакомились, сказал так:

— Фью-ю-ть, чего захотели: чтобы нас Виталий на щит нарисовал!.. Да нас мало, всего шестнадцать человек, и работа не героическая: не монтажники мы и не каменщики — землекопы. Это вот ребятам из бригады Мануйлова «сверху видно все»: высотники! А мы что? Котлован роем, кувалдами помахиваем... Эх!

Не помню сейчас, кто и почему сказал мне впервые о Енгашеве, с какой стати возник о нем разговор, но однажды я отправился на стройку его разыскивать. Кажется, он должен был участвовать в каких-то соревнованиях, чуть ли не по боксу. Время для розысков выбрал я самое неудачное: работы кончились. Погода стояла теплая, рабочие поснимали ватники и шли навстречу, покуривая. Я спрашивал:

— Кто знает Енгашева?

Останавливались на секунду, пожимали плечами: какой такой Енгашев — всех разве упомнишь? А потом один рабочий вдруг остановился.

— Ну, я знаю Енгашева. А на что он вам? — И проводил к месту работ.

Еще издали я заметил маленькую фигурку. Один над глубоким котлованом — все ушли — он стоял в задумчивости, почесывая затылок и сдвинув фуражку на лоб. Потом резко повернулся ко мне, уколол черными зрачками.

— Да, я Енгашев. Что случилось?

И мы познакомились.

Что вам сказать о Володе, как его описать? Ростом он маленький, худенький, лет пятнадцати на вид, хотя, впрочем, и на самом-то деле ему было всего семнадцать. Глаза — чистый уголь, и волосы, черные, короткие, чуть вились. Губы толстые, розовые, и над ними две дырочки курносого носа: кажется, пойдет дождь — заливать будет. А сам он коричневый, даже черный, потому что жил на самом берегу Куйбышевского моря, купаться начинал с апреля, а солнца в этих краях хоть отбавляй. Одет был Володя в синюю тужурку на «молнии», но застегнута она была не до конца, а так, что на груди открывался ровный треугольник свитера, будто тельняшка. На голове картуз с мягким козырьком, а на ногах резиновые сапоги, мокрые и блестящие, только что, видать, отмытые в луже: Володя уже собирался домой.

Взгляд его, строгий и задумчивый, был обращен на противоположную сторону котлована, где притулился, как бедный родственник, кран «Пионер». Я тоже посмотрел в ту сторону, потом мысленно измерил глубину котлована и воскликнул, не скрывая изумления:

— И это все?!

Чтобы вам легче было понять, в чем дело, представьте такую картину. Котлован, круглый и глубокий,— резервуар для хранения воды. Кран на той стороне кажется спичечной коробкой, а стрела его — склеенной из спичек. И все — больше никакой техники. Ни экскаватора на дне котлована, ни даже бульдозера — ничего!

— Да он тоже так,— сказал Володя, кивнув на «Пионер» и вложив в слово «так» большую порцию презрения, — для блезиру. Если только им работать, за год не управишься. А нам дали всего месяц...

— Вручную копали?

— Необходимость! Здесь технику не применишь. Для экскаватора фронта работ нет: не выгодно,— бульдозеру или скреперу тоже не развернуться, а самое главное — по дну проходят трубы канализации, с ними надо было осторожно, чуть ли не щеточками чистить, как археологи... Вот мы и вкалывали...

Я понял: это конфликт. Посудите сами: передовая стройка, оснащенная самой современной техникой,— и вдруг участок голого ручного труда! Виноватых нет — жестокая необходимость. И самая обыкновенная, рядовая, из пятнадцати парней состоящая, семнадцатилетним мальчишкой возглавляемая бригада. Лопаты, клинья, кувалды и «Эх, двинем!»—вот и все вооружение. Грунт паршивый: мерзлая глина. Она откалывается тонкими пластами, и при каждом ударе летят, как шрапнель, осколки. Специалисты знают, что такое грунт четвертой категории. Есть еще пятой — скальные породы...

И строжайший график работы!

Когда начали, стояла еще зима, держались морозы. С неба сыпался, валил снег. Под ногами была грязь: пытались отогревать землю, и глина стала вязкой, резиновой, липкой... Шестнадцать простых парней, размазывая по щекам желтую глину, слыша чавканье сапог и ощущая в руках тяжесть кувалды, даже не догадывались, что самым чудесным образом попали в условия тридцатых годов, в годы первых пятилеток.

Я посмотрел на Володю совсем другими глазами...

...Иногда услышишь, как молодой человек сетует. Революцию, говорит, сделали без нас, в гражданской отличились наши деды, Отечественную вынесли отцы, и в годы первых пятилеток нам тоже не пришлось себя проверить. Какие же мы: сильные

или слабые, смелые или трусливые, мужественные или размазня? Не знаем... Как, где, на чем можно это проверить? Целина, стройки Сибири и Крайнего Севера, труд на заводах и полях страны — все это мы понимаем и искренне верим в то, что в самое мирное время, в самой будничной обстановке всегда есть место подвигу. Но поймите нас правильно: нам всегда казалось, что истинная проверка наших сил и способностей возможна лишь в условиях, в каких жили, воевали, трудились и совершали подвиги наши отцы и деды, потому что во всех других условиях нам трудно с ними сравниться.

Жалуется юноша... Помню, в Кремле было собрание десятиклассников Москвы и Московской области; ребята, окончив школу, решили поехать на заводы и стройки страны. Их собрали в Кремль, и речь перед ними держал один из секретарей ЦК комсомола. Когда он заявил с трибуны, что молодежь не должна обольщаться легкостью принятого решения и понять, что слабым в их рядах не место, у всех загорелись глаза.

— Вам придется иногда жить в палатках,— предупредил оратор, и в ответ раздались аплодисменты.— Будет трудно с обеспечением, с инструментами! Будет или слишком холодно, или слишком жарко!— Аплодисменты.— И могут быть даже жертвы!

Конечно, всем должно быть понятно: не надо искусственно создавать трудности, равные трудностям далекого прошлого. Не надо искусственных проверок «на прочность» нашего молодого поколения. Но что делать там, где такие трудности появляются и про них говорят: «Жестокая необходимость»? Пищать? Хныкать? Жаловаться? Или относиться к ним поделовому?..

— Ну, пошли? — перебил мои мысли Володя.— А то мне еще в комитет надо зайти...

Чтобы узнать «секрет прочности» бригады Енгашева и самого Володи, не нужно вести сложных изысканий, проводить исследовательскую работу и писать диссертацию. Все очень просто, очень ясно и понятно. Вот вам один эпизод. Узнал я о нем не от Володи: рассказывать такие истории он не любил,— а от Виталия Якименко, когда мы пришли в комитет комсомола. Бригаду Виталий знал как свои пять пальцев. «Все они комсомольцы,— сказал,— у меня на учете, как не знать! Я им и благодарности выдавал, и это... и выговоры, всякое бывало...» Кстати, в продолжение всего рассказа Володя сидел рядом, составляя какую-то ведомость или справку, и часто отрывался от своего занятия, внимательно прислушиваясь к рассказу, и смеялся вместе с нами, и хмурил брови в соответствующих местах — одним словом, вел себя так, будто речь шла не о нем и не о его бригаде. И только в самом конце он вдруг встрепенулся и внес в слова комсорга одну существенную, с его точки зрения, поправку... Что касается Якименко, то он вспомнил этот случай совсем не в подтверждение особенности енгашевцев, а скорее наоборот, как случай самый будничный и рядовой, подчеркивающий обыкновенность бригады,— вспомнил только потому, что на глаза ему попался Енгашев.

Итак, однажды под вечер, когда до конца работы оставалось минут пятнадцать, к котловану подъехала машина с жидким бетоном. Ребята уже вылезли на поверхность, собирались по домам и так измучились, что еле двигали ногами. На кувалды никто из них смотреть уже не мог. Надо сказать, работу земляную они не любили. А кто ее любит? Все они недавние солдаты, в армии служили шоферами, артиллеристами, авиаторами и совершенно искренне считали себя механизаторами. После демобилизации добровольно поехали на стройку и, конечно, были уверены, что дело придется иметь с передовой техникой. И вдруг — кувалды! Забивай в землю клинья. А потом другой берет в руки кувалду, а ты держишь клин, а еще потом лопаточкой всю эту землю наверх — и так весь день. Одним словом, «техника»! А весит кувалда килограммов пять, ею не всякий штатский помахает, если солдатам тяжело... Но что делать? Надо! Еще тогда, в начале зимы, сразу после приезда, их собрали, объяснили положение и даже разрешили отказаться, кто не захочет. «А другой какой работы нет? — спросил один из солдат.— Значит, нет?» «Ладно, согласны,— сказал ктото.— Бригадира вы дадите? Или своего выбирать?» «Дадим толкового парня!..» — И прислали Володю Енгашева. Он пришел тогда — худенький, маленький, черненький, со списком в руках, — и первое, что сказал, развеселило солдат. «Можете,— сказал,— идти жаловаться, но меня назначили к вам бригадиром!» А потом начал перекличку, и когда кто-то из солдат женским голосом ответил: «Тут!», — сразу обнаружил свой характер. «Я,— сказал,— в армии не служил, но знаю, что отвечать надо «я». Дело ваше, это я к случаю заметил, и, конечно, порядки у нас не армейские, но предупреждаю: за нарушение, понимаете, трудовой дисциплины из бригады, понимаете... выгоню!» «Понимаете» — его любимое слово. Ребята потом часто говорили Володе: «Ты, понимаешь, свое «понимаете» брось, и так все понимаем!» Конечно, были и стычки, даже серьезные, и кое-кто поговаривал, что, мол, откуда такого чернomазого на нашу шею выкопали. Но какая работа обходится без стычек? Так и тянулась жизнь бригады, и тот день, когда к концу смены вдруг привезли бетон, ничем не отличался от дней предыдущих. Холодно было, зуб на зуб не попадал, усталость с ног валила, а многим еще в школу предстояло идти — учились в вечерней, или к семьям — женатые были... А тут — жидкий бетон! Если его не пустить в работу, он до утра «схватится», застынет, а потом его хоть выбрасывай.

Что делать?

Нахмурились ребята. На Володю не смотрели. У него самого дома маленькие братья и сестренки и матери нет, похоронил недавно, а отец — пожарный, дежурит как раз в ночную—кто ребятишек накормит? Потом еще в техникум бежать на другой конец города... А что бетон? Заработка одна машина не прибавит, в масштабах всей стройки этот бетон — ерунда, начальства никого уже нет, сами себе командиры, да и по закону заставить никто не имеет права...

Стояла машина, сидел на ступеньках равнодушный шофер: «Сгружать?» — папироску потягивал. И в этот самый момент — гудок: кончай работу!

Двое оделись, осторожно ступая, пошли прочь, не попрощавшись. Отошли шагов на двадцать и остановились, будто закуривают. Володя молчал. Тут слова бесполезны. Когда он у Пудовкина в бригаде работал, там, бывало, так говорили: «Какая разница между обычной бригадой и нашей, коммунистического труда? Если рабочий на работу идет медленно, а с работы быстро,— куда ему до коммунизма! Ежели на работу — быстро, а с работы — медленно,— он тоже еще недостойный. А вот если и туда спешит и обратно, чтобы за учебник сесть, да по дороге еще думает: эх, черт подери, как я мало сегодня сделал, надо завтра сделать больше, — вот этот наш». «Но то,— думал Володя,— в пудовкинской бригаде, а моя что? Обыкновенная...»

Короче, рассказывать долго нечего. Снял с себя Володя тужурку, взял лопату и пошел к шоферу: «Разгружай». И никому больше ни слова: как хотят! Подтянул блочок к котловану, наладил его, спустился вниз, крикнул: «Пускай бетон!» «Пускать?» — переспросил шофер. «Сколько тебе говорить!» Тот пустил. А бригада сидела, не шелохнувшись, и двое шагах в двадцати все еще прикуривали друг у друга...

Володя со дна котлована так и не видел, что произошло потом на поверхности. Работал себе — и точка.

— Чудак! — сказал Якименко. — Помните, как в картине «Коммунист», когда герой рубил дрова для паровоза? Один? Вот и Енгашев... У нас как раз перед этим фильм прошел.

Между тем наверху началось движение. Первым очнулся шофер. Он посидел еще, покурил, потом выкинул цигарку и полез в котлован. Вернулись те двое, что прикуривали в стороне, и молча сбросили ватники. А потом и остальные.

— Разошлись по домам к двенадцати ночи,— закончил комсорг.

— Ну вот еще, скажешь! — встрепенулся Володя.— К двенадцати! В одиннадцать я уж кормил ребят... Вы ему не верьте, он, знаете, любит приукрасить...

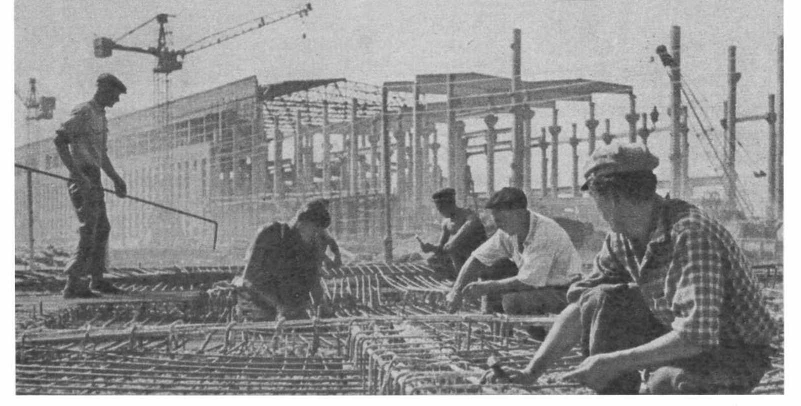
— А на следующий день,— перебил Якименко,— явились, как один, в комитет и такой устроили скандал, что держись! «Какого,— кричали,— лешего привозят бетон в неурочное время? Раньше не могли, что ли? Или мы нанялись работать, как ишаки? А им государственных средств не жалко? Мы это дело,— кричали,— так не оставим!..»

Вот и вся история.

...Вместе с Володей я возвращался со стройки. Близился вечер. Зажигались огни в домах, на крышах которых торчали телевизионные антенны. У касс клуба толпилась разноцветная очередь. Возвращались болельщики со стадиона, запрудив всю улицу. «Ты куда?» — донеслось. «В читалку!» «Да брось, пошли выпьем!..»

— Эх,— вздохнул Володя,— вот раньше были героические времена, не то, что наши... Вот если бы нам попасть в океан, да в шторм, да без еды!.. Ну, я пошел,— сказал он вдруг будничным голосом.— Сегодня еще дел куча, обещал ребятишек в кино сводить, а завтра новый объект получаем, надо прийти за час до работы... Вы уж простите.

Приподнял картуз, нацепил его снова и зашагал к дому, сразу растворившись, словно капля в море, в потоке людей, идущих в том же направлении...



Строится целлюлозно-картонный комбинат.

Камышовые крепи.

Краски щедрой осени

Долго шагала осень по нашей стране с севера — от Мурманска — на далекий юг и вот наконец пришла сюда, к берегам Каспия. Она перекрасила пойменные приволжские зеленые земли в иные цвета. Она принесла с собою мириады перелетных птиц и опустила их на тысячу сто протоков Волжской дельты, на бесчисленные озерца и заводи.

Осень пришла, и всем прибавилось радостных забот. Кипит работа на 750 тысячах гектаров Волжской дельты. Пристани ломятся от овощей и фруктов. Весь рыболовный речной флот не спит круглые сутки. Многие рыбаки по примеру тони «Быстрой» — передовой тони Оранжерейного рыбокомбината — ведут лов в два невода. Живым серебряным потоком идет рыба на комбинат.

Среди многих богатств, которыми славится дельта, особая статья — камыш. Двести семьдесят тысяч гектаров занимают его заросли. Плотными крепями стоит камыш в ожидании, когда его по-настоящему пустят в дело. Этот час не за горами: уже строится неподалеку от Астрахани целлюлозно-картонный комбинат, который будет работать на камыше.

И еще одна достопримечательность имеется в дельте Волги: это основанный в 1919 году по декрету Владимира Ильича Ленина Астраханский заповедник. Больше двухсот видов птиц, больше пятидесяти пород рыб обитают — постоянно или временно — в его пределах. Здесь отдыхает пролетная птица, здесь жирует, нагуливается король рыб — осетр. Здесь растет удивительно красивый цветок, предмет особого поклонения у восточных народов — лотос.

Кто сказал, что осень — грустная пора?! Труженикам она приносит только радость!

О. МИХАЙЛОВ

Интервью «Огонька».

ПРАВО, «ТЕОРИИ» И ФАКТЫ

Л. Н. СМИРНОВ,
заместитель председателя Верховного суда СССР

Не так давно в Лондоне состоялся Второй международный конгресс по предупреждению преступности и обращению с преступниками. В работе его приняли участие около тысячи делегатов от 84 стран мира. Здесь были известные ученые, судьи, прокуроры, тюремные священники, полицейские, члены различных благотворительных организаций, врачи-психиатры, адвокаты.

Советскую делегацию на конгрессе возглавлял заместитель председателя Верховного суда СССР Лев Николаевич Смирнов.

Корреспондент «Огонька» беседовал с Л. Н. Смирновым. Вот что он рассказал:

— Конгресс пользовался исключительным вниманием международной общественности и прессы. И это вполне понятно: обсуждавшиеся вопросы затрагивали судьбы миллионов людей. За последние годы преступность на Западе приобрела невиданные масштабы, особенно преступность среди несовершеннолетних, которую называют «проблемой № 1».

По официальным данным, 12 процентов всех американских подростков в возрасте от 10 до 17 лет уже предавались суду. Статистики подсчитали, что если преступность несовершеннолетних будет возрастать прежними темпами, то в 1965 году в США к судебной ответственности будет привлечен миллион несовершеннолетних, а в 1970 году эта цифра вырастет до полутора миллионов.

В Лондоне 32 процента всех преступлений в 1958 году были совершены лицами в возрасте от 8 до 20 лет. В Англии не хватает тюрем. На строительство новых тюрем правительство выделяет ежегодно 20 миллионов фунтов стерлингов.

Трудно назвать такую капиталистическую страну, в которой бы преступления несовершеннолетних составляли менее 20—25 процентов всех преступлений. «Проблема № 1» занимает сейчас на Западе умы не только юристов, но и родителей, педагогов, врачей. В чем же дело?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, представитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций профессор Лопец Рей выдвинул на конгрессе так называемую теорию «двух поясов»: северного и средиземноморского. Согласно этой теории, детская преступность находится в прямой зависимости от жизненного уровня страны: чем выше уровень, тем выше преступность, и наоборот. А один из американских делегатов заявил, что детская преступность объясняется физической неполноценностью юных правонарушителей. Обе эти точки зрения не нашли поддержки среди делегатов конгресса.

С большим вниманием было выслушано сообщение о положении с детской преступностью в СССР. Количество преступлений, совершаемых подростками, в нашей стране не только не увеличилось по сравнению с довоенным уровнем, но резко сократилось. Жизненный уровень неуклонно растет, а преступность вопреки утверждениям западных «теоретиков» неуклонно снижается. Если в 1946 году несовершеннолетние составляли 11,7 процента от общего числа осужденных, то к 1959 году их количество сократилось до 3,3 процента. Следовательно, рост преступности вообще, и среди несовершеннолетних в частности, объясняется не повышением жизненного уровня и не физической неполноценностью, а социальными факторами. Советский Союз смог добиться таких результатов только потому, что социалистический строй открывает широкие возможности для воспитания подрастающего поколения.

Придавая большое значение в воспитании подростков литературе, кино и радио, советская делегация предложила отметить исключительно вредное влияние гангстерских фильмов, комиксов, телевизионных и радиопередач, прославляющих преступления. Это вызвало резкое возражение со стороны делегации США. Был предложен проект резолюции, который в переводе с юридического языка на общедоступный означал приблизительно следующее: «Пусть подростки продолжают читать комиксы и смотреть гангстерские фильмы. То, что они после этого обязательно станут преступниками, пока не доказано. А не показывать им убийства в кино и не продавать комиксы мы не можем, так как это было бы ограничением свободы их личности».

Выступая в связи с этим проектом, мы говорили, что свобода свободе — рознь. Существует свобода строить, но нет и не может быть свободы убивать. Поэтому свобода развращать детей кровавыми похождениями уголовников должна обязательно пресекаться государством. К чести делегатов конгресса надо сказать, что подавляющее большинство разделило нашу точку зрения.

Конгресс уделил много внимания и «проблеме № 2» — содержанию заключенных. Большинство заключенных в капиталистических странах содержится в условиях изоляции, в закрытых тюрьмах. Как заявили делегаты ряда стран, тюремное заключение себя не оправдывает. Значительный процент преступников, освобождаясь, вновь совершает преступления. Рецидив стал бичом для капиталистических стран. Поэтому вопрос о перевоспитании преступников вызвал на конгрессе оживленную дискуссию.

Доклад об обращении с заключенными непосредственно перед их освобождением делал директор пенитенциарной службы Камбоджи известный правовед Чхе Ким Хонг. Докладчик и выступавшие в прениях полагали, что подготовка к жизни на свободе должна проводиться незадолго до освобождения.

Нас, разумеется, такая постановка вопроса удовлетворить не могла. Ведь по советскому уголовному праву целью наказания является не только кара и изоляция преступника от общества, но и перевоспитание его. Поэтому подготовка заключенного к жизни на воле у нас начинается с первого же дня его пребывания в местах заключения. Наши колонии не зря называются исправительно-трудовыми. Их задача — исправить человека, что достигается посредством труда, строгой дисциплины и политико-воспитательной работы. Залогом успеха в этом является широкое участие общественности. Рецидивисты среди освобожденных из мест заключения в наших условиях составляют небольшой процент, неизмеримо меньший, чем в условиях капиталистического общества. Живой интерес вызвало сообщение советских делегатов о шефской работе коллективов фабрик и заводов, о наблюдательных комиссиях местных Советов, о самодеятельных организациях заключенных.

Позицию СССР в вопросе подготовки заключенных к жизни на воле поддержали ОАР, Индонезия, Дания и многие другие страны. Поэтому в рекомендации конгресса была изложена именно такая точка зрения. Положительную оценку получила и советская система исправительно-трудовых учреждений как более эффективная и прогрессивная, чем тюремная.

За последние три месяца советские юристы побывали на двух международных встречах: на семинаре ООН по защите прав человека в уголовном процессе, который состоялся в Вене, и на конгрессе в Лондоне. И в Вене и в Лондоне советская делегация принимала активное участие в обсуждении различных вопросов. И надо сказать, что к мнению ее прислушивались. Несмотря на то, что порой разгорались очень острые дискуссии, обе встречи прошли в духе сотрудничества и взаимопонимания. Польза от этих встреч бесспорна.

В заключение я хотел бы остановиться еще на одном вопросе.

Как мы убедились, иностранные юристы имеют очень слабое представление о нашем законодательстве, судебной практике и исправительно-трудовой политике. Многие общеизвестные в СССР истины воспринимались ими как откровения.

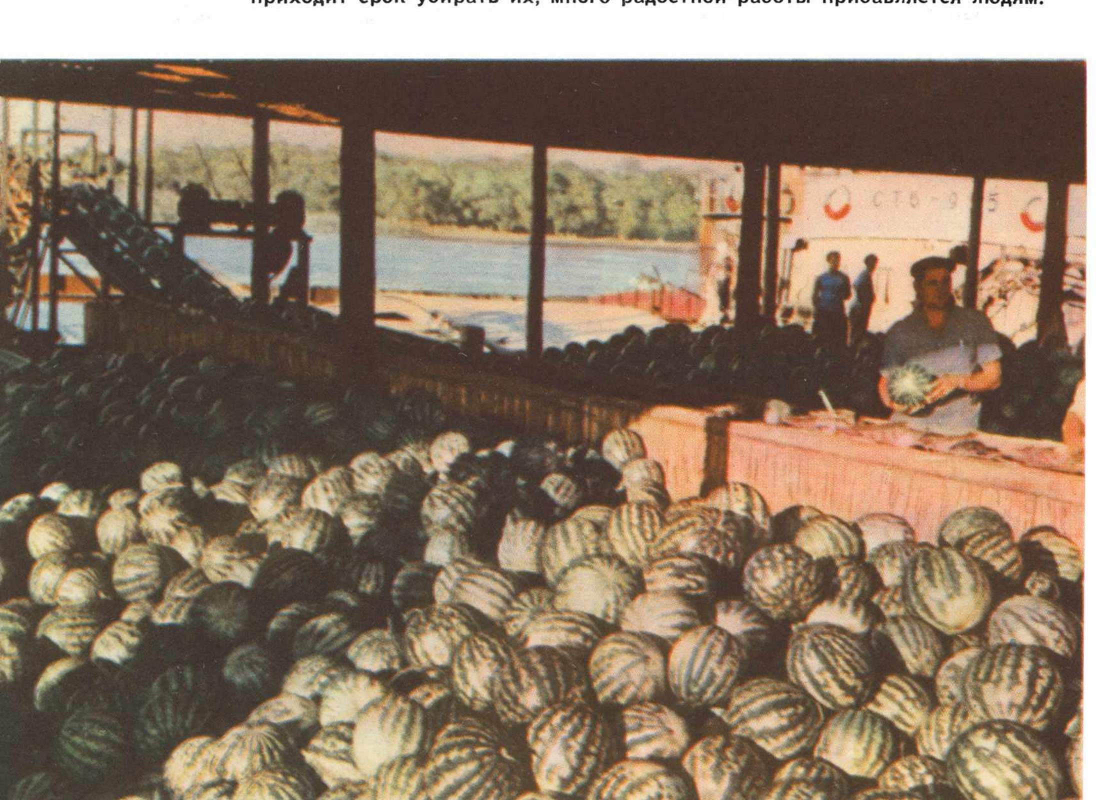
Мое глубокое убеждение, что пропагандой советского права мы занимаемся мало. И за нас это делают другие, причем не всегда добросовестно. В Вене я выступал в Обществе австро-советской дружбы с докладом «О привлечении общественности в СССР к борьбе с преступностью». И вот меня перед началом доклада предупреждают, что тема эта не нова. Я, признаться, был поражен. «Да,— говорят,— такой доклад уже читался». «Кем?» «Американским лектором». Действительно, доклад на эту же тему уже сделал американец, и, разумеется, он все перевернул с ног на голову.

Французские, американские и английские студенты, изучая советское право,— а интерес к нему очень велик! — пользуются часто недобросовестными, заведомо тенденциозными иностранными источниками.

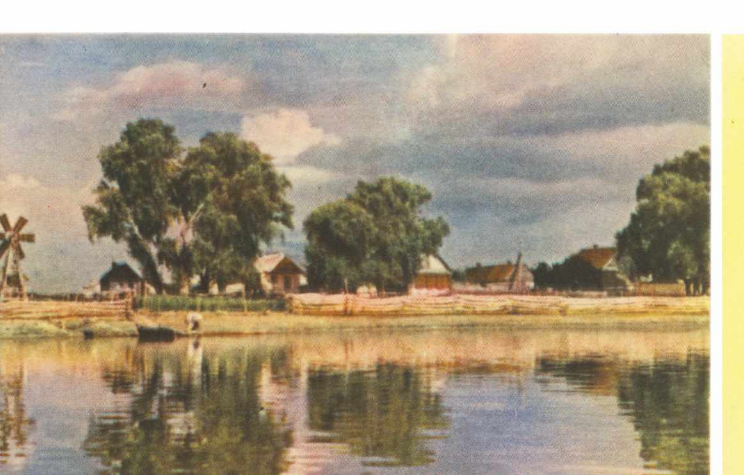
Как показал Международный конгресс в Лондоне, СССР намного опередил другие страны в области предупреждения преступности и обращения с преступниками. У нас хорошо поставлена борьба с преступностью, у нас передовое законодательство, проникнутое духом социалистического гуманизма, наши исправительно - трудовые учреждения по праву могут считаться лучшими в мире. Эти достижения не только можно, но и нужно пропагандировать самым широким образом!

Вся в цветах площадь Ленина в Астрахани. Фото М. САВИНА.

На приволжских землях вызревают богатые урожаи овощей и фруктов, и когда приходит срок убирать их, много радостной работы прибавляется людям.



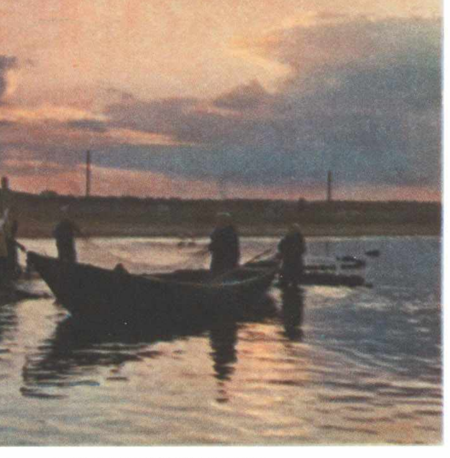
Рыбаки колхоза «Красный моряк» — Василий Иванович Червяков и Петр Григорьевич Павлов.



Рыбацкая деревня.

Вечер спустился на Волгу, н

На тонях колхозов и Оранжерейного
пора: рыба идет! Ставят рыбаки капронов
улов, а потом, когда выберут сети и сильн
тут не зевай, повор



ю не хотят рыбаки покоя.

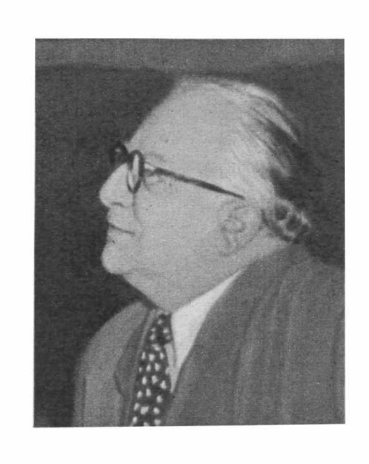
рыбоконсервного комбината страдная
вые сети, ждут нетерпеливо, будет ли
ые, верткие осетры забьются в садках,—
ачивайся живее!

А дальше путь рыбы — на Астраханский комбинат. Сотни баночек с икрой проходят каждый день через руки учетчицы Веры Маркиной.

Сдали рыбу — и снова до свидания, берег!

ПРОБУЖДАТЬ ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

ХУДОЖНИК. ЭТОГО МАЛО!



Рубен СИМОНОВ,
народный артист СССР

Разговор о театре будущего, поднятый на страницах «Огонька» М. Шагинян, Н. Черкасовым, Р. Пляттом, кажется мне значительным, интересным и своевременным.

Как бы различны ни были голоса участников этой дискуссии, с какой убедительностью, а то и пристрастием ни отстаивает каждый свою позицию, все они едины в стремлении предвосхитить, угадать, каким будет сценическое искусство при коммунизме. О театре будущего, которое совсем не за горами, надо думать уже сегодня, не просто мечтать, а именно думать, по-хозяйски рассчитывая силы, «планируя», строя...

Грандиозно «здание» будущего народного самодеятельного театра. Величественны его контуры и в наши дни. Ведь каждый вечер по всей стране на сценические подмостки выходят тысячи рабочих, служащих, учителей и инженеров. В народный театр пришли люди из цехов, лабораторий, школьных классов и студенческих аудиторий. Это уже люди «нового типа», очень далекие от тех замкнувшихся в узком мире своей профессии «специалистов», которые, по выражению Козьмы Пруткова, «подобны флюсу». Развитие только одной грани своих интересов и дарований вообще несвойственно советскому человеку. Ведь и мы, режиссеры и актеры, тоже вторгаемся сегодня в самые широкие сферы духовной жизни человека, и в политику, и в науку, и в технику. Происходит тот процесс диффузии духовных ценностей, который предопределен особенностями социалистического уклада нашей жизни. Поэтому художник, не понимающий величия своего времени, живущий вне интересов страны, просто не художник! Советскому актеру не нужна герметически закупоренная стеклянная банка, изолирующая его от жизни с ее «буднями». Да и есть ли у нас сегодня будни? Думается, что новое, творческое отношение рабочего, колхозника, техника к своей профессии и породило у художника неодолимую жажду воспевать свою республику, писать стихи, музыку, перевоплощаться в спектакле. Разностороннее, гармоническое развитие личности — одно из самых удивительных и самых ценных преобразований, которое несет человечеству коммунизм.

Идея создания народных театров нас, вахтанговцев, радует и вдохновляет. Мы испытываем необходимость влиться в это могучее движение, стать его живым и действенным соучастником. С огромным удовлетворением взял на себя наш коллектив шефство над народным театром-спутником в Волоколамске. В театральном училище имени Щукина создано специальное заочное отделение для режиссеров самодеятельного театра, и мы гордимся возможностью помочь им своими знаниями, опытом. И все же при всем необъятном значении, которое приобрел уже сейчас этот всенародный поход за театральную самодеятельность, между профессиональным и самодеятельным сценическим искусством лежит некая демаркационная черта.

Мне кажется очень своевременным разговор о профессионализме в актерском деле. Я, грешным делом, давно болею проблемой воспитания нашей актерской молодежи,— многое представляется мне в этом вопросе неблагополучным. Молодежь не всегда до конца понимает всю меру и степень ответственности, ложащейся на плечи человека, избравшего себе увлекательную, но совсем не легкую профессию актера. Я подчеркиваю, *профессию!* Те часы, что рабочий проводит за станком, актер репетирует, работает над ролью, играет на сцене. Репетиционный зал для него цех, в котором бывает и жарко и трудно. В театре актер *трудится.*

Элементы повседневного труда уже вошли и в самодеятельное искусство, но характер и количество его не рождают качество, именуемое профессионализмом. Я совсем не хочу сказать, что актер-любитель как бы обречен на дилетантизм, что самодеятельности противопоказано знание актерского дела. Было бы величайшей нелепостью утверждать, что актеров народного театра не надо учить, что им не нужно сценическое мастерство, что театр для них только забава. Наоборот, все настойчивее дает себя знать стремление актеров народного театра «поверять алгеброй гармонию», проникать в точные законы искусства сцены. Черты профессионализма все увереннее входят в их творчество. Но это только черты. Пусть профессия человека и любимое занятие его в часы досуга сливаются в некое единство, но главным, ведущим останется дело, за которое он отвечает. Я думаю, например, что врач, который по вечерам выступает на сцене, все же в большей мере ответствен за состояние своих больных, чем за сыгранную им роль, в то время как актер за свое сценическое поведение несет полную ответственность и как гражданин и как художник. И если у молодых актеров подчас не до конца развито чувство политической ответственности, то нет ли тут ошибки в самом воспитании будущих актеров советской сцены?

В старом русском театре была добрая традиция — обучать театральному искусству чуть ли не с детства. Великая Ермолова дебютировала на сцене Малого театра семнадцати лет, полуребенком пошла на сцену Стрепетова. Сколько их, таких примеров! В театре начинающие актеры постигали не только тайны сценической технологии, но и тайны владения умами. Мне кажется, мы поздно начинаем учить актерскую молодежь, поздно прививаем ей технические навыки, поздно заражаем мышлением художников. Ведь и мое поколение начинало гораздо раньше, чем нынешнее. В двадцать лет многие из нас были уже зрелыми актерами с отчетливой индивидуальностью, с определенным кругом творческих и человеческих интересов. Я за то, чтобы в нашей стране были созданы средние школы со специальным актерским уклоном, чтобы уже с восьмого, девятого классов юноши и девушки начинали готовить себя к трудной артистической деятельности, к миссии художников, призванных сказать свое новое слово в искусстве, призванных всегда быть впереди!

Не только меня, но и очень многих по-настоящему волнует сейчас судьба московского театра «Современник». Я был в числе тех, кто радостно встретил рождение этого одаренного студийного коллектива. В свое время студии сыграли громадную роль в создании новых советских театров. «Современник» — детище таких же горячих и юных актеров, какими были когда-то и мы, вахтанговцы.

Одна эта ассоциация вызывает у меня к молодому коллективу самые добрые, самые теплые чувства. И надо сказать, три года тому назад «Современник» заслуживал это отношение, он действительно заражал своей смелостью, молодостью, устремленной к еще не хоженным в искусстве дорогам. Помню, как взволновал зрителей первый спектакль — «Вечно живые» В. Розова. В нем рассказывалось о молодежи в дни войны, о лучшей ее части, не щадившей своей жизни в битве за Родину. Чувствовалась большая любовь актеров к своим героям и такая же большая нелюбовь к тем, кого автор вывел на сцену, чтоб осудить... Всем казалось, родился горячий, боевой коллектив, ищущий современную, *гражданскую* тему. В это верилось и тогда, когда театр инсценировал повесть А. Кузнецова «Продолжение легенды». Герои ее — молодые рабочие, чудесно преображающие Сибирь, «рядовые» люди, столь же чудесно преображенные трудом.

Но молодые актеры стали забывать свою основную задачу — перевоплощение и нередко играют самих себя. Необходимо в каждой роли находить новые характеристики, создавать завершенный сценический образ.

Второе пожелание, чтобы театр более ответственно и строго подходил к выбору репертуара. Коллектив «Современника» одаренный, живой! Тем более не могу я понять, как строят они сейчас свой репертуар. Что могло привлечь молодых актеров во «Взломщиках тишины» — произведении о побитых жизнью неудачниках с их несчетным количеством несчастий?! А остропамфлетная, антифашистская пьеса Е. Шварца «Голый король» в постановке театра утратила свою политическую направленность и прозвучала как комедийный пустячок. Думает ли наша молодежь о могучей, воздействующей силе искусства, о гражданской ответственности своей перед миллионами влюбленных в театр людей?

Я говорю обо всем этом в связи с народным театром, его будущим, с формированием его творческой программы. Ведь сила влияния профессионального театра на самодеятельный велика.

Вот я и подошел к тому, что кажется мне решающим в проблеме театра будущего. Конечно, между профессиональным и народным театрами всегда останется граница, она только подчеркивает своеобразие каждого из этих значительных явлений духовной жизни нашего народа. Но два мощных этих потока берут начало из единого русла, и цель у них одна. Цель эта: пробуждать лирой «чувства добрые», направлять ум и волю зрителей и вести их вперед, к коммунизму.

Да, мы уже сегодня по-хозяйски должны думать о приблизившемся к нам коммунистическом далеко — вот почему так настойчиво обращаюсь я к проблеме воспитания тех творческих кадров, которые призваны строить театр будущего. Ведь это будущее очень близко!

На вкладке:

Неповторимо красив Астраханский заповедник с его цветущими лотосами, с клиньями птиц в небе.

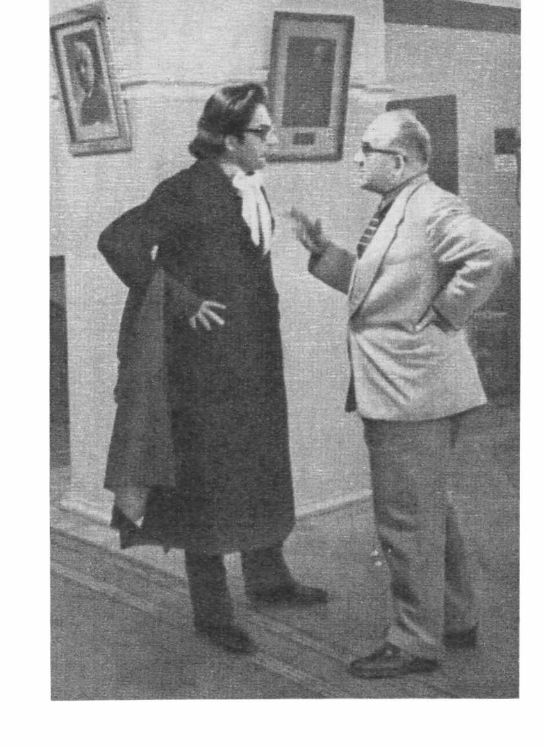
Большую научную работу ведут его сотрудники. У Натальи Михайловны Кулюкиной и Владимира Ивановича Заблоцкого богатый опыт кольцевания, но и для них довольно сложная задача — окольцевать молодого пеликана.

А серые цапли озабочены: не предстоит ли и им эта процедура?

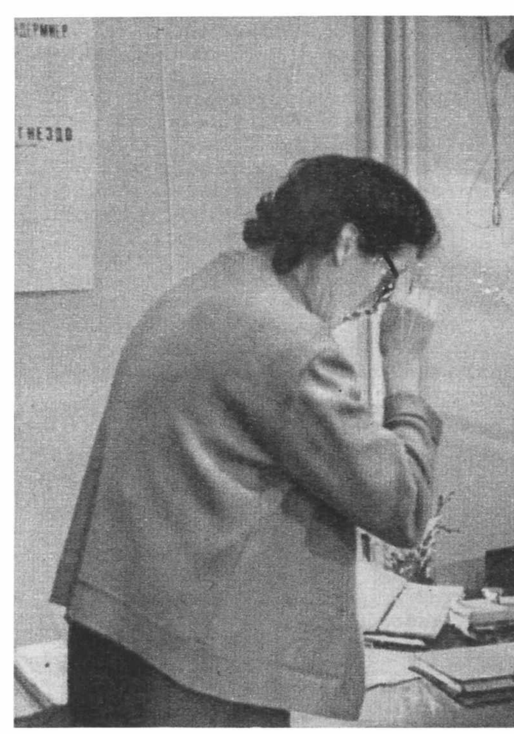
«Запретный плод сладок»... Зрители всех театров бросают любопытные взоры на маленькую дверь в фойе с надписью «Посторонним вход воспрещен». В каждом театре есть такая дверь, и в каждом театре привлекает она внимание.

Что там?

Вопреки запрету мы решили помочь зрителю проникнуть в таинственную дверь. Совершили мы это «святотатство» в Малом театре на «Ярмарке тщеславия». Шло сотое представление спектакля...



→ Здесь смешались эпохи, перепутались века. Народный артист Союза ССР И. В. Ильинский беседует с джентльменом в романтическом плаще. Режиссер спектакля всегда найдет что подсказать тому, кто взял на себя нелегкую обязанность разговаривать с залом от имени автора — Уильяма Теккерея. Сегодня эту миссию выполняет артист Г. И. Куликов.



→ В этот вечер все мысли и чувства артиста Н. И. Рыжова заняты Бекки. А что ждет его завтра? Об этом Джозеф зашел узнать в репертуарный отдел театра.

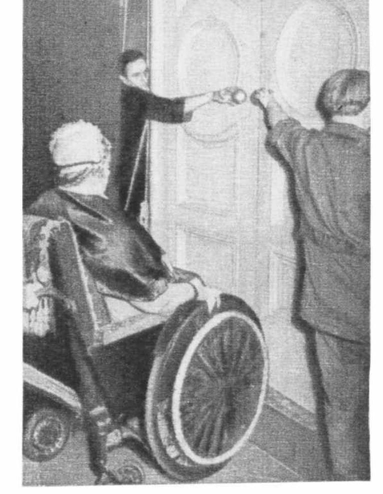
← Перед выходом...

Четыре часа за кулисами

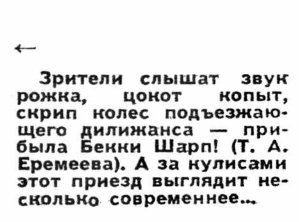
Римма ЛИХАЧ

→

За этой дверью — сцена...

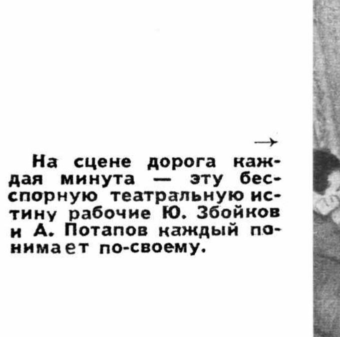


←



Зрители слышат звук рожка, цокот копыт, скрип колес подъезжающего дилижанса — прибыла Бекки Шарп! (Т. А. Еремеева). А за кулисами этот приезд выглядит несколько современнее...

→

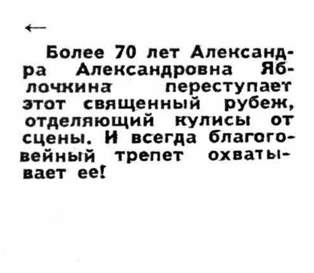


На сцене дорога каждая минута — эту бесспорную театральную истину рабочие Ю. Збойков и А. Потапов каждый понимает по-своему.

→

Пять лет на сцене проходят подчас за 15 минут, но 15 минут за кулисами в ожидании актера кажутся порой годами.

←



Более 70 лет Александра Александровна Яблочкина переступает этот священный рубеж, отделяющий кулисы от сцены. И всегда благоговейный трепет охватывает ее!

→

А в антракте у себя в гримерной можно спокойно посидеть, отдохнуть, собраться с мыслями. Завтра важное заседание Всероссийского Театрального общества, председателем которого Александра Александровна состоит вот уже 45 лет.

→

Женщины всех веков всегда найдут общие интересы.

Спектакль окончен.

БАРАН С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Рассказ

Джим ФЕЛАН

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Джим Фелан (родился в 1895 году) — современный ирландский писатель. На русский язык переведены две его повести: «Зеленый вулкан», «...И винтовками и дубинами». Первая посвящена национально-освободительной борьбе ирландского народа в 1916—1921 годах; во второй рассказывается о крестьянском антипомещичьем восстании в Ирландии в годы второй мировой войны. Сам крестьянин по происхождению, Фелан считается одним из лучших знатоков ирландской деревни.

— Как на духу, Паки, то есть мистер Долан, я хочу сказать, сейчас во всем Мулларавоге не наберешь и фунта стерлингов наличными. Вот нас здесь шестьдесят человек, и у нас у всех нет фунта наличными.

Высокий, сутулый крестьянин неловко переступил с ноги на ногу, оглянулся на толпу крестьян, таких же, как он, потом снова уставился опасливо, как испуганный ребенок, на человека, к которому обращался.

Паки Долан сидел на бочонке с мукой, непринужденно заложив ногу за ногу. Облокотившись на ящик с беконом, подперев рукой голову, он с добродушной улыбкой глядел на крестьянина, который, все более конфузясь, продолжал свою речь.

— Хочешь верь, хочешь не верь, Паки, у нас у всех не наберется даже полкроны наличными. До самой до июньской ярмарки, как на духу говорю.

Высокий крестьянин оглянулся на толпу, ища поддержки. Все молчали, робко, боязливо озираясь по сторонам. Потихоньку пододвигаясь один к другому, а потом все вместе к говорящему, они поглядывали непонимающе, то со страхом, то с надеждой на улыбавшегося румяного человека на бочонке.

Долан неторопливо поднялся, счистил мучное пятнышко с брюк и вытер руки белым фартуком.

Он мурлыкал про себя песенку, словно не замечал крестьян, и посматривал в окно лавки на широко раскинувшиеся лесистые склоны гор. Потом с коротким смешком он снял с полки расчетную книгу и посмотрел прямо в глаза говорившему крестьянину.

— Помилуй бог, Джон Джо Мули, экий ты горемыка! — сказал он с усмешкой. — Как тебя не пожалеть! Полкроны и то у тебя нету. Да и у других не больше. — С комической гримасой он покачал головой, оглядывая народ в лавке. — Да, Джон Джо, язык у тебя хорошо подвешен, — усмешка то пропадала, то снова появлялась у него на лице, — но ведь и я не миллионер!

Он положил расчетную книгу на ящик с беконом и раскрыл ее. Крестьяне зашевелились, пододвигаясь поближе к книге, словно завороженные ее видом. Паки Долан оглядел толпу с фамильярной усмешкой, весело подмигивая каждому, с кем встречался взглядом, и поигрывая книгой, словно приглашал всех принять участие в какой-то потехе.

Постепенно его неугомонная веселость вызывала ответные полуулыбки у окружающих. Тогда он помолчал, заложил пальцем страницу расчетной книги и выпрямился.

— Каждый из шестидесяти, — продолжал он тем же шутливым тоном, — каждый из шестидесяти, так записано в моей книге, должен мне в среднем сорок фунтов. Но в конце концов, — он лукаво поглядел на Джона Джо Мули, — что такое сотня фунтов, даже две сотни фунтов? Сущие пустяки! — Он захохотал, и крестьяне, помедлив несколько мгновений, откликнулись робким смешком.

Целую минуту, а то и более Паки, улыбаясь, глядел на толпу. Потом он раскрыл книгу и принялся читать.

— Джон Джо Мули. Сорок семь фунтов двенадцать шиллингов и два пенса. Верно я говорю, Джон Джо?

Единственным ответом крестьян было хриплое, отрывистое пофыркиванье, словно они были стадом овец. Один за другим они пододвигались к расчетной книге. Долан продолжал читать.

— Микин Мехью О'Бирн. Тридцать девять фунтов восемь шиллингов десять пенсов. Верно я говорю, Микин?

Переминаясь, подталкивая друг друга, крестьяне пожимали сутулыми плечами; казалось, они охотно соглашались с Паки, словно были школьниками, которым любимый учитель объяснял трудный урок. Лишь время от времени они с тоской и со страхом поглядывали в окно на лесистые вершины, где был их дом.

МуллаРавог занимал три массивных каменистых горных склона и одну горку пониже. К западу сплошной черной массой шел горный хребет, никем не заселенный и отрезавший деревню от остального мира. На запад дороги не было.

Внизу, на восточном склоне, где терялась последняя тропинка к цивилизации, прилепился к горе крохотный городок Барнслив. Его главная улица была всего лишь приукрашенным ущельем — самое имя городка значило по-древнеирландски «Горная теснина». Барнслив следовало рассматривать как первую остановку по пути в страну гор или же последнюю на обратном пути.

На самой середине улицы высился единственный в городке трактир; над входом висела вывеска: «П. ДОЛАН». Рядом была контора, на вывеске которой значилось то же имя и добавочные пояснения: «Перевозка грузов. Похороны срочно, по первому разряду. Прокат машин».

По другую сторону трактира в четырех со-строенных вместе избах разместился обширный универсальный магазин. Из первой избы, где была бакалейная лавка, доносился сейчас негромкий размеренный голос Паки Долана:

— Мартин Мейк Докерн. Двадцать два фунта четыре шиллинга восемь пенсов. Верно я говорю, Мартин Мейк?

Нависшая над городком каменная громада охватила своими коричнево-зелеными лапами несколько десятков крохотных крестьянских усадеб. Каждый домик был окружен полоской вспаханной земли, веками обороняемой от вторжения дрока, вереска и валунов. Выше над домиками шли горные склоны, мирные и прекрасные, поделенные бессчетными каменными оградами на квадраты, в которых на золотом и зеленом фоне мелькали белые шубы овец.

Сумрачные каменистые вершины главного хребта наглухо отделяли Мулларавог от лежавшей где-то дальше Ирландии. На вершинах никто не жил, через хребет не было перевалов, не было даже сколько-нибудь стоящей горной тропы. Никакого другого входа в деревню или выхода из нее, кроме как через Барнслив, не существовало. Голос из бакалейной лавки словно напоминал об этом непреложном факте:

— Дэнни Джем Райен. Тридцать восемь фунтов четыре шиллинга шесть пенсов. Верно я говорю, Дэнни Джем? Падди Хэффни. Сорок один фунт девять шиллингов...

Не было такого крестьянина в окрестных горных деревушках, который не знал бы наизусть ходячую шутку насчет Паки Долана. «Паки, — говорили горцы, — и встречает вас и провожает. Либо вы покупаете у него колыбель, либо нанимаете катафалк. Никуда вам в Барнсливе не деться от Паки».

Долан начал с малого, но зато не тратил времени зря. Сперва он ютился в лавчонке и считал каждый пенс; когда дело пошло на лад, стал считать фунты стерлингов; а потом открыл счет в местном банке и принялся откладывать сотнями фунтов. Паки рос, как на дрожжах.

В Ирландии, да и во всякой другой крестьянской стране, это привычная картина. В глухой угол заявляется человек и видит, что торговля здесь сулит несметные барыши. Мало-помалу, неизбежно и неотвратимо к нему сходятся нити хозяйственной жизни целого района.

У ирландцев есть специальное словечко. Мелкого городского торговца, который, постепенно расширяя свое влияние, набрасывает удавку на всю округу, называют «гомбином», кусочником. «Гомба» по-древнеирландски значит кусок или кроха. Отсюда — «гомбин». В это короткое словечко можно втиснуть целый учебник политической экономии.

Паки Долану еще не минуло тридцати лет, когда он впервые понял цену географического положения Барнслива. Этот городишко у подножия горы был единственным мостом, соединявшим горцев с цивилизацией. Чтобы проникнуть в мир коммерции, крестьяне должны были спуститься в Барнслив. Пока Долан владел пятью лавками в городе — других не было, — единственным трактиром и двумя грузовиками, он был «гомбином».

Полудикие, робкие, угрюмые, по большей части не знавшие грамоты, горцы рано или поздно должны были спуститься со своих вересковых склонов, чтобы что-нибудь продать и что-нибудь купить. И покупщиком и продавцом был Паки. Теперь голос из лавки подводил итоги этой коммерции:

— Дикин Каллахэн, последний, — читал Паки. — Сорок один фунт одиннадцать шиллингов три пенса. Верно я говорю, Дикин?

Сконфуженно заулыбавшись, Каллахэн кивнул. Оглядевши толпу, Паки прижал обеими руками книгу к груди, как бы безропотно признавая свое поражение.

Крестьяне переминались, шаркали ногами, рылись в карманах, посматривали друг на друга, но не произносили ни слова. Долан выждал несколько минут, потом рывком раскрыл книгу на последней странице.

— Две тысячи четыреста девяносто пять фунтов восемнадцать шиллингов восемь пенсов *моих* денег,— сказал он, не повышая голоса.— Вы унесли их к себе наверх с мукой, беконом, табаком и всем прочим. Почти что две тысячи пятьсот фунтов. *Две тысячи пятьсот.*

Горцы издали шумный продолжительный вздох, услышав эту итоговую цифру. Озираясь по сторонам, они старались сбиться потеснее, в точности как стадо овец. Паки засмеялся.

— Вы большие шутники,— сказал он, одобрительно покачивая головой.— Большие шутники! У кого ничего нет, с того ничего не возьмешь. Не так ли? У вас ничего нет, вам и горюшка мало. А где мои две тысячи пятьсот фунтов? Тю-тю, там, наверху.

Он подошел к окну и поглядел на вершины Мулларавога. Крестьяне тоже устремили было взгляды в окно, но Долан резко обернулся.

— Вам горюшка мало,— повторил он, и его громкий смех разнесся по маленькой улочке.— У кого ничего нет, с того ничего не возьмешь. Не так ли?

— Вот придет июньская ярмарка, Паки...— начал Джон Джо Мули.

Долан усмехнулся и покачал головой, показывая, что не желает слушать. Он раскрыл книгу на первой странице, пробежал ее взглядом, потом захлопнул и положил на ящик.

— Все эти долги,— сказал он, посмеиваясь,— набрались по мелочам. Двадцать лет мы ждем то июньской ярмарки, то декабрьской. И вот теперь вы должны мне две тысячи пятьсот фунтов. Брось эти шуточки об июньской ярмарке, Джон Джо, а то я, пожалуй, помру со смеху.

Лавочник улыбался, но крестьянам было не по себе. Все молчали, на каждом лице появилось виноватое, пристыженное выражение, как если бы Паки изобличил их в заговоре с целью бесчестно обмануть его. Не говоря ни слова, толпа уставилась на «гомбина» тупым, безнадежным взглядом. Они ничего не могли поделать. У них ничего не было. Они не могли уплатить ни пенса.

— Послушай, Джон Джо,— сказал Долан наигранно-равнодушным тоном,— а ведь там, на Мулларавоге, наверное, пасется не меньше семисот овец, а может, и все восемьсот.

Толпа крестьян отпрянула в ужасе, словно «гомбин» вытащил из кармана бомбу.

В горах, где голые скалы перемежались с густыми зарослями дрока, а кое-где встречались луга и поросшие свежей травой недолговечные поляны (там, где крестьяне жгли дрок), паслись небольшие отары овец. Мулларавогские овцы паслись все вместе, каждая с клеймом своего хозяина на ухе, пока не наступал час забивать их, продавать или стричь. Иными словами, пока овца или шерсть ее не переходила во владение Паки Долана.

Овечьи стада казались горцам извечной и неотчуждаемой частью их самих, как солома на крыше или горный ручей, из которого они брали воду. Крестьянин продавал пару овец, пяток ягнят или десяток овчин; все равно ничего не менялось. Стадо оставалось при нем, чуть поредевшее или чуть возросшее. Он никогда об этом не задумывался.

В каждом маленьком хозяйстве выращивали на продажу картофель, репу и другие овощи. Это было главным занятием горцев, основным источником их доходов. Овцы не шли в счет. Несколько фунтов в год от овец — это был подарок бесплодных вершин Мулларавога.

Редко кто из крестьян не владел тремя или четырьмя десятками овец там, на вершине. Бывало, что стадо приносило ему пятнадцать, а то и двадцать фунтов. Это были деньги ни за что, даровой урожай с лужаек, стиснутых между скалами и густыми зарослями дрока. В краю, где каждый шиллинг добывается в поте лица, это были желанные деньги.

Ни разу никому из крестьян не приходило на ум, что их лохматые овцы были капиталом. Овцы паслись там, наверху. Время от времени стадо приносило несколько фунтов. Овцы были наверху все равно что торф в болоте и соломенная кровля над головой. Никому не приходило в голову, что овцы были капиталом; никому, кроме Паки Долана.

Когда Паки метнул свою бомбу, заявив о числе овец в горных отарах, горцы сперва обомлели, как если бы «гомбин» бросил им в лицо какую-нибудь чудовищную непристойность. Но тут же они поняли, что это другое: «гомбин» накинул им петлю на шею. Крестьяне не знали, что две с половиной тысячи фунтов, которые они были должны Паки Долану, обеспечены их движимой собственностью. А Паки знал это с самого начала.

С тупым упорством каждый из крестьян увиливал теперь от расспросов Долана, сколько у кого овец. Да разве скажешь?! Овцы там, наверху, все вместе. До июньской ярмарки и не разберешь, где твои, где чужие.

Мистер Долан должен понять, толковали они оробевшими голосами, глядя с ужасом на лавочника, что овцы пасутся там, наверху, вперемежку: одна здесь, другая там. Никто не ходит смотреть за ними, разве только если надо постричь овцу или забрать ягненка-двух для продажи. Все овцы вперемежку. Одна здесь, другая там.

Паки злобно огрызнулся, но овладел собой, и добродушная улыбка вновь засияла на его лице. Слушая его речи, крестьяне словно становились меньше ростом.

— Значит, так,— подытожил Долан.— Никто из вас не знает, ни сколько у него овец, ни где они пасутся. Одна пасется здесь, другая там. Это все, что вы знаете,— одна здесь, другая там. А если всех овец согнать вместе, вы, наверное, скажете, что в таком большом стаде своих овец не отыщешь. Сегодня вы сговорились смешить меня. А как все-таки будет с моими деньгами?

Переговоры закончились, горцы высыпали на городскую улочку, не глядя друг другу в глаза. Паки принял простое и практическое решение. В будущую субботу он приедет лично в Мулларавог. Он знает, что они будут смеяться над ним, они ведь такие шутники, но тем не менее он уверен, что если подняться в горы, там найдется не менее семисот овец.

— По три фунта за овцу — это честная цена. Правильно я говорю, Джон Джо? Три фунта за овцу.

— В Дублине за овцу платят около пяти фунтов,— сказал Мули нетвердо и без большой надежды на успех своего возражения.

— Правда твоя,— согласился «гомбин».— Спорить не буду. Только Мулларавог не Дублин. Если я заплачу вам по три фунта за овцу, и то я потеряю на этой сделке около пятисот фунтов. Но лучше потерять пятьсот, чем две с половиной тысячи. Так, значит, до субботы, Джон Джо, до субботы.

Бочком крестьяне принялись выбираться наружу.

Утром в субботу все мужчины деревни собрались у горной тропинки неподалеку от дома Джона Джо Мули. Они не обсуждали предстоящий приезд «гомбина», только поглядывали один на другого оторопело и униженно, как если бы на них обрушилась какая-то страшная напасть, лишившая их дара речи.

Долан прибыл веселый, полный дружеских чувств. Он оставил свою машину ниже дома Мули, где обрывался узкий проселок, и подошел к горцам пешком. Он наотрез отказался идти в горы, пока не промочит глотку, и велел принести из машины четыре бутылки виски. За ними последовало еще четыре, и к тому времени, когда Паки наконец согласился начать подъем по крутой тропе, настроение у крестьян немножко улучшилось.

— Провалиться мне на этом месте, если я не стану скоро заправским мужиком,— шутил Паки, вручая Мули инструмент наподобие плоскогубцев.— Забери их у меня, Джон Джо, не то я пробью дырочку в собственном ухе.

Долан икнул несколько громче, чем следовало, и все не спеша пошли в гору.

Инструмент в руках у Мули был щипцами для клеймения овец. Горец, видимо, не разобрал, что клеймо состояло из букв «П» и «Д», и по мере того, как они рядом поднимались все выше в гору, Долан становился все фамильярнее и фамильярнее со своим спутником. Учащая шаги, он семенил за ним в хвосте растянувшейся цепочки горцев, а на крутизне, когда тропу стискивали с обеих сторон утесы, хватал Мули под руку.

— Я хочу, чтобы все было по-хорошему, Джон Джо,— твердил он.—По-хорошему.—Ему хотелось показать, что он хлебнул лишнего и стал щедрым и сговорчивым.— Мне не жалко несколько сот фунтов! Я хочу, чтобы все было по-соседски. Верно я говорю, Джон Джо?

Мули коротко мычал в ответ и только раз взглянул на человека, толковавшего о своей щедрости. Долан тут же ухватил его за руку.

— Сотню-другую овец, чтобы покрыть хоть часть долга, Джон Джо! —крикнул «гомбин».— Хоть часть долга. Я никого не хочу обижать. Одну овцу здесь, другую там, Джон Джо.— Он хохотнул, вспомнив, что повторяет выражение, принадлежащее собеседнику: одну здесь, другую там.

Крестьяне растянулись по горе длинной неровной цепочкой. За каждым горцем шла овчарка, а то и две. Поднимаясь, крестьяне перебрасывались короткими фразами. Это был обыденный разговор о простых вещах, о

скалах, о дроке, о пастбищах. Никто ни словом не упомянул ни о «гомбине», ни о его намерении впервые за многие века очистить Мулларавог от овец.

Порою кто-нибудь останавливался и, обернувшись, посматривал вниз на Мули и Долана. Они глядели на Джона Джо, словно он был их вождем, хотя он плелся позади и не говорил ни слова. Постояв, они снова не спеша продолжали свой путь.

Тропинка стала круче, потом пошла чуть что не отвесно, и Долан, посмеиваясь, стал жаловаться на усталость. Пересекши скалистый гребень, где тропинка терялась в теснине, а потом выходила на открытое плато, крестьяне с овчарками сделали остановку и стали ждать, когда подойдут Долан и Мули.

Проход в скале был тесным, не более ярда в поперечнике; синие изрытые утесы надвигались справа и слева, словно желая сомкнуться. Помогая природе, кто-то из предков нынешних крестьян убрал валуны в стороны, чтобы освободить проход для овец, кто-то сдвинул вместе два или три обломка скалы, чтобы образовать «ступеньку».

В самой узкой части тропы большой плоский камень, загораживавший когда-то проход, был отвален вбок, к скале, и закреплен на месте другим маленьким камнем, служившим ему подпорой. За протекшие десятилетия камень-подпора почти что ушел в землю, погребенный под высохшими побегами вереска и дрока, дотверда утоптанными крошечными копытцами многих поколений овец.

В этом отваленном в сторону камне, в этой незамысловатой подпоре, в этих бесчисленных следах овечьих копыт была заключена вся история Мулларавога. Подобная мысль, очевидно, осенила Джона Джо Мули, когда он вгляделся в хорошо знакомую картину, и он тяжело перевел дух. Потом он неуклюже споткнулся, и камень-подпора шевельнулся под его ногой, наверно, в первый раз за столетие. Джон Джо споткнулся снова.

Не успел Паки, шутливо имитируя досаду, заявить, что устал и не сделает ни шагу дальше, как отваленный когда-то плоский камень упал на тропу и придавил ему левую ногу. Камень был не так велик, чтобы причинить Долану боль, но он крепко держал его ногу. Посмеиваясь и бранясь, «гомбин» стоял теперь, как вкопанный, посредине узкой тропы.

— Эй, Джон Джо! — вопил он, скорчив комическую гримасу.— Сними у меня с ноги этот чертов камень! Эй, Джон Джо!

Огорченный и сконфуженный, потея от напряжения, горец попытался поднять камень руками, но без успеха. Долан выругался.

— Надо пойти поискать слегу, мистер Долан, — смущенно сказал Джон Джо. — Со слегой мы вдвоем или втроем поднимем камень. Вам все равно идти дальше незачем. Ребята сейчас пригонят овец, и вы отберете, сколько вам нужно. Погодите здесь минутку, мистер Долан.

Он быстро зашагал вверх по тропе.

Горцы продолжали подъем, то исчезая, то снова появляясь между скалами. Они перебрасывались на ходу короткими фразами, толковали о том о сем, где найти слегу, куда запропастились их овцы, как половчее согнать овец вместе, кому быть погонщиком, с кем пойдут овчарки. Короткие фразы, деловой, незатейливый разговор, как обычно в горах. Не прошло и двух минут, как Паки остался один.

Сперва он слышал, как они перекликались, когда, рассыпавшись в поисках овец, теряли друг друга среди скал и густых зарослей дрока, слышал, как подзывали собак, как совещались между собой, где же им разыскать слегу или жердь на вершине, где одни камни да вереск. Потом воцарилась тишина. Приняв по возможности удобную позу, Долан стоял не шевелясь. Прошло несколько минут, прежде чем он сообразил, что найти жердь на вершинах Мулларавога труднее, чем найти алмаз. Потом, услышав шорох на тропе, он с нетерпением поднял голову, ожидая увидеть Джона Джо Мули.

Послышался глуховатый звон на одной заунывной ноте, словно ударил надтреснутый колокол. С дальнего края плато спускался огромный баран. Он дошел до того места, где начинали тесниться скалы, и замер.

На шее у него висел заржавленный колокольчик. Мощные рога круто завивались и не были опасны для соперника. Постояв, он повернул, пересек плато в обратном направлении и опять остановился. Колокольчика больше не было слышно. Паки с интересом следил за движениями барана, стараясь угадать по выцветшему клейму на ухе, кому он принадлежит.

Высоко в горах и вправо за утесами слышались окрики горцев и лай овчарок. Баран с колокольчиком отступил на несколько шагов и повернул голову, прислушиваясь к шуму. Колокольчик зазвенел, несколько овец спустились на плато и подошли к барану. Когда крики послышались с другой стороны, баран пересек плато еще раз, чтобы узнать, что там случилось, потом, позвякивая колокольчиком, вернулся назад и понуро стал возле овец.

Часто перебирая ногами, несколько овец выскочили из густых зарослей дрока, с горы напротив сбежали еще с десяток. Стадо на плато непрерывно пополнялось. Со злобным удовольствием Долан наблюдал, как оно росло. Он громко закричал, призывая исчезнувшего в горах Мули, потом нагнулся и попытался высвободить прижатую камнем ногу.

Никто не откликнулся на его призыв, хотя крестьяне, как видно, уже повернули назад: окрики их и лай собак слышались все ближе. Ярость и злоба охватили «гомбина», но потом он пришел в себя и даже немного развеселился, глядя, как быстро растет стадо овец на плато.

— Не меньше двух тысяч голов,— размышлял Долан.— Две тысячи! Если бы Мулларавог набрал для него несколько сот овец, он и тогда не остался бы в накладе. Теперь же это — целое богатство. По самому скромному подсчету, стадо на плато стоило не меньше десяти тысяч фунтов. Десять тысяч фунтов! Этот Мули и его дружки прикидываются нищими, когда у них в горах разгуливает десять тысяч фунтов стерлингов.

«Гомбин» усмехнулся.

Услышав звяканье колокольчика, он поднял голову. Большой баран подошел к самому входу в теснину, поглядел на него и, позвякивая, ушел назад к стаду. Окрики горцев и лай овчарок слышались теперь со всех сторон. Баран с колокольчиком еще раз подбежал к проходу в скалах и снова ушел, ритмически позвякивая. С заросших вереском склонов спускались новые отары.

Лай раздался совсем рядом, еще пять или шесть овец сбежали со склонов, в задних рядах стада началось сильное движение. Баран неторопливо подошел к входу в теснину и стал напротив Долана. Человек и баран уставились один на другого. Колокольчик звякнул и замолк.

Паки рассмешила было мысль, что у барана с колокольчиком такая же широкая, глупая, неподвижная физиономия, как у Джона Джо Мули, как вдруг баран с внезапностью, рожденной страхом, ринулся в проход. Колокольчик зазвенел.

Когда баран, пробегая, притиснул его к утесу, Долан с хохотом выругался. От внезапного толчка нога, придавленная камнем, заболела. За бараном с колокольчиком в проход вбежала овца, за ней другая, третья, четвертая. Паки больше не смеялся. Напрягая все свои силы, он пытался сдержать напор трепещущих от страха косматых тел и твердых маленьких ножек.

— О боже милосердный, смилуйся над нами! — вскричал Джон Джо Мули, подойдя через полчаса к месту, где оставил Долана.— Боже милосердный, кто знал, что овцы на такое способны!

Выглядывая из-за плеча соседа, озираясь по сторонам, тесня один к другому, горцы столпились на плато напротив прохода в скалах. Они глядели на то место, где недавно стоял «гомбин», и степенно крестились, как видно, глубоко огорченные тем, что произошло.

На каменистой тропе были распластаны окровавленные останки человека; левая нога все еще была прижата камнем; всюду виднелись следы многих тысяч маленьких копыт.

Перевел с английского
А. ИСАКОВ.

ТЕБЕ

Виталий **ВАСИЛЕВСКИЙ**

Рассказ

Рисунок А. Лурье.

Бригадир тракторной бригады Косогорского совхоза Балмашов потерял перочинный ножик.

А ножик был с пятью лезвиями, консервной отмычкой, штопором и даже крохотными ножницами; бока ножика были отделаны перламутром.

Сергей Потапович перерыл весь дом, гаркнул жене: «Провальная яма!..», — заподозрил в похищении старшого, Павла.

С Варей пришлось вечером мириться: сын достойно отверг такой поклеп.

И вдруг Балмашов вспомнил, что намедни открывал ножиком банку болгарских голубцов в балагане — так называли здесь полевой стан.

Видно, там и забыл на нарах.

После обеда Балмашов отправился пешком к балагану: туда всего шесть километров.

Было студено, но ясно: солнце, похожее на подвешенный к потолку медный таз, в котором Варя варила летом варенье, висело низко, золотило нежаркими лучами ковыль да края многоярусной гряды облаков.

Степь была привольной, но пасмурной, скучной, без привычного Балмашову мерного рокота тракторов и комбайнов. Такой сизой, хмурой она и останется до первого снега.

Балмашов шагал, опустив голову, с всегдашним глубокомысленным видом, словно обдумывал что-то необыкновенно важное. А на самом деле он ни о чем особенном не думал — дышал... Сергей Потапович все, за что брался, делал серьезно: в кино, в темноте, сидел, как в президиуме торжественного заседания; обед разогревал, если Варя задержалась на работе, колдуя, будто извлекал «философский камень».

Пожалуй, и на поиски ножа-то Балмашов сейчас пошел не потому, что не мог приобрести в кооперативной лавке новый, такого же фасона, если не лучшего, а потому, что это не дело — терять зазря отцовский подарок.

Балаган — потемневший от дождей и снега дощатый сарай — стоял в ложбинке, у родника, одиноко звеневшего, теперь, до весеннего сева, уже никому не нужного.

Сложенный из камня, обмазанный глиной, очаг чернел грязным пятном, словно брошенная в траву половая тряпка. Низинка была уже залита предзакатной тенью.

Толкнув фанерную дверцу, войдя в балаган, Балмашов увидел, что на нарах кто-то спал.

Спал чужак, приблудный. Сергей Потапович сразу об этом догадался: незнакомец свернулся кренделем, поджав тощий зад, будто боялся, что его в любой миг могут выбросить пинком отсюда.

— Эгей, человек! — начальническим тоном окликнул Балмашов: балаган-то все-таки был его бригады, здесь он чувствовал себя хозяином.

Спящий вскинулся резко, как от толчка, и загорелое, конопатое лицо Сергея Потаповича почернело от досады: перед ним сидел, свесив ноги, охорашиваясь, его старший брат, Осип, Красавчик по прозвищу.

Осип был сызмальства буен во хмелю и уже десятиклассником получил два года за мордобой. Вернувшись из тюрьмы, учиться не захотел, устроился каким-то чудом кладовщиком, но за слишком вольное обхождение с казенным достоянием отправился в приполярные края.

Балмашову он в те годы писал, просил денег, махорки. Сергей Потапович посылки с махоркой отправлял, а деньги приберег, решив со свойственным ему рассудительным

МОЖНО ПОЗАВИДОВАТЬ

упрямством, что в тех местах без денег-то жить безопаснее.

Как-то соседка, добродетельная старая дева, шепнула ему, что Варя послала Осипу сто рублей телеграфом.

Балмашов вздохнул, потемнел лицом, будто обуглился, и обложил соседку такими словами, каких та отродясь не слыхивала.

А жене ничего не сказал.

— Здравствуй, браток! — весело сказал Осип и снял руку с голенища правого сапога, с упрятанной там финки. — А я слышу, словно жеребец отвязался, о четыре копыт траву мнет!..

— По амнистии, что ли? — спросил Балмашов, садясь на нары, но не рядом с Красавчиком.

— Эва, хватил! По договору уже четыре года протрубил, вольнонаемным.

И в самом деле, много воды утекло с тех пор...

Красавчик был по-прежнему сказочно хорош, лих, такой же стройный, витой, как канат из жил и мускулов.

А Балмашов погрузнел, прибавив в весе, и сейчас казался старше Осипа. Сидел он, почему-то согнувшись, зажав коленями кисти рук, уставился в сгнившую половицу.

— Паспорт чистенький, с допуском во все столицы, — хвастался Красавчик. — Погляди-ка!

Сергей Потапович взял, полистал и, сразу овладев собою, усмехнулся.

— Чегой ты года-то себе уменьшил? Богатую невесту ищешь, что ли?

— Во-во! — обрадовался Осип, раскатившись белозубым приятным смешком. — В Нальчике нашел. Черкесская княжна!.. Как ангел небесный, прекрасна, как демон, коварна и зла! — продекламировал он, дергая плечами. — Туда путь держу. Особняк, в саду сорок три яблони и, заметь, нарзанный ключ. Мальчишек с ведрами пошлю на вокзал, к поезду, положим по гривеннику стакан, а барыш-то каков!..

— Тебе можно позавидовать, — заметил Балмашов, вспомнив любимую братом поговорку.

В лице Осипа промелькнуло что-то детское, умоляющее, но молниеносно сменилось злостью.

А Сергей Потапович поддал жару:

— Путь что-то выбрал не прямой!

— К тебе, браток, хотел заглянуть, — с издевательской кротостью поведал Осип. — В областной газетке прочел о твоих трудовых подвигах. Портретиком залюбовался!.. Вот родная кровь-то, балмашовская, и заиграла! Да с шоссе топал пешаком, притомился, решил здесь поспать. Думаю, помоюсь, почищусь, — он выразительно вытянул грязные сапожищи, — и к ужину заявлюсь. Приду с визитом в полном ажуре!

Балмашов навострил уши, засопел.

Обычно Красавчик выкладывал правду, самую святую, с таким видом, что она выглядела бесстыжим враньем. Но шоссе действительно пролегало к югу от балагана, здесь была торная тропа, какой возвращались в совхоз местные жители. И очерк о бригаде Балмашова с портретом был напечатан в газете, точно, на этой неделе.

— Ну нельзя же! — заливался Красавчик, плутовски подмигнув. — Знатный механизатор! Гордость целины! Новатор! Тебе можно позавидовать! — добавил он бесстрастно, как бы желая именно этим спокойствием показать, что поговорка вырвалась случайно. — Способен ли я был проехать мимо? Посуди! Так и вылетел турманом из международного вагона: на плацкарте полсотни потерял.

— Что ж, пойдем, — предложил не шибко радушно Балмашов, вставая. — Чем бог послал...

Он всегда как-то терялся перед братом: в детстве — восхищаясь удалью, в юности — еще не смея дать отпор наглости Красавчика.

— А вот это еще неизвестно, неизвестно! — завертелся Осип, как стружка, брошенная в костер. — Удостоился лицезреть героя целины и предполагаю — хватит! Смиренно удаляюсь... Как бы анкетного дела тебе не подпортить, браток! Поди, в Кремль пригласят на слет либо на совещание, а тут кто-то капнет: брат-то эвон где был. Дважды!

— Твоя ли печаль? — вспылил Балмашов.— Забыл, какой год на дворе?

— И опять же, светлая личность, чем потчевать станешь? — не унимался Красавчик. — Пирогами или проповедью? Помню, нема-ало крови ты мне перепортил своими наставлениями. Все на путь истины вернуться уговаривал... Учиться заставлял! Так сказать, прильнуть к роднику науки!

И внезапно Балмашов обрел утраченную было уверенность, выпрямился под потолок, развернул плечи, загромоздив весь дверной проем, и посмотрел на брата с недосягаемой высоты.

— Вечор ты у моего окна топтался? То-то, гляжу, в грязи обгорелые спички, окурки.

От волнения Красавчик косил. И теперь зрачки его заметались, сбились вкось, выкатились белки, похожие на голубиные яйца.

— Оставьте ваши инсинуации! — неуверенно вскричал он. — Нужда была!..

Но Балмашов на этот раз не ошибся.

И впрямь вчера в сумерках Осип спрыгнул с попутного грузовика и пошел степью к совхозному поселку, злорадно представляя, как оробеют, смутятся негаданной встречей Варя и брат.

От шофера он узнал, что бригадир живет в крайней избе.

Прильнув к окну, он увидел, что Балмашовы ужинали. Ведерный чугун стоял на краю стола. Варя высыпала картошку прямо на чисто скобленные доски, тут же горкой насыпала соли. Сергей Потапович, лобастые мальчики— пожалуй, лет восьми и лет шести — с белыми, словно сметаной смазанными волосами, Варя лупили картошку, макали ее в соль, в блюдечко с конопляным маслом.

Аккуратной стопкой лежали длинные ломти ржаного хлеба,— ах, даже сквозь раму почуял Осип парной, пьянящий аромат домашнего каравая, и так заколотилось его волчье сердце!

Он вспомнил, как, обнимая, Варя картаво шептала: «Крла-са-а-авчик!..» — и застонал, отрывисто прорыдал: «Ха!»

Да, жизнь прошла. Тут ничего не поделаешь — прошла!

Сергей Потапович, почувствовав что-то недоброе за окном, обернулся с тревогой, и Красавчик убежал в ночь, к балагану.

Но и сейчас он не захотел сдаваться, куражился, развалясь на нарах, пятная грязным каблуком полу своего расстегнутого новешенького дорогого драпа пальто.

— Я конь необъезженный! Вольный ветрище! Хочу — в Нальчик, к княжне, хочу — на Чукотку! А ты чего в жизни видел, святоша? В воловьем ярме ходил, землю глазищами рыл!

«Ишь, небожитель!» — подумал Балмашов, но, сжав челюсти, не улыбнулся, как его подмывало.

— Что ж не зашел? Покормили бы. Денег бы дали! — нараспев упрекнул он.

— Не нуждаюсь! — взвизгнул Красавчик. — Вон сколько! Не ворованные — получка. Сумма прописью, год, число...

Теперь Балмашов ему поверил без колебаний.

Красавчик вывалил из брючного кармана пачку свеженьких, скользких, хрустящих, расползающихся по нарам ассигнаций.

— Порога не перешагну! — бушевал он. — Сейчас же, незамедлительно на шоссе, шоферу — четвертную в зубы, и на поезд! Не поминай лихом, браток! Спасибо за гостеприимство!

— Ну, прощевай, если так, — сказал Сергей Потапович. — Нам не пиши! — добавил он с порога.

Этих кощунственных слов он не прощал себе долго: кровь-то балмашовская...

И, вероятно, поэтому он, отойдя, оглянулся. Красавчик стоял в дверях балагана, приложив ладонь козырьком ко лбу.

— Варя-то меня забыла? — слабым голосом спросил он.

— Пожалуй, забыла, — отрезал, даже не тратя времени на размышления, Сергей Потапович.

Смеркалось, и он сбился с тропки, тотчас на сапоги навернулись ломти липкой вспаханной земли, и Балмашов взмок до ноздрей, устал, и это помогло ему ни о чем не думать.

Холодный, разгулявшийся к ночи ветер трепал сухой, скелетообразный куст репейника неподалеку.

В лицо Балмашову летели с меж легкие, как зола, травинки.

Небосвод раскололся ветвистой трещиной, бледно-зеленой от сияния восходящей луны, да на горизонте горел ясный призывный свет в окне балмашовской, крайней в порядке избы, суля изнемогшему путнику успокоение.

Уходя утром на работу в ремонтную мастерскую, Балмашов заметил в столбе калитки, у самого кольца щеколды, свой ножик с перламутровой отделкой.

Нож был вбит в древесину таким бешеным ударом, что как Сергей Потапович ни старался, вытаскивая, а сломал острие лезвия.

1961-й год в журналах

«Знамя»

Журнал «Знамя» — один из старейших советских литературно - художественных журналов. Однако накопленный годами опыт, традиции требуют постоянного обновления. Каким бы солидным ни был журнал по возрасту, редакция его не может успокаиваться на достигнутом. И в самом деле, каждый новый год в жизни журнала «Знамя» богаче, ярче, лучше предыдущего.

В этом году в «Знамени» наряду с крупными произведениями прозы опубликованы произведения малых форм — короткие рассказы, зарисовки советского быта, произведения юмористического жанра, воспоминания и документы.

— Как и в предыдущие годы, главной в нашей работе остается тема современности,— сказал в беседе главный редактор журнала «Знамя» В. Кожевников.— Проблемы современности, жизнь советского общества привлекают нас прежде всего. Именно эта тема будет находить на страницах журнала в 1961 году самое всестороннее освещение в разделах прозы и поэзии, критики и публицистики.

Нет возможности перечислить здесь все произведения прозы, которые мы ждем от наших авторов. Назову только некоторые из них. Д. Гранин заканчивает роман «Иду на грозу», посвященный судьбам советской интеллигенции. Б. Полевой работает над романом о Сибири. Новые романы пишут для нас К. Симонов, В. Кочетов, М. Тевелев, Н. Ильина.

О людях наших дней расскажут в своих повестях «Канал» Ю. Трифонов, «Завтрашние заботы» В. Конецкий. А. Рекемчук, выступивший у нас в прошлом году с повестью «Время летних отпусков», закончил повесть «Молодо-зелено».

Завершает почти пятнадцатилетнюю работу над романом об Отечественной войне В. Гроссман. В его произведении «Жизнь и судьба» читатель вновь встретится с героями книги «За правое дело».

С циклом рассказов о наших современниках выступит Г. Николаева.

Мы надеемся, что в будущем году читатель найдет на страницах «Знамени» новые произведения Г. Бакланова, Е. Дороша, М. Дудина, Ю. Нагибина, П. Нилина, Г. Радова, П. Сажина, В. Солоухина, В. Смирнова, Н. Чуковского, Б. Ямпольского.

Планы наши довольно обширны.

В эти планы входит и более глубокое, чем в предыдущие годы, изучение запросов и пожеланий наших читателей.

«Октябрь»

— После кончины Федора Ивановича Панферова, который редактировал «Октябрь» почти тридцать лет, редколлегия полна решимости продолжить линию журнала, которую проводил Ф. Панферов, развивать дальше наши традиции, — так начал свою беседу исполняющий обязанности главного редактора журнала «Октябрь» Лев Романович Шейнин, к которому мы обратились с вопросом о планах редакции. — К этим традициям прежде всего относится следующее.

Первое. Курс на консолидацию всех писательских сил на принципиальной основе. Как известно, «Октябрь» последние годы не без успеха проводил именно такую линию.

Второе. Всемерная поддержка литературной смены, талантливых молодых прозаиков, поэтов и критиков. Работе с ними Ф. Панферов уделял огромное внимание.

Третье. Постановка в журнале — в жанрах прозы, поэзии, критики и публицистики —наиболее актуальных проблем современности, важнейших задач, стоящих перед народом в области коммунистического воспитания, промышленности и сельского хозяйства.

Журнал сохранит раздел «Трибуна жизни», в котором выступят виднейшие ученые, философы, новаторы производства, партийные работники.

Учитывая большой интерес читателей к внешнеполитической жизни, мы собираемся в будущем году регулярно публиковать международные обзоры лучших наших публицистов.

В десятом номере «Октября» за нынешний год редакция напечатала повесть К. Паустовского «Бросок на юг», а в 1961 году журнал познакомит читателя со второй частью «Золотой розы» — книги Паустовского о писательском мастерстве. Кроме нее, в будущем году в журнале появятся новые романы и повести Александра Андреева, Семена Бабаевского, Юрия Бондарева, Виталия Закруткина, Антонины Коптяевой, Аркадия Первенцева, Сергея Сартакова, Тихона Семушкина. Их произведения уже находятся в портфеле редакции.

Начатые летом текущего года по инициативе нашего журнала поездки писателей в районы Сибири и Дальнего Востока дадут свою жатву в виде новых очерков, рассказов, повестей, которые появятся у нас в разделе «Живая Сибирь». Редакция уже получила первые материалы задуманной серии.

Журнал продолжит публикование интересных драматургических произведений. Таковы вкратце наши редакционные планы.

«Подъем»

Кольцовская улица... Площадь Никитина... Память об этих чудесных поэтах жива в Воронеже не только в названиях улиц и площадей. Большая литературная традиция, идущая от Кольцова, Никитина, Эртеля, Недетовского, активно влияет на культурную жизнь города.

С 1957 года в Воронеже выходит толстый литературно-художественный и общественно-политический журнал «Подъем».

Мы обратились к главному редактору журнала Федору Сергеевичу Волохову с просьбой рассказать о значительных произведениях, опубликованных в «Подъеме».

— Большой интерес,— говорит Ф. Волохов,— вызвали некоторые романы и повести, напечатанные в нашем журнале. Среди них — повесть Алексея Шубина «Непоседы», которая сейчас выходит в «Роман-газете», первая часть романа Гавриила Троепольского «Чернозем», повесть-быль Ольги Кретовой «Хозяйка своей судьбы». Недавно закончена публикация нового романа Константина Локоткова «Желанное». Его герои — рабочие и инженеры, люди трудной судьбы и горячего сердца. Николай Задонский выступил в журнале с очерками «По старой дороге», в которых рассказывает о прошлом и настоящем многих селений и городов нашего края. Нужно упомянуть здесь еще об одном произведении, которое в конце нынешнего года получат читатели,—повести Владимира Кораблинова «Житие преосвященного Смарагда».

— Каковы планы редакции на будущий год?

— После того, как в «Подъеме» была опубликована первая часть романа Г. Троепольского «Чернозем», мы получили много писем от читателей, спрашивавших о дальнейшей судьбе его героев. Сейчас в портфеле редакции имеется вторая часть «Чернозема» — большого, многопланового произведения о русской деревне.

В будущем году, как и прежде, главной темой журнала остается тема современности. В журнале появятся роман Ивана Матюшина «Не знавшие гроз» — о сельской молодежи наших дней, рассказы М. Сергеенко, Ю. Гончарова, Н. Коноплина. Антирелигиозную «Повесть о чуде» готовит для «Подъема» Николай Алёхин. Обещали свои произведения писатели Курска, Тамбова, Орла: ведь «Подъем» объединяет литературные силы всей центрально-черноземной полосы. Но мы печатаем не только «своих», местных писателей.

Двери редакции широко открыты и для вас, товарищи москвичи, и для вас, ленинградцы, для всех писателей нашей страны!

В отделе поэзии с новыми стихами выступят Н. Корнеев, В. Гордейчев, Е. Полянский, Н. Якушев, Г. Воловик, А. Жигулин.

Несколько слов об отделе критики и библиографии. Политика партии в литературе, эстетика социалистического реализма, связь литературы с жизнью— вот важнейшие вопросы, которые мы хотим осветить на страницах «Подъема». Редакция намерена напечатать также серию статей о современной литературе братских социалистических стран.

«Театр»

— Прежде всего,— сказал главный редактор журнала «Театр» В. Ф. Пименов,— я хотел бы возразить против одного устойчивого мнения о нашем журнале «Театр», как журнале специальном, узкопрофессиональном, цеховом. Это не так.

Наш журнал пишет о театральном искусстве и о спектаклях, об актерах и режиссерах — о тех, чье искусство привлекает в театральные залы многочисленных зрителей. К ним, зрителям, в первую очередь и адресуется наш журнал. Статьи, рецензии, хроника, фотографии —все это рассчитано на то, чтобы дать читателю более полное представление о процессах театральной жизни, о спектакле, о замысле режиссера и игре артиста.

Правда, в нашем журнале печатаются и статьи, затрагивающие специфически театральные проблемы. Однако мы считаем, что узнать внутренние проблемы развития театра, его организационные «тайны» не менее интересно для человека, любящего театр, чем прочесть статью о популярном актере.

Мы регулярно, из месяца в месяц, печатаем и будем печатать новые пьесы советских и зарубежных драматургов. Нам обещали свои новые пьесы В. Розов, А. Арбузов, А. Штейн, В. Минко, А. Салынский, Н. Погодин, Ю. Чепурин и другие.

Недавно на страницах нашего журнала закончилась большая дискуссия о проблемах современной режиссуры. Судя по откликам и письмам читателей (некоторые из них мы опубликовали), она затронула не только профессионалов, но и рядовых зрителей.

В 1961 году мы хотим провести еще один открытый творческий спор. На этот раз предметом обсуждения и материалом дружеской полемики будет служить сегодняшнее актерское искусство. Высказать свои раздумья по этому вопросу мы пригласили многих известных мастеров и критиков.

В наступающем году редакция намерена продолжать публикации мемуарных материалов. После напечатанных в этом году «Воспоминаний и размышлений» крупнейшего советского режиссера А. Попова мы предполагаем ознакомить читателей с воспоминаниями Александры Александровны Яблочкиной, М. Жарова, Н. Смирнова-Сокольского, с главами из книги Ильи Эренбурга, посвященными творчеству Вс. Мейерхольда и А. Таирова.

В последние годы возникло множество народных театров. Многие из них успешно и плодотворно работают.

Однако развитие народных театров идет такими стремительными темпами, что ограничиваться случайными материалами уже невозможно. И уже теперь мы ввели специальный раздел «Народные театры».

Есть в нашем журнале и раздел зарубежного театра. Здесь читатель найдет обильную хронику о новостях театральной жизни в странах народной демократии и капиталистических странах.

«Сибирские огни»

Это старейший советский литературно - художественный и общественно-политический журнал. В нем наиболее полно и глубоко освещается сегодняшняя жизнь Сибири. И познакомиться с планами редакции «Сибирских огней», конечно, интересно. Заместитель главного редактора журнала А. С. Иванов сообщил нам, что в будущем году в «Сибирских огнях» появятся романы: «Любовь» Сергея Сартакова, «Корни и листья» Алексея Черкасова, вторая книга «Битвы за океан» Николая Задорнова. Франц Таурин работает сейчас над большим повествованием «Гремящий порог» — о строителях Братской гидроэлектростанции. Красноярский писатель Николай Волков заканчивает для журнала книгу о бригаде коммунистического труда на стройке Красноярской ГЭС. В «Сибирских огнях» будет опубликована повесть Марка Юдалевича «За все на земле...», роман Михаила Тихомирова «Генерал Лукач», приключенческая повесть Владимира Добровольского «Угловая комната».

Журнал успешно осваивает космическую тему. Александр Казанцев передал «Сибирским огням» научно-фантастический сценарий «Завещание звездных пришельцев (Гость из Космоса)». Читатели с нетерпением ждут вторую книгу документальной повести Александра Ероховца «Тунгусское диво (Метеорит или звездный корабль)». Автор участвовал в самодеятельной экспедиции энтузиастов в район падения Тунгусского метеорита.

В стихах, очерках, критических статьях журнал расскажет о героических делах наших современников, об истории, науке и культуре Сибири.

В. Лойк. ПАРУСНЫЙ ЦЕХ. Эстонская ССР.

А. Жмуйдзинавичюс.
ПЕСОК И НЕБО.

Литовская ССР.

Р. Корстник.
НА МОРЕ.

Эстонская ССР.

ДУМАЯ О ПОТОМКАХ

Вторая жизнь леса

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Б. Покровского.

Жили на земле два человека.

Один каждое утро перекидывал через плечо пилу и уходил в лес. Он вступал в единоборство с природой, и лес, покоряясь ему, ложился у его ног. Срубленные им деревья давали людям тепло. Из них строили дома и корабли. На бумаге, сделанной из древесины, печатались научные труды и романы. Из леса получали множество необходимых вещей.

Когда он валил деревья, то думал о людях. О той пользе, что приносит им своим трудом. И люди благодарили его.

Другой никогда не брал в руки пилу. Он рыхлил землю и старательно засеивал ее. И там, где падало семечко, через сто лет вырастало могучее стройное дерево.

Сажая деревья, он думал о людях. О той пользе, что приносит им своей работой. И люди благодарили его.

Но оба эти человека недолюбливали друг друга. Каждый добросовестно делал свое дело, и каждому казалось, что дело, которое делает он, важнее и благороднее.

Так шли века.

Но лишь недавно они примирились. Это случилось в Поназыреве, небольшом поселке на востоке Костромской области.

* * *

Интервью, которое я получила от знатного лесоруба Поназыревского леспромхоза Геннадия Владимировича Денисова, было самым коротким в моей журналистской практике.

— Решили всей бригадой и сделали всей бригадой. Вот и весь сказ!

И хотя Денисов при этом мягко улыбнулся, я поняла, что спрашивать его дальше бесполезно. Я хотела узнать у него о многих очень важных вещах. Но ничего не спросила. Просто на другой день я встала вместе со всем поселком в половине шестого утра, надела телогрейку и резиновые сапоги и поехала с рабочими в лес на место работы бригады Денисова. В вагончике лесорубы читали газеты, передавали один другому книги и журналы, играли в домино. А за окнами по колено в опавшей листве стояли озябшие деревья. И еще зеленая трава была уже густо посолена ранним морозцем.

Ответ на мои вопросы дал не Денисов. Он был по-прежнему несловоохотлив. О большом, благородном деле, начавшемся в Поназыревском леспромхозе, мне рассказали маленькие елочки, которые как ни в чем не бывало стояли у свежесрубленных пней, сумки для сбора шишек на поясе сучкорезов и приезжие лесохозяйственники, лесоэксплуатационники из Новгорода, Ярославля, Сыктывкара. Они ходили по лесу и ко всему, что делалось в бригаде Денисова, приглядывались иногда придирчивым, иногда довольным хозяйским глазом.

* * *

Испокон веков день рубки считался последним днем леса. Так думали все. Так думал и Геннадий Владимирович Денисов.

Уже давно прошло время, когда он восемнадцатилетним пареньком, не умея держать в руках пилу, пришел в лес. Теперь он стал опытным рабочим, бригадиром. Ребята из его бригады освоили по нескольку специальностей и почти все могли подменять друг друга: валить деревья и водить трактор. «Один за всех, все за одного»,— говорили лесорубы. И деньги, заработанные бригадой, всегда делили поровну, независимо от того, какой работой занимался каждый из них. Нормы они перевыполняли почти вдвое. У бригады всегда было переходящее красное знамя, и на всех собраниях бригаду Денисова называли в числе лучших. Лишь один человек не восхищался их работой. Лишь один человек постоянно ворчал на лесорубов. Это был старший лесничий Иван Иванович Кобешев.

Маленький, в неказистой черной

«Срубил дерево — вырасти два!»— этот замечательный лозунг выдвинул бригадир комплексной бригады коммунистического труда Геннадий Денисов.

Здесь трудятся шромовцы, а урожай отправляют в Геническ.

Бреемся бесплатно...

И. МЕСХИ

Фото О. Кнорринга.

Если в руки вам попадется роман, который покажется любопытным, разве вы не заинтересуетесь автором? «Мегобробу» — книгу о том, как дружба помогла колхозным людям хорошо наладить свое хозяйство,— написал сам председатель колхоза Михако Орагвелидзе. Мы спросили Михако:

— Это все? Ведь роман обрывается на Отечественной войне...

— Ну нет,— ответил он,— это трилогия. Вторую часть я уже написал. Сдаю рукопись в издательство. Она о военном времени.

— Значит, в третьей, надо полагать, те же герои будут действовать в современных условиях?

...У крыльца стоит «Волга». За рулем сам Михако, и мы пускаемся в путешествие по селу Шрома, которое можно было бы назвать путешествием в еще не написанную книгу.

Путешествие мы начали с колхозного Музея дружбы. Там хранится пожелтевшая за двадцать с лишним лет фотография: шромовцы со своими украинскими гостями из Генического района, Херсонской области. Тут же телеграмма Секретарю ЦК КП(б) Украины товарищу Н. С. Хрущеву о том, как в дни подготовки к выборам в Верховный Совет шромовцы и геничевцы из колхоза имени Сталина решили затеять дружеское соревнование между собой.

Однако это история. А теперь?

...Плантации. Участок Героя Социалистического Труда Татьяны Чхаидзе. Подходит женщина, высокая, статная. Никто в Шрома — не только в Шрома, в целом мире — не собирает чайного листа больше, чем Татьяна: с гектара шестнадцать с половиной тонн. Это мировой рекорд. Может быть, у нее руки работают быстрее, чем у других? Нет, руки самые обыкновенные. Необыкновенные чайные кусты, очень урожайные. Татьяна сама их сделала такими, следуя советам науки. И в Шрома с Татьяны берут пример. И участники декабрьского Пленума ЦК КПСС аплодировали ей. Она вернулась из Москвы с медалью «За трудовую доблесть».

шинельке, появлялся он на пасеке, и сразу же настроение в бригаде портилось. Рабочие опускали глаза. Денисов нажимал сильнее на бензопилу, она смело вгрызалась в мякоть ствола, и мощное дерево, чуть качнув вершиной, падало на землю. Но, покоряясь воле человека, оно мстило ему за свою смерть. Падая, оно будто нарочно ломало, подминало под себя и корежило все — маленькие деревца и даже почву. Иван Иванович сокрушенно вздыхал над сломанными елочками.

«Большое дерево отжило свое, его надо рубить, оно пойдет в дело. А эти за что без пользы гибнут?» — спрашивал лесничий.

Рабочие не отвечали. Что они, нарочно, что ли, ломают деревья? Так делают все. Их дело валить лес. И ничего тут не изменишь. Но в души заползало беспокойство, и уже не так радовали их похвалы, денежные премии.

Грустно было лесорубам покидать отработанную пасеку. На ней оставалась лишь перевернутая, израненная гусеницами трактора черная земля, засыпанные опилками пни, клочья веток и сучьев, обломанные вершины деревьев. Все деревья и сучья с пасеки было убрать трудно. Как правило, на каждом срубленном гектаре оставалось столько древесины, что хватило бы на постройку двухтрех изб. Даже если и оставались на пасеке живые ростки новых деревьев, им не суждено было увидеть света. Они задыхались под плотной подушкой сучьев. А весной, чтобы не было в лесу пожаров, сучья поджигали. Огонь начисто вылизывал землю, и в лесу оставались теперь лишь обгоревшие пни.

Когда Иван Иванович видел эту в общем-то привычную картину, в глазах его появлялся молчаливый упрек. Тогда даже видавшим виды рабочим хотелось скрыться от его взгляда, как от допроса. Их тоже не радовало, что через несколько лет вместо строевого стройного леса на вырубке поднимется малоценный молодой осинник. А что они могли сделать? Даже лесоводы писали научные труды о неизменной смене пород.

— И все-таки это Иван Иванович свел нас с ума,— сказал мне както Денисов.— Мы в бригаде много говорили о лесе, но как помочь ему, не знали. Однажды Иван Иванович обронил в разговоре: «Лесто ведь можно не только рубить, но и сажать».

— Другому бы ничего, забыл, и все,— говорил мне потом Иван Иванович,— а этот смирный мужик запомнил, с бригадой посоветовался и через неделю пошел сажать лес. Посадили они ни много, ни мало двадцать гектаров. И лозунг выдвинули: «Срубил дерево — вырасти два». Конечно, они тогда и сами не знали, что начали благородное дело, которое поддержит вся страна...

В леспромхозе я спросила: как оплачивается посадка леса? Оказывается, много ниже, чем порубка. И все-таки лесорубы, взрослые люди, имеющие семьи, пошли на это. Недаром бригада Денисова называется бригадой коммунистического труда.

Бригада поделилась пополам: три человека рубили лес, три — его сеялч. И хотя норма выработки порядком упала, настроение у всех было приподнятое, радостное.

— На душе у нас тогда полегчало,— задумчиво сказал мне один из рабочих.

Сеять лес — это, конечно, очень хорошо. Но на это нужны деньги, нужно время. Посеешь семечко, и только через десять — пятнадцать лет над землей поднимается крохотная елочка. А сколько таких уже выросших деревьев ломается при валке леса?

* * *

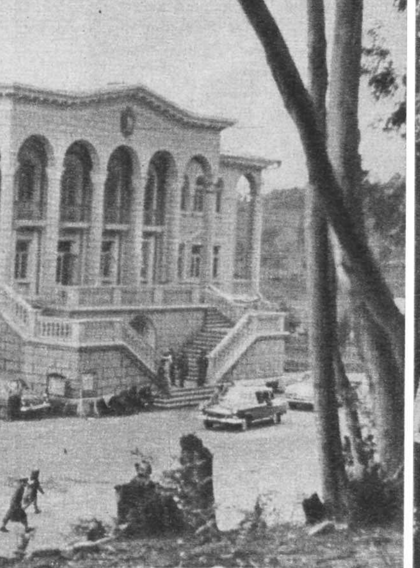
Выход оказался почти неправдоподобно простым. Впрочем, так хорошо рассуждать теперь, когда передо мной уже лежал маленький чертежик и Александр Павлович Пшеничный, объясняя суть дела, заканчивал набрасывать на листке из записной книжки формулы расчета. А может быть, это не казалось, а действительно было очень простым, как часто бывает с большими открытиями. Да, инженерам комбината «Костромалес» С. Н. Сажину, А П. Пшеничному, А. А. Карамышеву, М. А. Груздеву и Н. А. Крыневу удалось решить задачу, над которой билось не одно поколение лесохозяйственников,— сохранить во время рубки подрост. И, что самое удивительное, сделали это не те, кто призван восстанавливать лес, а те, кто его рубит.

В то время, как бригада Денисова по семечку сеяла лес, инженеры комбината делали чертежи и расчеты, чтобы сохранить жизнь маленькой елочке. Но как это сделать? Ведь не подхватывать же падающие деревья вертолетами и по воздуху увозить их с пасеки!

Два года разрабатывался новый метод рубки леса.

Территория леса, предназначенная для рубки, делится на две пасеки. Между ними прорубается волок — дорога для трактора — шириной в пять-шесть метров. Под углом к ней примерно в 45 градусов валится дерево. Лесорубы называют его склизовым, или подкладочным. А уже на него валится стоящий рядом лес, да так ловко, что вершинки деревьев кучно ложатся на волок, а стволы, попадая на подкладочное дерево, не касаются земли и приподнимаются вверх. Потом рабочие легко цепляют деревья за приподнятые комли. Они скользят по подкладочному дереву, и трактор легко собирает их на волок и увозит на склад. Потом опять валится склизовое дерево, и все начинается сызнова.

Так люди обуздали гнев умирающих деревьев. Спелый лес рубится, идет на пользу делу, а на пасеке остаются живые деревца, нетронутая грибница, зеленая, не израненная гусеницами трактора земля. И только свежие пни говорят о том, что тут были лесорубы. Словом, остается картина, которая людей, знакомых с вырубкой леса, поражает своей необычностью и новизной. Теперь, пожалуй, не



У колхозного правления.

Настал обеденный перерыв.

У входа в новый дом Самисько.

Но шромовцы знамениты ныне не только чайными плантациями. Сравнительно недавно средний надой от местной коровы был двести шестьдесят литров в год. А сейчас на ферме — ее назвали «фермой дружбы» — получают по две тысячи восемьсот литров от каждой коровы... Коровы-то красностепные, херсонские, «подарочные»!..

На подарок отвечают подарком... Однажды более двух тысяч саженцев яблонь и груш появилось в колхозе имени Сталина, Генического района. Теперь это уже сады цветущие, плодоносные. Еще лучше получилось с виноградной лозой. Она с успехом пропутешествовала из Шрома в Геническ. И здесь прижилась. В колхозной винодельне приготовили из нее вино и прислали друзьям две бочки к новому, 1960 году.

...Вот пригласительный билет — «Запрошування на одружання». Нюра и Алексей Самисько зовут земляков на свадьбу: сын Анатолий женится на Маргарите Кванчантирадзе.

Пригласительные билеты, выполненные типографским способом на двух языках — грузинском и украинском,— распространялись по Шрома, полетели к берегам Азовского моря. И были гости. И состоялась веселая свадьба.

Много, очень много свадеб справляют нынче в Шрома. В год не менее восьмидесяти. Гостей не уместишь в одном доме. Правление решило построить для этих целей специальный дом. И проект уже готов. Молодежь хочет назвать этот дом Домом Счастья.

Нюра и Алексей Самисько принадлежат к числу тех украинцев, которые, попав в Шрома, уже не захотели покидать его. Здесь родились дети — Анатолий и Тамара,— здесь они учились в грузинской школе, нашли спутников своей жизни. За это время семья Самисько трижды отстраивалась. Начали жизнь в маленькой, черной хатенке, потом соорудили себе белую хату, а недавно построили двухэтажный каменный дом со сторожевыми пальмами у входа.

Мы сидим в доме колхозного пасечника Самисько и занимаемся удивительными арифметическими подсчетами.

— Примерно полторы тысячи в год уходило бы на электричество. Теперь долой из бюджета! Мельница тоже стала бесплатной. В неделю раза два сходишь в кино. И эта статья расходов исключается: кино в нашем колхозе бесплатное. Учтите и бесплатную парикмахерскую. В доме три бороды — обходились примерно в полтысячи за год. Прибавьте бесплатный телефон (в Шрома своя АТС) и радио. За чертой — более четырех тысяч. Если принять за самый минимальный доход в семье тридцать тысяч в год, то выходит, после всех этих нововведений семейные расходы сокращаются примерно на четырнадцать процентов.

Забыли супруги Самисько при подсчетах вот еще что учесть: с прошлого года правление колхоза открыло на плантациях четыре бесплатные столовые с горячей пищей для чаесборщиц.

Что же такое затеяли в Шрома? Очень просто. Сколько электроэнергии потребляют жители села? На сто пятьдесят тысяч рублей в год. Уплатим сразу из колхозного бюджета. Кинопрокату — двадцать пять тысяч и т. д. В общем, получается около полумиллиона в год — три процента всего дохода. Трудодни это не затрагивает? Нисколько. Деньги берутся из других статей, в основном из культфонда. Деньги те же самые, трудовые, колхозные, а распределение новое. Что оно дает? Воздействует на психологию крестьянина, превращает его в еще большего коллективиста. Мельница — наша! Кино — наше! Электричество — наше!

Мы не знаем, как это все будет выглядеть в третьей книге председателя колхоза. К этому времени, очевидно, построят и Дом Счастья, и школьный интернат, и колхозный дом отдыха в Уреки на берегу моря. Наверняка еще чтонибудь придумают светлые головы шромовцев!

только наши дети, но и мы сами сможем увидеть на месте вырубок не лиственные, а хвойные леса. Ведь при новом методе валки подрост сохраняется на семьдесят процентов, а срок восстановления леса сокращается на пятнадцать — двадцать лет!

Конечно, вальщику при новой технологии иной раз приходится крепко подумать, прежде чем валить дерево, но зато цеплять торчащие над землей комли гораздо ловчее. На пасеках не остается ломаных сучьев, как бывало раньше. Уборка леса идет и чище и скорее.

Новая технология была разослана во все леспромхозы. И первый, кто заинтересовался ею, кто дал этому открытию жизнь, был Геннадий Денисов. Так мысли простого лесоруба, мысли лесничего и мысли инженеров-эксплуатационников слились воедино.

— Написать, оно, конечно, все можно, в теории-то гладко получается, но я не поверю, пока не увижу своими глазами, как это получится на практике,— говорил мне вальщик Николай Стогов, приехавший сюда из-под Новгорода посмотреть, как работает Денисов.

А на практике получалось не все гладко. Технология, разработанная инженерами комбината, требовала не только изменения метода работы. Она требовала перемены психологии людей. Без перемены в мыслях рабочих ее нельзя было применять, а сдвиги проходили медленно, трудно. Но неуклонно!

Внедрять новую технологию приехал в Поназырево один из ее авторов, инженер А. П. Пшеничный.

Разделили пасеку, прорубили волок, положили подкладочное дерево, а на него навалили штук двенадцать толстых деревьев. Все шло, как надо. Но подкладочное дерево, как на грех, оказалось елкой, ветвистой, сухой. Как только потянули, треск пошел на весь лес. Тракторист выскочил из кабины и кричит:

— Кончай работать новую технологию! Давай как раньше!

Подошел к нему инженер. Объясняет, зачем по-новому работать надо.

— Враки! — кричит тракторист и показывает на деревья.— Разве такая махина пройдет и не заденет подроста? Дерево не сохранишь! Только людей мучаешь.

— Давай пари! — спокойно сказал Пшеничный, а сердце у самого так бьется, что вот-вот выскочит.

Тракторист засмеялся, присел у склизового дерева. Показывает лесорубам:

— Видите, подрост. Так сейчас его не будет! — И на трактор. Включил мотор, чувствуется, рвет трактор зверем. Только вытащил деревья на волок, все, обгоняя друг друга, бросились к пасеке. Пшеничный не успел подбежать, как услышал счастливый, торжествующий смех рабочих. Елочки стояли как ни в чем не бывало! Больше ни тракторист, ни инженер не сказали ни слова. Ничего не сказали и лесорубы. И хотя их товарищ проиграл пари, каждый из них тайно радовался этому. Они стояли деликатные, понимающие, и лишь в глубине их глаз таилось улыбчивое тепло. Деревья увезли. Вальщик опять взялся за пилу. Казалось, в бригаде ничего не случилось, но вместе с тем случилось очень многое.

...Слава нового метода, слава Геннадия Денисова разнеслась по стране. Главное управление лесного хозяйства при Совете Министров РСФСР назначило в Поназыревском леспромхозе выездную коллегию. Коллегия происходила прямо в лесу. Как живая иллюстрация, стояли две вырубленные пасеки— по старой и по новой технологии.

Много добрых и красивых слов услышали костромичи от приезжих ученых, лесничих, инженеров, но совершенно неожиданно и обидно для них прозвучал вдруг вопрос одного из лесохозяйственников:

— Подрост вы сохранили, это хорошо. А скажите, что вы дальше с ним делать будете? Ведь вы зря старались: подрост-то все равно погибнет, солнце его сожжет...

Все замерли. Денисов опустил пилу — он в это время работал — и удивленно взглянул на говорившего. Даже он, простой лесоруб, знал, что осина и береза растут гораздо быстрее, чем хвойные породы деревьев. Уже весной на вырубленной пасеке все зазеленеет, и тонкие осинки, как шубой, прикроют молоденькие елочки, защитят их от солнца. А потом, когда елочки и сосенки окрепнут, надо будет пройтись по пасеке, порубить осинник, открыть солнце хвойному лесу. А может, и рубить не надо, а, скажем, применить химикаты (старший лесничий Иван Иванович хорошо это знает) — и осинки сами засохнут.

Тут не выдержал главный инженер комбината «Костромалес» Степан Никитич Сажин. Встал на пенек и говорит:

— Что же это получается, товарищи? Мы, лесозаготовители, сохранили подрост, а вы, лесохозяйственники, спрашиваете у нас, что с ним дальше будет? А дальше будем его сохранять, как положено по науке. И если вы, лесохозяйственники, не сможете этого сделать, сделаем это мы сами. Лес надо во что бы то ни стало сохранить!

...Этим мне и хочется закончить быль о костромских лесорубах. О лесорубах ли только? Ведь, пожалуй, слово это скоро потеряет свой первоначальный смысл. И тогда не одна пила, но и сумка сеятеля станет привычным символом человека, входящего в лес...

Начальник производственного отдела комбината «Костромалес» А. А. Карамышев, начальник технического отдела А. П. Пшеничный и главный инженер комбината С. Н. Сажин обсуждают внедрение новой технологии.

1

2

3

ГЛАЗА

Лев ЯШИН,
заслуженный мастер спорта

Фото А. БОЧИНИНА.

Вратарь выступает в команде под номером первым. Когда нападающие, прорвав оборону, устремляются к воротам, этот первый становится последней надеждой команды.

«Сухих» вратарей, которые за все время своей спортивной биографии не пропустили бы ни одного мяча, не было и никогда не будет. Так что каждый, кто однажды решил играть в воротах, заранее должен знать, что пропущенные голы неизбежны. Необходимо как бы сделать себе «прививку» против чрезмерных болезненных переживаний по поводу этих голов, ибо если вратарь станет убиваться и рыдать из-за каждого пропущенного мяча, то он очень быстро выйдет из строя.

И все же, несмотря на такую «прививку», больше всех сокрушается из-за поражения, конечно же, вратарь. Можно сказать, что дело обстоит так: игроки делят пропущенный гол на десятерых — и, следовательно, каждый получает на свою долю по одной десятой части общего огорчения. Но вратарь в этом своеобразном дележе не участвует и получает полную, не разделенную ни с кем, чашу горечи.

Однако это чисто философская сторона вратарского участия в игре. Мне же хочется показать другую сторону — игру вратаря как таковую, меру его усилий в общем стремлении команды к победе.

Как же это сделать? Давайте попробуем взять один из интересных матчей финальной пульки шести команд, боровшихся за звание чемпиона,— матч «Динамо» — «Торпедо», хотя этот матч мы, динамовцы, и проиграли со счетом 0 : 2. Почему именно этот? Потому, что если бы вратарь рассказывал о матче, который его команда выиграла, то трудно было бы показать его переживания, а ведь мы задались целью показать игру «глазами вратаря». Кроме того, мне, несмотря на поражение, хочется говорить именно об этом матче, так как команда «Торпедо» показала в этом сезоне по-настоящему красивую, содержательную, целеустремленную игру, которая нравилась не только зрителям, но даже соперникам «Торпедо».

Если бы я заявил, что существуют голы, которые доставляют радость пропустившим их вратарям,— это было бы футбольным кокетством. И все-таки бывает так, что вратарь не то что радуется, а, скажем, справедливо оценивает голы. Это бывает тогда, когда мяч забит в его ворота красивым, неотразимым ударом. А именно такими ударами и были забиты мячи в матче «Динамо» — «Торпедо».

Между прочим, в прошедшем сезоне, как это ни горько сознавать, класс нашего футбола в общем, по-моему, снизился. Мы, правда, сумели выиграть Кубок Европы. Но ведь то была победа сборной! А если взять отдельные команды, участвующие в первенстве страны по классу «А», то тут дело обстоит далеко не так хорошо. Пожалуй, одна лишь команда «Торпедо» сумела подняться на ступеньку выше по сравнению с прошлым годом.

А теперь я постараюсь вновь пережить острые моменты встречи моей команды «Динамо» с командой «Торпедо». Может быть, мне удастся с помощью фотографий хоть немного раскрыть роль вратаря в игре, показать его радости и огорчения.

1

Многие зрители думают, что вратарь принимает активное участие в игре лишь в тот момент, когда вступает в непосредственный контакт с мячом. Это неверно. Вратарь пребывает в постоянном напряжении все девяносто минут матча; он участвует мысленно в каждом пасе, в каждой комбинации и своих и особенно игроков противника.

Так, всякий раз, как атака на ворота шла с левого фланга «Торпедо», где играл быстрый и техничный Олег Сергеев, мне приходилось быть настороже. Что сейчас будет: передача на штрафную площадь или удар по воротам? Намерения нападающего сразу не разгадаешь, и поэтому: «Эй, вратарь, готовься к бою!»

2

Своевременный выход на мяч—лучшая гарантия против гола. Мне с моими физическими данными (рост —184 сантиметра, вес —82 килограмма) выходить на мяч не страшно.

Много хлопот доставил мне вездесущий правый полусредний торпедовцев Борис Батанов. Я все время следил за его перемещениями. Посмотрите, как хитро он рассчитывает на ошибку динамовского защитника.

4

Когда наши защитники действовали четко, получалась ситуация, милая сердцу каждого вратаря. Прямо перед воротами, в самой опасной зоне, создана массированная оборона. Да, когда на подходах к нашим воротам оказывалось три защитника против одного торпедовца, я, конечно, мог не волноваться.

Точное взаимодействие защитников и вратаря обычно вызывает дружные аплодисменты зрителей...

4

5

6

7

МИ ВРАТАРЯ

5

Но иногда на трибунах раздаются не аплодисменты, а свистки. Их можно ждать наверняка, если кто-нибудь из игроков отпасовывает мяч своему вратарю. Зрители не любят этого. А почему? Если игрок отдает мяч вратарю не для того, чтобы «тянуть» время,— это всегда оправдано. Мяч, выбитый вратарем на половину противника да еще в ноги своему нападающему,— это ли не правильное решение задачи! В один из острых моментов я сам просил Георгия Рябова отпасовать мне мяч. И напрасно свистели на трибунах. Футбол — игра, а не спектакль.

6

Молодой способный игрок Олег Сергеев, левый крайний нападающий, забил первый гол в матче, о котором я рассказываю. Наш центральный защитник, получив мяч, чуть промедлил с отбойным ударом. Сергеев снял мяч у него с ноги и устремился к воротам. Владимир Кесарев пытался исправить ошибку товарища по команде...

7

...но было уже поздно. Олег Сергеев ударил — с семи метров! — и мяч оказался в левом углу.

8

Не напрасно опасался я Батанова. Второй гол забил именно он...

И не могу не повториться: когда команда соперника забивает красивые и неотразимые мячи, вратарь не то что примиряется с этим, а по достоинству оценивает мастерство соперников. Торпедовские нападающие не раз в этом сезоне доставляли нам, вратарям, эту печальную возможность. Что ж, мне остается лишь поздравить и их и других автозаводцев с почетными титулами чемпионов страны.

8

6 ноября исполняется сто лет со дня избрания президентом США Авраама Линкольна.

ЧЕСТНЫЙ ЭЙБ ИЗ БЕЛОГО ДОМА

В. ВАЙНШТОК,
Л. РУБИНШТЕЙН

Великий американский поэт Уолт Уитмен писал в 1856 году: «Я был бы чрезвычайно рад, если бы какой-нибудь американский кузнец или лодочник — храбрый, умный, бывалый, здоровый бородач средних лет, с загорелыми руками, лицом и грудью, в опрятном рабочем костюме, пришел бы с Запада, из-за Аллеганских гор, и занял пост президента; я непременно голосовал бы за такого человека, обладай он должными достоинствами, предпочтя его всем остальным кандидатам».

Пожелтевшие иллюстрированные журналы того времени изображают перевыборную кампанию 1860 года: на одних картинках изящные джентльмены в цилиндрах призывают голосовать за демократов; на других — люди с простонародными лицами, в кепи, несут фонари с надписями: «Голосуйте за честного, старого Эйба!» Это агитаторы Авраама Линкольна.

Партия Линкольна, партия республиканцев, была совсем молода: ей минуло всего шесть лет. В то время это была партия прогресса. Она выступала против рабства негров и за распределение целинных земель Запада между фермерами.

Демократы стояли за сохранение рабства и распространение его на западные земли. Южные демократы-плантаторы требовали, чтоб вся Америка была покорена силой оружия и превращена в рабовладельческий материк. Они имели в виду не только США, но и Кубу, и Мексику, и вообще всю Латинскую Америку. Эти откровенные реакционеры свирепо ненавидели аболиционистов — противников рабства.

Линкольн был поставлен историей во главе всего самого лучшего, что было тогда в Америке, — во главе народа, который в 1861 году поднял знамя борьбы за освобождение негров, за равенство между народами.

Линкольн был сыном плотника. Он начал свой трудовой путь дровосеком и плотовщиком. Потом он стал почтовым служащим и, наконец, адвокатом.

«Труд, — говорил Линкольн, — важнее и самостоятельнее, чем кажется. Капитал есть только продукт труда; капитала не было бы, если бы раньше не существовал труд. Труд выше капитала и заслуживает большего внимания»...

Выборы принесли Линкольну безусловный триумф. Но когда бывший лесоруб явился в Вашингтон, чтобы занять президентское кресло, реакционеры встретили его враждебно.

Вашингтон был наполнен агентурой южан. Для того, чтобы президент мог безопасно проехать в Капитолий и принять присягу, коменданту генералу Стону пришлось поместить наблюдателей-снайперов на крышах домов. Линкольн присягнул на верность конституции. Грянул артиллерийский салют. Это было 4 марта 1861 года.

А 12 апреля в штате Южная Каролина раздался первый выстрел гражданской войны между Севером и Югом.

Авраам Линкольн вначале предполагал ликвидировать рабство постепенно, в течение многих лет. Президент в первой половине войны соблюдал величайшую осторожность, боялся решительных ударов и надеялся, что южане пойдут на уступки. Но логика событий заставила его все более и более склоняться к левому лагерю того времени. В январе 1863 года вступила в силу прокламация об освобождении негров в южных штатах. Около 200 тысяч их влились в армию.

Выступая на пленарном заседании XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, товарищ Н. С. Хрущев сказал:

«Мы преклоняемся перед Авраамом Линкольном, великим американцем, который поднял знамя борьбы за освобождение негров. Он был американец и воевал против других американцев за равенство между народами, за справедливость».

Линкольну выпало быть «военным президентом», но он всегда думал о мире. «Я хочу мира, — писал он в 1863 году, — я хочу остановить это страшное истребление людей и уничтожение материальных ценностей».

В апреле 1865 года армии южан капитулировали. Гражданская война была закончена.

Это были последние дни жизни Линкольна. 14 апреля, на представлении комедии в театре Форда, раздался предательский выстрел, и президент был убит.

У честного Эйба были враги не только на Юге, но и на Севере. Буржуазия Нью-Йорка и Чикаго смотрела на «лесоруба» презрительно. Его терпели только потому, что он вел за собой массы фермеров и рабочих. Но с концом гражданской войны этот президент стал не нужен...

Маркс высоко ценил Линкольна. По его словам, Линкольн «был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои прекрасные качества. И скромность этого великого и прекрасного человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником».

С тех пор прошло сто лет. В Америке идут последние дни предвыборной кампании 1960 года. Имя Линкольна используется нынешними республиканцами как средство провести на президентский пост своего кандидата. О Линкольне говорят так много, что один из избирателей обратился в редакцию журнала «Ньюсуик» с просьбой объяснить, в каком избирательном округе выставлен кандидатом А. Линкольн и где можно за него голосовать!

Но Линкольна нет. В республиканском списке стоит Никсон.

Нынешний кандидат республиканцев повторяет на митингах одну и ту же хвастливую фразу о том, что Америка самая сильная нация в мире — и в военном и в экономическом отношении.

Его противник, демократ Кеннеди, тоже не блещет излишним миролюбием. Он разглядел «коммунистическую опасность в 90 милях от берега Флориды» (имеется в виду Куба) и по этому случаю вспомнил о святости «доктрины Монро», что надо понимать как угрозу интервенцией.

Оба кандидата клянутся в ненависти к коммунизму. Никсону принадлежит фраза: «Коммунизм есть зло, потому что он отрицает бога и пренебрегает человеком».

На партийном съезде демократов в Лос-Анжелосе Кеннеди сказал: «Мы знаем, что наши противники будут призывать имя Линкольна на помощь своему кандидату». Сам он повторяет имя Франклина Рузвельта.

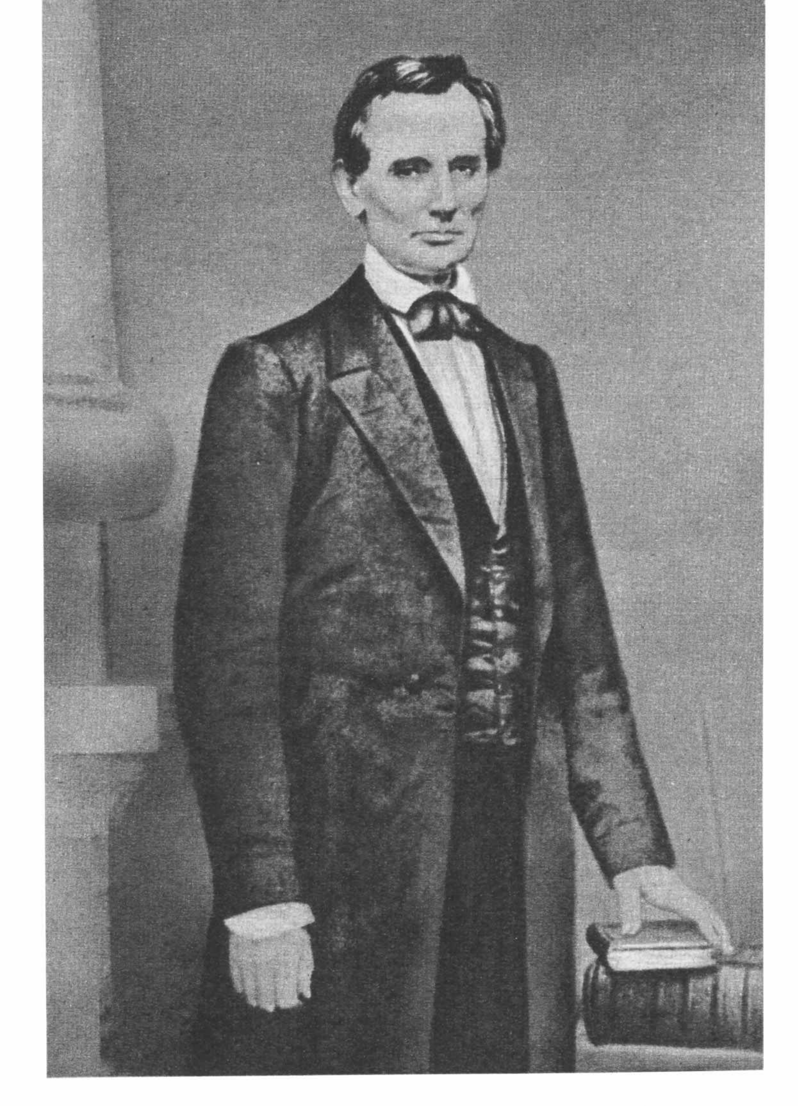
По этому поводу можно заметить лишь одно: у Никсона так же мало оснований ссылаться на Авраама Линкольна, как у Кеннеди на Франклина Рузвельта.

Вряд ли кандидаты на выборах 1960 года согласились бы повторить то, что когда-то говорил Линкольн о труде, капитале и власти народа: «Когда бы ни возникал конфликт между правами человека и правами собственности, права человека должны взять верх».

Если Никсон едет за благословением к миллиардеру — республиканцу Рокфеллеру, то Кеннеди отправляется за моральной помощью к рыцарю «холодной войны» — демократу Трумэну.

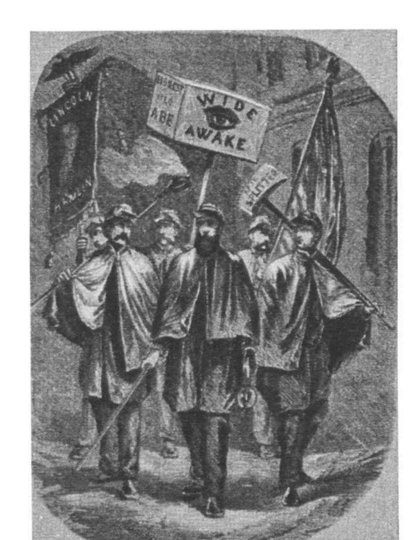
Представим себе, что честный Эйб оставил свою гробницу в Спрингфильде и явился на предвыборный митинг. Можно представить себе выражение его лица, если бы он узнал, что Ричард Никсон был членом «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», а Кеннеди — сын миллионера.

И еще раз вспоминаются слова Уолта Уитмена: «Разве не обанкротились политические партии? Смею утверждать: обанкротились окончательно. Америка переросла их, они перед ней — пигмеи...»



Авраам Линкольн в год избрания президентом.

«Голосуйте за Авраама Линкольна».



Владимир ПОЛЯКОВ

Рисунок М. Ушаца.

Она заплыла далеко от берега, и вдруг у нее на пути вынырнула русая голова и блеснули улыбкой два карих глаза.

— Прошу прощения за то, что вмешиваюсь в ваши личные спортивные дела, но советую вам повернуть к берегу. Вы очень далеко заплыли, я опасаюсь за вас. Прошу, не испытывайте нервы незнакомого вам человека.

— Если вопрос стоит столь серьезно, плыву обратно,— сказала она.

Так они познакомились. Это происходило в Черном море, на ялтинском пляже.

Палило солнце, вода была изумрудного цвета, небо сияло.

— Может быть, это нагло с моей стороны, но я считаю, что мы уже знакомы,— сказал он.— Остается представиться: Семенов Павел.

— Лида,— ответила она, нырнула и скрылась под водой. А потом вынырнула метрах в пяти от него и отличным кролем рванулась к берегу.

Он ее не догнал. Встретил, уже уходя с пляжа. У нее были длинные каштановые косы и такие голубые глаза, что спокойно смотреть в них было просто невозможно.

Они встречались утром и расставались поздно вечером. Она рассказывала ему о своих институтских делах и подругах (Лида училась на третьем курсе медицинского института в Саратове), а он говорил о литературе, делился своими впечатлениями от прочитанных им книг Ремарка, Хемингуэя и Вадима Кожевникова. У него были интересные мысли, отличная память, и он умел говорить просто и в то же время образно. Он много читал, много знал, и с ним было интересно. Он не был похож на курортных молодых людей, продавших душу рок-н-роллу, загоравших на танцевальных площадках, игравших на пляже в карты и сдающих по утрам пустые бутылки.

И Лида влюбилась.

Ах, дорогие читатели! Не надо так думать. Я же чувствую все ваши подозрения: Павел окажется нормальным курортным ловеласом и обманет наивную девушку.

Ничего подобного! Он действительно чудесный парень, он ее по-настоящему любит и хочет, чтобы она стала его женой. Не надо заранее думать о людях плохо. Все хорошо. Плохое будет дальше.

Лида возвращается в Саратов, начинаются занятия в институте, уже забыт месяц отдыха, уже давно сошел, будто его не было, крымский загар, но осталось главное — чувство к Павлу.

Почта работает у нас отлично. Каждую субботу почтальон приносит Лидочке письма, полные любви и тоски.

А в последнем письме великолепные строки: «Послезавтра выезжаю к тебе в Саратов. Не дождусь этого дня. Целую. Твой Павел».

— Мама, во вторник приезжает мой муж,— сказала Лида.

— То есть как муж?! — вскрикнула мама.

— Ну, еще не муж, мы запишемся, когда он приедет, но в мыслях он муж. Ты его сразу же полюбишь, мамуся. Он тебе понравится. Умный, культурный, образованный, воспитанный, чуткий... Чудесный человек!

— Таких не бывает,— сказала мать.

— Вот увидишь! И ты и папа будете от него без ума.

Во вторник приехал Павел. Он пришел в дом с двумя букетами. Лидочке он принес розы, а маме — гладиолусы.

Вежливый, внимательный, скромный и милый, он бесповоротно понравился Лидочкиным родителям.

Вечером был устроен семейный ужин, на который были приглашены ближайшие родственники. Когда разлили по бокалам полусухое шампанское, Павел поднял бокал и сказал:

— Я, к сожалению, плохой оратор. Цицерон из меня не вышел. Как говорится, омнеа меа мекум порто.

— Все мое ношу с собой,— перевел шепотом отец.— Какой молодчина, он и латынь знает!

— Я счастлив сегодня. Счастлив потому, что я здесь с вами, с моей Лидочкой, с ее родными и друзьями. Большего счастья я не знаю. И желаю вам всем быть столь же счастливыми!

Все улыбались. У всех было хорошо на душе.

На стол поставили пирожные. Дядя Коля заявил, что очень любит пирожные, облитые вином, и перевернул бокал, но оказалось, что он уже все вино выпил и бокал пустой.

— Николай Сергеевич переливает из пустого в пирожное,— сказал Павел.

— Какой он остроумный! — сказал дядя Коля.

И все хохотали.

Павел подсел к тете Шуре и заговорил с ней о Бисмарке. Тетя Шура занималась историей дипломатии, и ей было приятно потолковать с человеком, обладающим недюжинными знаниями в этой области.

Все были в восторге от жениха и разошлись только во втором часу ночи.

— Вот мы и одни,— сказала Лида.— Какой ты у меня хороший и любимый... Даже не верится, что я так счастлива... Ведь утром мы идем в загс.

— Мы не идем,— сказал Павел.— Мы бежим. У меня нет терпения.

— А вечером мы с тобой вдвоем отпразднуем нашу свадьбу,— сказала Лида.— Нам никого больше не надо. Вдвоем в нашей комнате. Мы зажжем свечи, выпьем шампанского...

— Только не вечером, а ночью,— сказал Павел.— Вечером я работаю.

— Не понимаю...

— Я ведь тебе не сказал, что я делаю. Ты не спросила меня ни разу о моей специальности.

— Да... как странно... Действительно, я не спрашивала. Кто же ты, мой любимый?

— Я артист эстрады,— сказал Павел.— И вечером я выступаю в зале филармонии.

— Так это ты тот самый Павел Семенов — «юмор, сатира, куплеты, интермедии»?

— Я. Ты расстроилась?

— Почему? Я обожаю эстраду. Завтра мы всей семьей идем тебя слушать.— Она нежно обняла Павла, заглянула ему в глаза и прошептала: — Мой родной, мой остроумный...

И вечером состоялся в зале филармонии концерт.

В ложе сидели Лида, мама, отец, тетя Шура и дядя Коля.

На эстраду вышел Павел в черном костюме, лакированных туфлях и с бантиком на шее и улыбнулся во весь рот.

— Эстрадники несут людям радость,— сказал отец.

И Павел «понес».

— Я исполню куплеты под названием «А уж это как сказать». Все спрашивают, какой у меня голос. Я отвечаю: макулатурное сопрано. Сопрано от слова «сперли».

Родители в ложе переглянулись, а Лида опустила глаза.

— Слуха у меня тоже нет,— продолжал Павел.— Мне слон на ухо наступил и раздавил перепонку барабанку... То есть барабанную перепонку... Не выговаривать.

Дядя Коля пожал плечами.

— Слова куплетов мои, музыка тоже краденая. Маэстро, прошу.

Пианист заиграл, и Павел начал:

Я спою сейчас куплеты
На различные сюжеты
И припев решил к ним взять:
А уж это как сказать...

Парень в девушку влюбился
И всего от ней добился,
Надо б в загс ее позвать,
А уж это как сказать...

Лида встала и вышла из зала. Павел увидел. Он растерялся и, до-

певая последний куплет, провожал ее испуганным взглядом.

Мама, отец, дядя и тетя встали и пошли за Лидой.

Наспех раскланявшись, Павел выбежал из помещения филармонии. Он нагнал семью на углу.

— Что случилось? — спросил он прерывающимся голосом.

Лида молчала. По щекам ее текли слезы.

— Лидочка! Что с тобой?

— И ты еще спрашиваешь?! Ты не понимаешь? У тебя есть ко мне вопросы?!

— Мы полагали, что вы культурный, интеллигентный человек, вы покорили нас своей скромностью и деликатностью,— сказал отец.— Но вы обманули нас. Нахал, наглец и пошляк не может быть мужем нашей Лиды.

— Я понимаю,— сказал Павел.— У меня неважный репертуар, но ведь это... мне написали авторы...

— А зачем вы это исполняете?— закричала мама.— Неужели у вас совести нет? Интеллигентный человек, а такое себе позволяете...

Лида шла зареванная. У нее подкашивались ноги.

— Лидочка...

— Оставьте меня! Не подходите! Вы мне противны! — прошептала она.— Прощайте!

— Лида! Лидочка!.. Как же... ведь... Ну, что это? Ну, ведь я... Ну, что особенного? Ну, плохие куплеты, но ничего же страшного...

— Ничего страшного?!

Лида размахнулась и отвесила ему звонкую затрещину.

— За что? Лида!

— За репертуар. За то, что вышел, улыбаясь, и спел эту гадость. Уйди! Не желаю тебя видеть!

В тусклом свете уличных фонарей долго блуждал по городу артист П. Семенов. А дома рыдала Лида, ходил по комнате насупившийся отец, тетя Шура давала матери валерьянку, а дядя Коля пытался успокаивать.

— Бывает,— сказал он.— Но как может культурный, образованный человек позволить себе такое?! Ни черта не понимаю...

ДЕБЮТАНТЫ ИГРАЮТ ОТЛИЧНО

На днях мы с Ботвинником во время прогулки заблудились и спросили у одной немки, как пройти в гостиницу «Астория». Она нам охотно объяснила, но затем добавила: «Учтите, что в этой гостинице делать нечего, там живут одни шахматисты». Немка была права. В «Астории» действительно живут только участники олимпиады, судьи и журналисты. Там представлен сейчас весь шахматный мир, но дел там для всех хватает.

Казалось бы, что после очередного тура все шахматисты должны испытывать усталость. Оказывается, ничего подобного. Каждый вечер, закончив официальную встречу, гроссмейстеры снова садятся за доски и разыгрывают молниеносные турниры. Здесь тоже есть свои чемпионы. Никто не может тягаться с двумя советскими шахматистами—Тиграном Петросяном и Михаилом Талем. Только Бобби Фишер никак не может примириться с поражением. Особенно часто он играет с Петросяном. Пятиминутные партии проходят «со звоном», как говорят шахматисты: каждый ход сопровождается каким-нибудь остроумным комментарием. Бобби даже научился «звонить» по-русски.

Каждый вечер молодой чемпион США садится за доску с надеждой взять реванш и каждый вечер проигрывает. Но, несмотря на это, он остается оптимистом. «Я проигрываю Петросяну, — говорит Фишер, — однако это не означает, что он сильнее меня». Когда в вечерние турниры включился Михаил Таль, большая толпа заполнила гостиничный холл. Особенный интерес вызывают встречи Таля с Петросяном.

На олимпиаде в первые дни было около тысячи зрителей, но когда в Лейпциг приехал Таль, их число возросло в три-четыре раза. Партии чемпиона мира восхищенно комментируются и рядовыми любителями и изощренными знатоками. Так, например, аргентинский гроссмейстер Найдорф воскликнул после очередной победы Михаила Таля: «Спор о том, что такое шахматы — игра, наука или искусство,— можно считать законченным. Таль показал, что шахматы—это прежде всего искусство».

Полуфиналы были для советских шахматистов легкой прогулкой. Никто из наших гроссмейстеров не проиграл ни одной партии. У всех у них одна цель: дать своей команде максимальное количество очков.

С большой волей к победе проводит свои партии Михаил Ботвинник. Пока он ни разу не попал в цейтнот. Видимо, экс-чемпион мира не забывает, что скоро состоится матч-реванш и к его началу он должен окончательно излечиться от «цейтнотной болезни».

Легко и убедительно играет Пауль Керес. Большое впечатление производят выступления чемпиона СССР В. Корчного. Ярко, с подъемом проводит свои партии В. Смыслов. Но самым результативным игроком, набравшим сто очков из ста возможных, является Тигран Петросян.

У советской команды хорошее настроение. И не удивительно, что на импровизированных концертах сильно звучат голоса лучших певцов шахматного мира — баритона В. Смыслова и тенора В. Кобленца, тренера М. Таля. Они пели с успехом на встрече олимпийцев с советскими туристами, приехавшими в Лейпциг, чтобы поддержать боевой дух команды СССР.

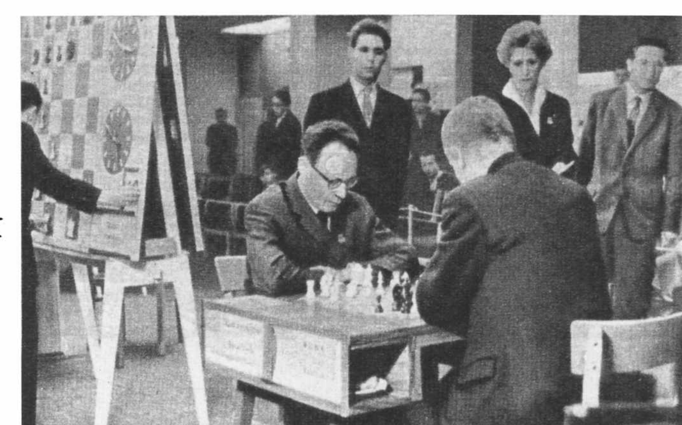
Наш гроссмейстерский ансамбль в отличной форме. Об этом убедительно говорит победа, одержанная им над сильной командой Аргентины.

На предыдущей олимпиаде в Мюнхене произошла небольшая сенсация. Команда Венгрии не попала в финал. В Лейпциге полуфинальные игры закончились без сюрпризов. Ни одна из команд стран Азии и Африки не смогла попасть в финал, но это не умаляет их успешного выступления. Достаточно вспомнить разгром, который учинили тунисские шахматисты датчанам, победу филиппинцев над австрийцами, индонезийцев над израильтянами. Все эти результаты можно считать отличными для «дебютантов». Недалеко то время, когда среди финалистов шахматной олимпиады мы увидим команды Азии и Африки.

Полуфиналы позади. Кончилась легкая жизнь для олимпийцев. Начались финальные игры между дзенадцатью сильнейшими шахматными командами мира.

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька».

Лейпциг.



На шахматной олимпиаде в Лейпциге. Играет М. Ботвинник.

СОРОК ТЫСЯЧ ВОПРОСОВ

Необходимость или любознательность, желание разыскать фронтового друга или выбрать на сегодняшний вечер развлечение по вкусу и еще множество других причин и обстоятельств ежедневно приводят к этим окошечкам сорок тысяч москвичей и приезжих. Сорок тысяч вопросов каждый день требуют сорок тысяч ответов, и лишь один здесь запрещен: фраза «не знаю» считается браком в работе сотрудников «Мосгорсправки».

Конечно, совсем легко сообщить, где требуется работник данной специальности: киоски завалены требованиями предприятий и учреждений. Довольно легко указать, как быстрей проехать в тот или иной пункт столицы: карта маршрутов под рукой. Не так-то уж трудно назвать дату рождения Наполеона, высоту здания МГУ; удельный вес гелия, сколько сделал оборотов и когда окончил существование второй искусственный спутник Земли. Поможет Большая Советская Энциклопедия, подшивки газет или запрос в соответствующее учреждение.

Однако бывают и затруднительные и весьма забавные положения.

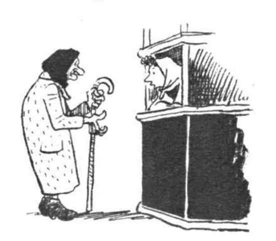
К справочному бюро возле Казанского вокзала подошла женщина весьма почтенного возраста.

— Милая, скажи, ради бога, где я живу?

Оказывается, даже такое радостное событие, как новоселье, может доставить неприятность. Старушка с дочерью переехала несколько дней назад в новую квартиру. Вышла погулять. Закрутилась в водовороте Комсомольской площади. Не знает не то что номера дома и квартиры, но даже названия улицы.

— Ничего, мамаша, это все легко уладить,— успокоила киоскер В. Тяпкина.

Но от волнения старушка забыла... собственную фамилию. В девяносто лет может и такое случиться.



Тяпкиной пришлось поменяться ролью с клиентом: вопросы задавала она. Старушка в конце концов назвала дочку: Елизавета Ивановна Кулешова. Остальное было делом простым. Дом «потерявшейся» находился недалеко от киоска. Но уйти Тяпкина не могла. Пришлось вызвать по телефону сотрудницу, и та проводила старушку домой. А дома изрядно уже наволновались...

Вот какая неожиданная встреча произошла недавно.

К окошечку наклонился молодой человек.

— Укажите, пожалуйста, мне адрес Калиниченко Бориса Петровича.

Стоявший за парнем в очереди немолодой мужчина встрепенулся:

— Позвольте, позвольте, зачем вам адрес Калиниченко?

Молодой человек откликнулся довольно резко:

— Ну, а вам-то что до этого?

— Как что? Я и есть Борис Петрович Калиниченко.

Юноша отпрянул, но тут же спокойно произнес:

— Вот так встреча! Вот, значит, как выглядит мой отец! Ну, что ж, познакомимся.

Вид Калиниченко-старшего выражал полную растерянность.

Это случилось на Угольной площади, у киоска № 107. Изменили мы только фамилию человека, пережившего, видимо, когда-то трагедию. Появись подобный эпизод на страницах художественного произведения, читатель, наверное, воскликнул бы: «Какая надуманная ситуация! В жизни так не бывает!»

...Человек дышит тяжело.

Он бежал к справочному киоску. И вдруг такой вопрос: «Дайте адрес скотомогильного управления». Что за чудачество?

Киоскер не заглядывает в справочник. Он уверенно отвечает, что такого управления нет и не может быть. А что, требуется похоронить животное? Нет, дело сложнее. Спрашивающий — фармацевт. В аптеке, где он работает, произошла беда. Уронили герметически закупоренный сосуд с мышьяком. Со многими предосторожностями тщательно собрали яд с пола. А что делать дальше? Куда его выбросить, чтобы избавиться от угрозы несчастных случаев? Вот и решили зарыть там, где хоронят животных.

— Нет, все равно в городе делать это небезопасно,— замечает киоскер.— Лучше я дам адрес и телефон главного агронома областного управления сельского хозяйства. Он, несомненно, порекомендует вам загородный пустырь, где можно безопасно «похоронить» отраву.

Совет с благодарностью принимается.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

Сувенир филателиста

3 ноября исполняется три года со дня запуска второго советского искусственного спутника Земли, на борту которого находился первый космический пассажир — Лайка. Вы видите своеобразный филателистический сувенир: на открытке с изображением Лайки — советская почтовая марка, выпущенная в ознаменование выдающегося события. Марка погашена особым штемпелем.

М. ТИМОФЕЕВ

Разные истории

Ф. КРИВИН

СОЧУВСТВИЕ

— Бедняжка, ты так бледна!— говорит Фонарь далекой Звезде.— Иди ко мне, я поделюсь с тобой огнем, я буду освещать тебе дорогу.

ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

Травинка льнет к невысокому стройному Столбику. Ей нравятся его прямота, его крепость. Травинке хочется, чтобы Столбик ее приласкал, чтобы сказал что-нибудь теплое, задушевное.

Но Столбик говорит только одно:

— По траве не ходить! Цветов не рвать!

Очень правильные, очень справедливые слова, но ведь должны быть и еще какие-то слова на свете! Травинка уверена, что они есть, эти слова.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНГО

Вероятно, мало кому известно, что перу английского писателя А. Конан-Дойля принадлежит книга «Преступление в Конго», вышедшая в свет в Лондоне в 1909 году. В ней автор рассказывал о бесконечной жестокости колонизаторов. То, что творилось в Конго, по словам писателя, не поддается описанию. Для устрашения белые «владыки» отрубали неграм кисти рук и ступни ног. Часто так поступали с детьми. Каковы были результаты такого правления бельгийцев, можно судить по тому, что коренное население Конго за несколько лет резко уменьшилось.

На нашем снимке — титульный лист книги, изданной в Нью-Йорке.

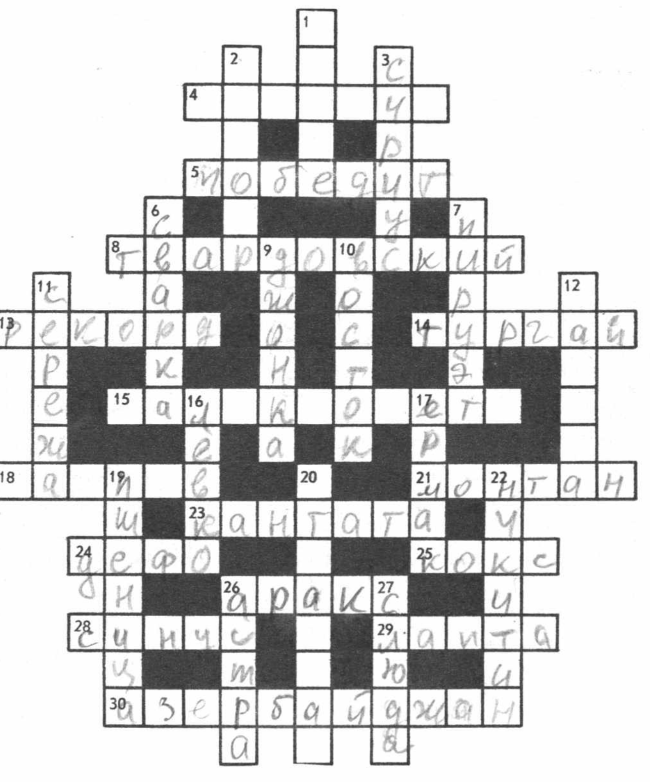
Я. ПЕШКОВСКИЙ

The
Crime of the Congo

By
A. Conan Doyle
Author of
The Great Boer War, etc., etc.

New York
Doubleday, Page & Company
Mcmix

КРОССВОРД



По горизонтали:

4. Пассажирский вертолет. 5. Твердый сплав. 8. Советский поэт. 13. Наивысшее достижение. 14. Новый город в Казахстане. 15. Прибор для измерения удельного веса молока. 18. Советский химик. 21. Французский певец. 23. Музыкальное произведение. 24. Английский писатель XVII—XVIII веков. 25. Искусственное твердое топливо. 26. Приток Куры. 28. Тригонометрическая функция. 29. Русская игра. 30. Союзная республика.

По вертикали:

1. Ловчая птица. 2. Роман К. Федина. 3. Самая яркая звезда. 6. Процесс соединения металлов. 7. Полный оборот танцора. 9. Китайское судно. 10. Станция в Антарктиде, где была зарегистрирована самая низкая температура. 11. Фильм, получивший на международном кинофестивале Хрустальный глобус. 12. Актриса Малого театра. 16. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 17. Первый в мире ледокол. 19. Растение семейства злаковых. 20. Собака, совершившая пять космических полетов. 22. Автор «Хождения за три моря». 26. Цветок. 27. Пластинчатый минерал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

5. Конакри. 6. Камышит. 10. Орисава. 11. «Гроза». 12. Канва. 13. Канарейка. 15. Клюква. 17. Гепард. 19. «Молох». 21. Плотва. 22. Оборот. 23. Окуляр. 24. Дионея. 26. Итака. 30. Нейлон. 31. Ирасек. 32. Австралия. 35. Седло. 37. Катер. 38. Аметист. 39. Апофеоз. 40. Биотрон.

По вертикали:

1. Фанза. 2. Орлова. 3. Ламарк. 4. Рыжик. 5. Кадриль. 7. Траверз. 8. Фигаро. 9. Зарево. 13. Кантилена. 14. Агрономия. 16. «Колокол». 18. Просека. 19. Маори. 20. Хорда. 25. Нереида. 27. Тютчев. 28. «Красин». 29. Ледерин. 33. Власов. 34. Иттрий. 36. Олифа. 37. Карта.

На первой странице обложки: Бывшие однополчане комсомольцы Владимир Афанасьев и Владислав Янковский вместе приехали на строительство завода синтетического каучука в город Ставрополь под Куйбышевом. Оба работают в бригаде коммунистического труда Николая Мануйлова. Так повелось в бригаде — на готовом объекте водружается красный флаг. (См. в номере очерк «Капля в море».)

Фото С. Панова.

На четвертой странице обложки: «Запрещенный прием».

Фото О. Неёлова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

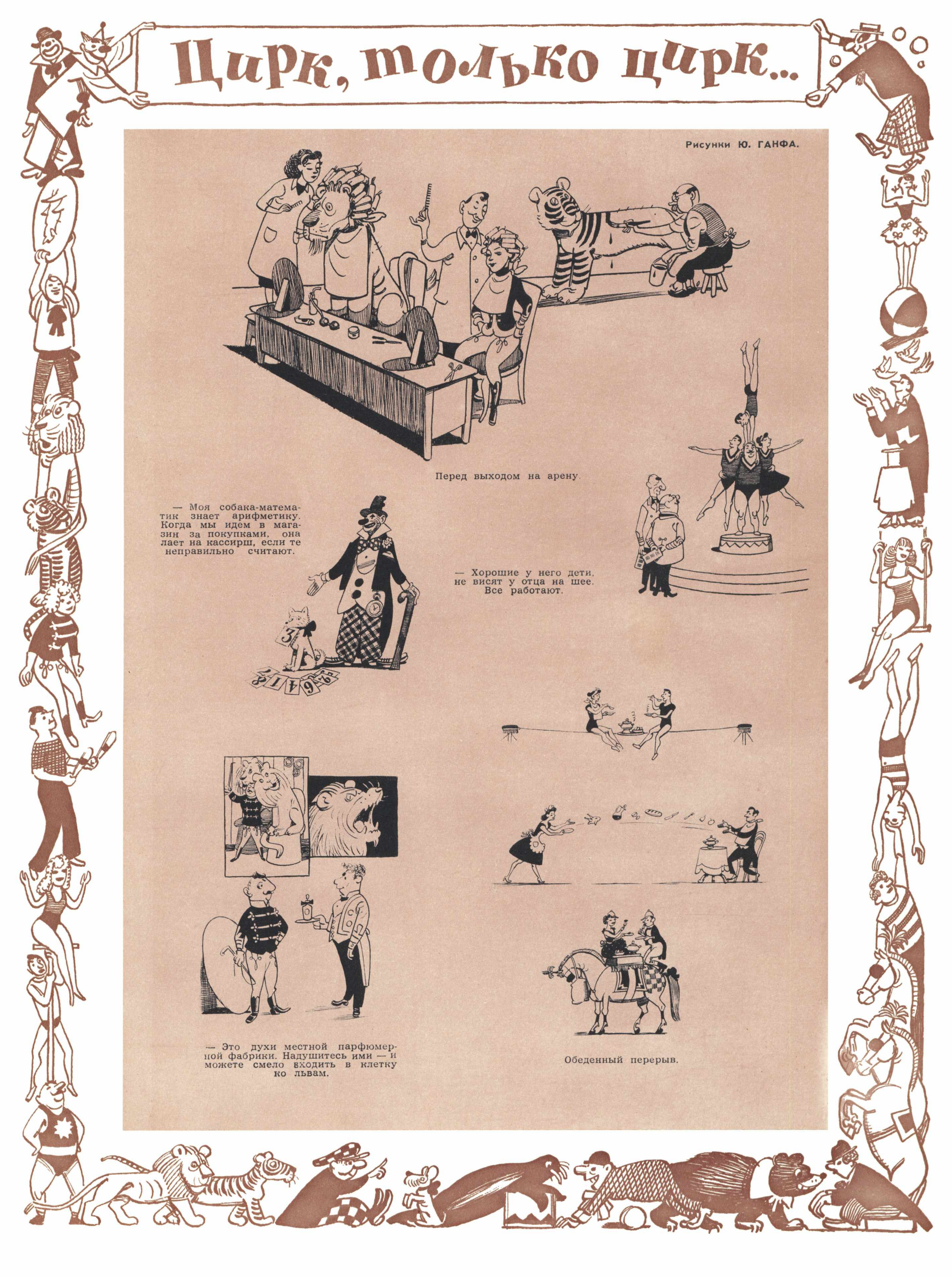
Оформление Е. Казакова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07186. Подписано к печати 26/X 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 1565. Заказ 2924.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



Цирк, только цирк...

Рисунки Ю. ГАНФА.

Перед выходом на арену.

— Моя собака-математик знает арифметику. Когда мы идем в магазин за покупками, она лает на кассирш, если те неправильно считают.

— Хорошие у него дети, не висят у отца на шее. Все работают.

— Это духи местной парфюмерной фабрики. Надушитесь ими — и можете смело входить в клетку ко львам.

Обеденный перерыв.

Цена номера 3 руб.